5294.

Акт № 1

ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ

Чит. зал.

Индекс	ИВ31		Шифр хранения
Авторский знак	3-Т.41-П		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

27/28/					
					✓

Тип. Военмориздата. Зак. 1453 –150000

ПРОВЕРЕНО - 06

ПРОВЕРЕНО - 06

ПРОВЕРЕНО-85

XII-8р.
Т-41

Первые годы Петербурга.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Г. И. Тимченко-Рубана.

5294.
57500
БИБЛІОТЕКА Ц. В.-М. МУЗЕЯ

Издалъ В. Березовскій
Комиссіонеръ Военно-учебныхъ заведеній
С.-Петербургъ, Колокольная, собств. домъ, № 14.
1901.

ПР
ПРО
ПРОВ

1260

Тип. Э. Аригольда. Лит. 59.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ГЛАВА I. Прошлое земли Ижорской и основныя причины Сѣверной войны 1

ГЛАВА II. Объявленіе войны и военныя дѣйствія въ 1700 году . . . 22

ГЛАВА III. Кампанія 1701–1702 гг 37

ГЛАВА IV. Военныя дѣйствія 1703 года 58

ГЛАВА V. Заложеніе Петербурга и Кронштота 78

ГЛАВА VI. Ингерманландскій театръ войны въ 1704 году 99

ГЛАВА VII. Организація обороны Петербурга и бои со шведскимъ флотомъ у Котлина въ первую половину кампаніи 1705 года 115

ГЛАВА VIII. Сухопутныя и морскія операціи подъ Петербургомъ во вторую половину кампаніи 1705 года. 135

ГЛАВА IX. Оборонительныя работы у Петербурга и на Котлинѣ въ [illegible]одъ 1705—1708 гг. 152

[illegible] Военныя дѣйствія въ Ингерманландіи въ 1706—1708 гг. и [illegible]ій бой со шведами въ землѣ Ижорской 174

БИБЛІОТЕКА Ц. Р. М. МУЗЕЯ

ГЛАВА I.

Прошлое земли Ижорской.—Вотьская пятина.—Борьба Новгорода со шведами и нѣмцами.—Александръ Невскій.—Ландскрона.—Орѣховскій трактатъ.—Крестовый походъ Магнуса.—Переходъ Вотьской пятины подъ власть московскихъ царей.—Ливонскія войны.—Тявзинскій договоръ.—Смутное время.—Выборгскій договоръ.—Графъ Яковъ Понтусъ де-ла-Гарди.—Густавъ-Адольфъ въ землѣ Ижорской.—Столбовскій договоръ и переходъ Ингріи къ шведамъ.—Попытки къ возвращенію Невы.—Кардисскій договоръ.—Значеніе устьевъ Невы.—Основныя причины Сѣверной войны.—Политическая обстановка.—Союзъ съ Августомъ II и Даніей.—Травендальскій договоръ.—Заключеніе мира съ Турціей.

Рѣка Нева и прилегающіе къ ней земельные раіоны съ незапамятныхъ временъ составляли русскія владѣнія—часть территоріи, извѣстной по актамъ и лѣтописямъ подъ наименованіемъ Вотьской пятины Великаго Новгорода. Вотьская пятина заключала въ себѣ нынѣшніе уѣзды: Ладожскій, Шлиссельбургскій, Петербургскій, Царскосельскій, Петергофскій и большую часть Ямбургскаго. Здѣсь находились старинные русскіе города: Корела (Кексгольмъ), Ладога (Старая Ладога), Ямы (Ямбургъ) и Копорье; здѣсь основаны позднѣе русскими-же Иванъ-городъ (часть Нарвы) и Орѣшекъ (Нотебургъ, Шлиссельбургъ).

Изъ числа деревень Вотьской пятины, поименованныхъ въ переписной окладной книгѣ 7008 (1500) года [1]), многія и по настоящее время сохранили свои древнія названія. Такъ въ

---

[1]) Книга напечатана во «Временникѣ Московскаго общества исторіи», въ № 11.

книгѣ упоминаются: село Лахта, деревни Морья на рѣкѣ того же наименованія у Ладожскаго озера, Веряперя (Верпелево), Валкисаари, Сарки на рѣкѣ Охтѣ, Каменка на рѣкѣ того же наименованія, Паркола (Парголово), Рябово, Токсово, Витино и другія.

По даннымъ указанной переписной книги, приневская часть Вотьской пятины была занята четыре вѣка тому назадъ слѣдующими погостами, т. е. приходами церквей съ кладбищами: *Спасскимъ-Городенскимъ*, съ городомъ Орѣшкомъ, обнимавшимъ всю прибрежную полосу сѣвернаго берега Невы отъ Орѣшка до Финскаго залива, берегъ Ладожскаго озера къ сѣверу отъ Орѣшка до рѣки Морьи, низовья Морьи и часть лѣваго берега верховьевъ Невы—по устьямъ рѣкъ Мойки, Мьи (Мги) и Тосны; *Воздвиженскимъ-Корбосельскимъ*, простиравшимся отъ пограничной съ нѣмецкими (шведскими) владѣніями рѣки Сестры до рѣчекъ Каменки и Охты и до озера Токсова; *Келтушскимъ*, лежавшимъ къ востоку отъ Корбосельскаго и простиравшимся до приладожской части погоста Спасскаго; *Веденскимъ-Дудеровскимъ*, занимавшимъ раіонъ окрестностей нынѣшнихъ Краснаго и Царскаго селъ, Лигова, Петергофа и Гатчины; *Никольскимъ-Ижорскимъ*, орошавшимся рѣками Ижорой, Славянкой и верховьями Тосны; наконецъ *Никольскимъ-Ярвосольскимъ*, заключавшимъ верховья рѣкъ Мьи, Мойки и Назьи.

Первобытными обитателями Вотьской пятины было финское племя Водь, оттѣсненное впослѣдствіи Ижорою—другимъ финскимъ племенемъ, появившимся сначала на лѣвомъ берегу Невы, а затѣмъ, исподволь, разселившимся по всей территоріи пятины, вскорѣ послѣ того получившей названіе земли Ижорской.

Опредѣлить съ точностью: съ какого времени русское народонаселеніе стало водворяться въ областяхъ Води и Ижоры—затруднительно. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что еще до основанія русскаго государства въ этомъ краѣ селились многочисленные выходцы изъ Новгорода, не встрѣчавшіе къ тому

препятствій со стороны аборигеновъ. По переписной книгѣ 1500 года мѣстные жители Вотьской пятины носятъ чисто русскія имена и прозвища: Куземка да Максимка Исаковы, Степанка Алексѣевъ, Бориско Тимохинъ, Ивашка Даниловъ и другіе—вотъ поземельные собственники ближайшихъ окрестностей нынѣшней сѣверной столицы.

Финны земли Ижорской вполнѣ подчинялись русскому владычеству и раздѣляли заботы своей метрополіи—Великаго Новгорода—въ отстаиваніи русскихъ интересовъ. Еще въ 1149 году Водь, поддержанная новгородцами, отразила нашествіе на русскія области Ями, пришедшей изъ Финляндіи, а при Александрѣ Невскомъ «стража морская» была ввѣрена старѣйшинѣ земли Ижорской, финну Пелгусію, во святомъ крещеніи Филиппу. Въ войнахъ со шведами и нѣмцами, вплоть до XVII вѣка, Водь, Корела и Ижора—племена, все болѣе и болѣе подвергавшіяся добровольному обрусенію, постояно являлись нашими естественными союзниками.

Обрусенію финскихъ племенъ земли Ижорской много способствовало пріобщеніе финовъ къ русской вѣрѣ. Съ крещеніемъ Руси греческое вѣроисповѣданіе проникаетъ и на берега Невы: въ различныхъ пунктахъ строятся православные храмы, духовныя требы совершаются русскими священнослужителями, сама территорія подраздѣляется на погосты, т. е. на церковные приходы. Уже въ XIII вѣкѣ успѣхи православія являются причиною «крестовыхъ» походовъ шведовъ на еретиковъ земли Ижорской. Но и насильственное крещеніе мѣстныхъ жителей въ чужую вѣру не увѣнчивается вожделѣнными результатами: ко времени перехода Ингріи подъ власть московскихъ царей все ея населеніе исповѣдывало православіе и было совершенно обрусѣвшимъ. Даже въ началѣ XVII вѣка, послѣ уступки приневскаго раіона шведской коронѣ, православіе остается здѣсь господствующею религіею, и сами шведы, считаясь съ наличными обстоятельствами, немало хлопочутъ о томъ, чтобы ми-

трополитъ новгородскій не прерывалъ связи съ духовенствомъ уступленныхъ имъ областей. Но русское духовенство не могло ужиться бокъ о бокъ съ появившимся здѣсь же духовенствомъ лютеранскимъ; священники стали уходить за рубежъ, въ русскія земли, и паства, лишенная пастырей, мало по малу поддается иновѣрческой пропагандѣ, теряя вмѣстѣ съ тѣмъ и привитую вѣками русскую національность. Въ войнахъ начала XVIII столѣтія со шведами изъ-за обладанія Ингріею, въ особенности въ теченіе кампаній 1705 и 1708 годовъ, когда Майдель, а затѣмъ Либекеръ вторгались въ наши уже владѣнія на лѣвомъ берегу Невы, чухны творили намъ «великія пакости», споспѣшествуя всѣми мѣрами успѣху шведскаго оружія.

Основаніе въ Новгородѣ въ XII вѣкѣ нѣмецкихъ и любскихъ конторъ Ганзеатическаго союза и развитіе торговыхъ сношеній Руси со скандинавскимъ сѣверомъ придали рѣкѣ Невѣ особо важное значеніе, и за обладаніе ею возгорается многовѣковая борьба между русскими и шведами.

Первоначальныя военныя дѣйствія шведовъ и новгородцевъ не соотвѣтствуютъ серьезности задачи: въ XII и началѣ XIII вѣковъ стычки соперниковъ носятъ характеръ случайныхъ набѣговъ, не приносившихъ существенныхъ результатовъ. Болѣе значительнымъ является нашествіе шведовъ на землю Ижорскую въ 1240 году: прикрываясь знаменіемъ религіи, Швеція объявила крестовый походъ на еретическую Русь и направила на берега Невы значительныя военныя силы подъ предводительствомъ Биргера Фолькунга. Но на рѣкѣ стояли уже новгородцы съ своимъ княземъ Александромъ Ярославичемъ. Славный для русскихъ бой 15-го іюля избавилъ Новгородъ отъ шведовъ и доставилъ ихъ князю почетное прозвище «Невскаго».

Также неудачны были и дальнѣйшія, въ теченіе XIII вѣка, попытки шведовъ укрѣпиться въ Корелѣ и Ингріи, ихъ набѣги 1283—1295 годовъ. Въ 1300 году въ Неву вошли съ моря значительныя шведскія силы, завладѣли ея побережьемъ, воз-

вели у устья рѣки Охты городъ и «утвердили его», по словамъ лѣтописца, «твердостью несказанною». Въ новую крѣпость—Ландскрону—былъ назначенъ сильный шведскій гарнизонъ съ военачальникомъ Стеномъ. Но недолго владѣли устьями Невы пришельцы: въ слѣдующемъ же 1301 г. поднялся для возвращенія столь важной потери самъ великій князь Андрей и привелъ подъ стѣны Ландскроны низовые и новгородскіе полки. Не смотря на «твердость несказанную» укрѣпленій новаго города, русскіе въ нѣсколько дней истребили большую часть послѣднихъ огнемъ и пращами, приспособленными къ машинамъ съ перевѣсами, а самую крѣпость срыли до основанія.

Освободивъ Неву отъ крѣпости вражеской, сами русскіе не позаботились утвердиться на ней. Этой оплошностью не преминули воспользоваться шведы: плавнымъ путемъ ходили ихъ отряды въ Ладожское озеро, грабили тамъ русскихъ купцовъ, подрывали торговлю Великаго Новгорода. Волей-неволей надо было принять серьезныя мѣры: въ 1323 году, у истока Невы, новгородцы возвели крѣпкій городъ Орѣшекъ, а въ слѣдующемъ году заключили со шведами Орѣховскій трактатъ, объявившій «вѣчный миръ» и установившій порубежною чертою между землями Новгорода и владѣніями шведовъ въ Финляндіи рѣки Сестру и Воксу.

Вѣчный миръ продолжался недолго: въ 1348 году шведскій король Магнусъ объявилъ новый крестовый походъ на русскихъ «язычниковъ» (!), осадилъ Орѣшекъ и началъ крестить мечомъ въ свою вѣру православную Ижору. Орѣшекъ палъ; но по удаленіи Магнуса крѣпость возвратилась въ руки ея строителей.

Въ дальнѣйшей исторіи земли Ижорской, до періода ливонскихъ войнъ Іоанна Грознаго, по прежнему изобилующей частыми, но безрезультатными войнами съ Швеціей, наиболѣе знаменательными являются: переходъ этой области, въ 1478 году, одновременно съ покореніемъ Новгорода, подъ власть

Москвы и сооруженіе Іоанномъ III, въ 1492 году, крѣпости Иванъ-города—оплота съ западной стороны, на пограничной рѣкѣ Наровѣ.

Но не съ одними шведами воевали новгородцы за обладаніе Вотьскою пятиною: пришлось посчитаться русскому воинству и съ нѣмецкимъ рыцарствомъ.

Уже съ половины XII вѣка католическая пропаганда начала проникать на восточные берега Балтійскаго моря. Неудачныя попытки миссіонеровъ Мейнгарда и Бартольди и полученныя свѣдѣнія о далекихъ окраинахъ заставили папу обратить серьезное вниманіе на Ливонію, зависѣвшую въ то время отъ полоцкихъ русскихъ князей. Буллою изъ Рима были отпущены грѣхи всякому, кто отважится стать въ ряды крестоносцевъ, благословленныхъ на проповѣдь силою меча религіи Христа среди ливонцевъ. На берегахъ западной Двины появился епископъ Альбертъ съ 23 кораблями крестоносцевъ, заложилъ въ 1200 году городъ Ригу, колонизировалъ ближайшія окрестности нѣмецкими выходцами, вызвалъ изъ Германіи рыцарей и учредилъ въ 1202 году орденъ рыцарей Меча съ магистромъ Винно-фонъ-Рорбахомъ.

Тщетно боролись ливонцы въ союзѣ съ половчанами противъ пришельцевъ: низовыя двинскія страны отошли отъ Полоцка и покорились нѣмцамъ; достался имъ въ руки и Юрьевъ—владѣніе Великаго Новгорода, платившій однако съ 1234 года дань Ярославу Новгородскому.

Соединившись въ 1237 году съ Тевтонскимъ орденомъ и образовавъ провинціальный, Ливонскій, отдѣлъ послѣдняго, бывшіе рыцари Меча, усиленные подкрѣпленіемъ изъ Германіи и прочно утвердившіеся въ Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи, пошли на Псковъ и Вотьскую пятину, покорили многія русскія владѣнія и обложили страну тяжелою данью. Въ погостѣ Копорьѣ рыцари построили сильную крѣпость, угрожая тѣмъ стать твердою ногою и надолго въ землѣ Ижорской. Но и новго-

родцы не дремали: уладивъ ссору съ своимъ княземъ, они ввѣрили возвратившемуся въ Новгородъ Александру Невскому собранныя ополченія; съ ними и дружиною князь пошелъ на нѣмцевъ. Въ 1241 году Копорье покорено, рыцари изгнаны изъ земель новгородскихъ, князь самъ вступилъ во владѣнія ордена, въ землю Чудскую, на голову разбилъ нѣмцевъ и чудь въ знаменательномъ «Ледовомъ побоищѣ» 5-го апрѣля 1242 г. на Чудскомъ озерѣ и надолго избавилъ приневскія страны отъ притязаній германцевъ.

Съ половины XVI вѣка начинается продолжительная Ливонская война. Первые годы счастье сопутствовало войскамъ Іоанна Грознаго. Многіе ливонскіе города перешли въ русскія руки; самому существованію ливонскаго рыцарства стала грозить серьезная опасность. Магистръ ордена Кетлеръ, желая удержать за собою хоть часть орденскихъ владѣній, уговорилъ эстляндское дворянство передаться Швеціи, передалъ Лифляндію Польшѣ и оставилъ за собою одну Курляндію, признавъ и ея зависимость отъ Польши. На Московское государство поднялся Стефанъ Баторій въ союзѣ съ Швеціей; русскихъ полководцевъ стала преслѣдовать неудача. Въ 1582 г. Іоаннъ Грозный оказался въ необходимости заключить перемиріе съ Польшею на 10 лѣтъ съ потерею всѣхъ завоеваній въ Лифляндіи; въ слѣдующемъ году былъ заключенъ миръ и съ Швеціей съ уступкой послѣдней уже коренныхъ русскихъ городовъ въ землѣ Ижорской: Ямъ, Копорья и Иванъ-города.

Отвоевывать эти города поднялся въ 1590 году, во главѣ сильнаго войска, царь Ѳедоръ Іоанновичъ. Успѣшными дѣйствіями на шведской границѣ онъ заставилъ шведовъ просить перемирія. По Тявзинскому договору 18-го мая 1595 года съ Швеціей заключенъ вѣчный миръ, по которому русскимъ были возвращены всѣ древнія новгородскія владѣнія въ землѣ Ижорской.

Наступило смутное время. Внѣшніе и внутренніе враги

Московскаго государства: воинство польско-литовское и полчища самозванцевъ привели Русь къ «разрухѣ» окончательной. Будучи не въ силахъ бороться съ врагами, слабый волею и инициативою Василій Шуйскій ищетъ помощи у вѣковыхъ враговъ отечества, призываетъ въ русскіе предѣлы шведовъ. Призывъ этотъ заканчивается потерею всей земли Ижорской.

Потеря земли Ижорской въ смутное время искони связывается съ упрекомъ по адресу Швеціи въ поведеніи «не совсѣмъ честномъ». Подобный упрекъ—результатъ патріотической оцѣнки минувшихъ событій—не можетъ быть однако признанъ *безусловно* правильнымъ. Источникъ вполнѣ нейтральный—отчетъ нидерландскихъ посланниковъ Рейноута-фонъ-Бредероде, Дидериха Басса и Альберта Іоахима [1]) объ ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію въ 1615 и 1616 гг., источникъ, представляющій по отношенію къ данному вопросу лишь передачу заявленій шведскихъ уполномоченныхъ, *не отвергнутыхъ* на съѣздѣ въ Дидеринѣ уполномоченными царя Михаила, приводитъ къ необходимости считаться со слѣдующими обстоятельствами.

18-го февраля 1609 года, въ городѣ Выборгѣ, между царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ и королемъ шведскимъ Карломъ IX заключенъ договоръ, по которому Карлъ обязался выслать на помощь царю противу его враговъ наемное войско: 2,000 хорошо снаряженныхъ рейтаровъ и 3,000 человѣкъ пѣхоты; съ своей стороны Шуйскій обязался вносить ежемѣсячно на содержаніе этого войска по 100,000 талеровъ и уступить Швеціи въ вѣчное ея владѣніе крѣпость Корелу съ ея округомъ, сдавъ таковую черезъ два мѣсяца по переходѣ шведскаго вспомогательнаго отряда черезъ русскій рубежъ. По ратификаціи договора, въ предѣлы государства Московскаго былъ направленъ шведскій военачальникъ графъ Яковъ Понтусъ-де-

[1]) «Сборникъ русск. историч. общ.», т. XXIV, стр. 216—230.

ла-Гарди во главѣ 5,000 человѣкъ шведскихъ, финскихъ и иностранныхъ рейтаровъ и солдатъ, не замедливший привести въ покорность царю Корелу и Новгородъ, державшіеся до той поры стороны Тушинскаго самозванца. Двигаясь далѣе въ глубь государства, одерживая постоянныя побѣды въ частныхъ стычкахъ съ польскими отрядами и приводя попутные города къ присягѣ Шуйскому, де-ла-Гарди соединился вскорѣ съ арміей Скопинъ-Шуйскаго, подъ предводительствомъ котораго союзники сразились съ польскими войсками подъ Тверью.

По утвержденію шведскихъ уполномоченныхъ на съѣздѣ въ Дидеринѣ, пораженіе поляковъ слѣдуетъ приписать исключительно доблести войскъ де-ла-Гарди: въ этомъ дѣлѣ русскіе де не только не помогали своимъ союзникамъ, но даже разграбили ихъ обозы и имущество.

Трудно сказать, какъ было дѣло въ дѣйствительности. Но если принять во вниманіе отсутствіе протестовъ на это заявленіе со стороны уполномоченныхъ царя Михаила, если остановиться на томъ обстоятельствѣ, что русскія ополченія смутнаго времени были совершенно чужды малѣйшей дисциплины, наконецъ, если припомнить отказъ де-ла-Гарди продолжать послѣ дѣла подъ Тверью дальнѣйшій походъ со Скопинымъ къ Ростову на соединеніе съ Шереметевымъ, то увѣреніе шведовъ не покажется уже безусловно невѣроятнымъ.

Какъ бы то ни было, но, по улаженіи недоразумѣній между Скопинымъ и де-ла-Гарди, союзная армія двинулась къ Александровской слободѣ и шведскій полководецъ принялъ дѣятельное участіе въ принужденіи поляковъ снять осаду Москвы.

Исполняя такимъ образомъ условія Выборгскаго договора вполнѣ добросовѣстно, шведы съ своей стороны имѣли полное право разсчитывать, что получатъ отъ русскихъ слѣдуемое вознагражденіе полностью. Но ожиданія ихъ не оправдались: Москва не заплатила вспомогательному войску и третьей доли

договореннаго, а грамоту на сдачу Корелы де-ла-Гарди удалось получить не черезъ два мѣсяца по переходѣ имъ русской границы, а лишь по истеченіи полутора года, да и самая грамота оказалась мертвой буквой.

Несмотря на подобное положеніе дѣла, де-ла-Гарди, послѣ загадочной смерти Скопина, принялъ участіе въ походѣ новаго русскаго военачальника—князя Дмитрія Шуйскаго (ошибочно названнаго нидерландскими посланниками Даніиломъ) на гетмана Жолкѣвскаго по направленію къ Смоленску и на этомъ походѣ московское воинство усилилось еще и трехтысячнымъ отрядомъ фельдмаршала Эверта Горна, вновь присланнымъ изъ Швеціи Карломъ IX.

Вскорѣ по прибытіи Горна въ рядахъ наемнаго войска поднялся сильный ропотъ на неплатежъ русскими установленной платы; ропотъ мало по малу сталъ переходить въ открытое возмущеніе. Но обстоятельства не позволили заняться успокоеніемъ недовольныхъ: 24-го іюня 1610 года, у Клушина, поляки съ гетманомъ Жолкѣвскимъ обрушились съ громадною силою на Шуйскаго, а контръ-атака кавалеріи де-ла-Гарди и Горна, не поддержанная во время русскими, не остановила стремительности врага. Видя, что русскіе обращаются въ бѣгство, недовольное наемное войско начало переходить цѣлыми ротами на сторону непріятеля. Де-ла-Гарди принужденъ былъ вступить съ Жолкѣвскимъ въ переговоры, закончившіеся разрѣшеніемъ шведскому полководцу уйти изъ Россіи, куда угодно, со всѣми тѣми людьми его отряда, которые пожелаютъ ему сопутствовать.

Во главѣ трехсотъ человѣкъ конницы де-ла-Гарди направился къ Новгороду съ намѣреніемъ, какъ утверждали шведы, выждать тамъ подкрѣпленій изъ Финляндіи и затѣмъ снова идти на помощь къ царю Московскому. Однако, новгородцы объявили, что не допустятъ шведовъ ближе десяти миль къ своему городу, рекомендовали имъ направиться черезъ Тихвинъ

въ Выборгъ, сдѣлали распоряженія о перехватѣ всѣхъ шведскихъ нарочныхъ, объ истребленіи ихъ фуражировъ и объ арестѣ личныхъ слугъ де-ла-Гарди, отправленныхъ графомъ въ городъ для закупки нѣкоторыхъ предметовъ первой необходимости.

Въ то же самое время въ Корелѣ, вмѣсто сдачи города, русскіе собрали до 3,000 войска, предназначавшагося для противодѣйствія шведскому отряду, направленному сюда для пріема крѣпости по силѣ договора. Естественнымъ слѣдствіемъ такого мѣропріятія было усиленіе шведскихъ войскъ въ Кореліи и осада крѣпости Корелы.

Во время осады этого города новгородскій воевода Салтыковъ довелъ до свѣдѣнія шведовъ, что Новгородъ и другія земли россійскія избрали своимъ государемъ Владислава, сына короля польскаго, и что русскій народъ вовсе не намѣренъ хранить и исполнять договоры, заключенные свергнутымъ съ престола Шуйскимъ съ Карломъ IX. Было предъявлено требованіе, чтобы шведы сняли осаду Корелы, такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ будетъ показана дорога въ Финляндію соединенными усиліями русскихъ и польскихъ войскъ. Тогда же были задержаны проживавшіе въ Орѣшкѣ шведы изъ отряда де-ла-Гарди и конфискованы бумаги и имущество шведскаго полководца.

Въ отвѣтъ на эти угрозы и дѣйствія новгородцевъ де-ла-Гарди, получившій подкрѣпленія изъ шведскихъ провинцій, двинулся къ Новгороду.

Ко времени прихода шведовъ подъ стѣны Новгорода политическая обстановка въ Московскомъ государствѣ успѣла измѣниться кореннымъ образомъ: мысль о возведеніи на русскій престолъ польскаго королевича была оставлена; русское ополченіе осаждало поляковъ въ самой Москвѣ; московскому воинству было не до Новгорода; польскихъ отрядовъ новгородцы если и ждали, то уже не какъ союзниковъ, а какъ враговъ.

Подобная запутанность положенія заставила новгородцевъ перемѣнить тактику: вернувъ графу де-ла-Гарди людей, бумаги и большую часть имущества, задержанныхъ въ Орѣшкѣ, они вступили съ нимъ въ переговоры и оповѣстили о порученіи русскихъ земскихъ людей, собранныхъ въ лагерѣ подъ Москвою, вновь испросить у короля Швеціи вспомогательный отрядъ за денежное вознагражденіе, въ обезпеченіе котораго шведамъ было предложено временно передать Орѣшекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Новгородъ, отъ собственнаго имени и отъ имени русскаго земства, обратился къ де-ла-Гарди съ просьбою исходатайствовать у шведскаго короля согласіе на отпускъ въ Москву на царствованіе одного изъ двухъ сыновей Карла IX.

Въ отвѣтъ на эту просьбу къ русскому ополченію подъ Москву были посланы договорные пункты, а де-ла-Гарди заключилъ съ новгородцами перемиріе.

Не подлежитъ сомнѣнію, что мысль о возведеніи на русскій престолъ шведскаго королевича никогда не представляла серьезнаго намѣренія русскаго ополченія и что состоявшееся, однако, сообщеніе окружными грамотами по русскимъ городамъ о кандидатурѣ Карла-Филиппа было лишь пріемомъ для временнаго парализированія воинственныхъ замысловъ шведскихъ отрядовъ на сѣверѣ. Не подлежитъ также сомнѣнію и то обстоятельство, что затягиваніе окончательнаго рѣшенія вопроса породило въ шведахъ увѣренность въ неискренности предложеній Московскаго государства. Къ тому же, по заявленію шведскихъ уполномоченныхъ на съѣздѣ въ Дидеринѣ, условія перемирія соблюдались новгородцами плохо. Особо чувствительнымъ для шведскаго войска было распоряженіе новгородскаго воеводы объ избіеніи шведскихъ фуражировъ и отказъ ладожанъ пропустить мимо ихъ города шведскія суда съ провіантомъ.

Опасаясь полнаго изнуренія своего отряда и убѣдясь въ непріязненности новгородцевъ, де-ла-Гарди прибѣгнулъ къ

репрессаліямъ: онъ атаковалъ Новгородъ, укрѣпился на одной изъ половинъ города и пріостановилъ дальнѣйшія дѣйствія лишь тогда, когда новгородцы, устрашенные успѣхами шведскаго оружія, торжественно признали короля Швеціи и его преемниковъ своими покровителями, а Карла-Филиппа царемъ Россійскаго государства.

По полученіи извѣстія объ изложенныхъ событіяхъ, Карлъ IX отдалъ приказаніе занять шведскими войсками, при содѣйствіи новгородцевъ, въ пользу новоизбраннаго одними новгородцами царя всея Россіи, города Орѣшекъ и Ладогу, а затѣмъ и города: Иванъ-городъ, Ямы, Копорье и Гдовъ, державшіеся стороны Лжедмитрія. Тогда же Карлъ-Филиппъ направился въ Выборгъ, по прибытіи въ который узналъ неожиданную новость: русскіе возвели на Московскій престолъ боярина Михаила Ѳеодоровича Романова.

Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, шведы обратились въ явныхъ враговъ Московскаго государства. Высланный для борьбы съ ними князь Трубецкой былъ на голову разбитъ графомъ де-ла-Гарди въ укрѣпленномъ лагерѣ при Броницахъ, на лѣвомъ берегу Мсты, а появившійся на театрѣ военныхъ дѣйствій новый шведскій король —Густавъ-Адольфъ быстро овладѣлъ почти всею Ингерманландіею, самимъ Новгородомъ и осадилъ Псковъ.

Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, лишенный какихъ бы то ни было средствъ для борьбы съ грознымъ преемникомъ Карла IX, Михаилъ Ѳеодоровичъ принужденъ былъ отказаться на вѣчныя времена, за себя и за потомство свое, отъ вѣковыхъ владѣній русскаго народа—Иванъ-города, Ямъ, Копорья, Орѣшка и Корелы и предоставилъ шведскимъ королямъ именоваться государями земли Ижорской.

Таковы были главныя условія Столбовскаго договора, заключеннаго между Россіей и Швеціей 17-го февраля 1617 г., договора, весьма для Россіи прискорбнаго, явившагося резуль-

татомъ «Московской разрухи» смутнаго времени. Наши потери и пріобрѣтенія Швеціи прекрасно характеризованы рѣчью Густава-Адольфа на сеймѣ 1617 года.

«Одно изъ величайшихъ благъ, дарованныхъ Богомъ Швеціи», заявилъ король, «заключается въ томъ, что русскіе, съ которыми мы издавна были въ сомнительныхъ отношеніяхъ, отнынѣ должны отказаться отъ того захолустья, изъ котораго такъ часто безпокоили насъ. Русскіе опасный сосѣдъ. Теперь безъ нашего позволенія русскіе не могутъ выслать ни даже одной лодки въ Балтійское море; большія озера Ладожское и Пейпусъ, нарвская поляна, болота въ тридцать верстъ ширины и твердыя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ нихъ. Теперь у русскихъ отнятъ доступъ къ Балтійскому морю и, надѣюсь, не такъ-то легко будетъ имъ перешагнуть черезъ этотъ ручеекъ» [1]).

Попытка къ возвращенію земель, утраченныхъ Россіею по Столбовскому договору, была произведена царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ. Пользуясь войною между Швеціей и Польшей, государь объявилъ въ 1656 году войну Карлу X и направилъ за русскій рубежъ четыре отряда: съ главнымъ отрядомъ, подъ Ригу, двинулся самъ царь; отрядъ Трубецкаго пошелъ въ Ливонію, къ Юрьеву; отрядъ Потемкина «за свейскій рубежъ на Варяжское море»; наконецъ, отрядъ Пушкина на Корелію.

Несмотря на малочисленность отряда Потемкина, имѣвшаго въ своихъ рядахъ лишь одну тысячу человѣкъ, военныя дѣйствія русскихъ въ прибалтійскомъ раіонѣ были вначалѣ вполнѣ успѣшны. Получивъ отъ патріарха всея Руси благословеніе «идти въ Стокгольмъ и другія мѣста», Потемкинъ выступилъ изъ Москвы 15-го мая, взялъ 30-го іюня Канцы — бывшую Ландскрону, сжегъ здѣсь значительные запасы хлѣба и до 500 дворовъ мѣстныхъ жителей и 22-го іюля былъ уже на островѣ Котлинѣ, которымъ завладѣлъ послѣ удачнаго дѣла со шведами.

[1]) «Сборн. русск. истор. общ.», т. XXIV, стр. 21.

Двинуться съ своимъ малочисленнымъ отрядомъ дальше, въ предѣлы Финляндіи, онъ не рѣшился; вскорѣ русскій отрядъ повернулъ къ Орѣшку и простоялъ подъ этимъ городомъ всю осень, до сентября мѣсяца, когда къ Невѣ подошли значительныя шведскія силы, принудившія какъ Потемкина, такъ и Пушкина, осаждавшаго въ то время Корелу, удалиться въ Россію.

Возстановившіяся вскорѣ послѣ этого хорошія отношенія между Швеціей и Польшей съ одной стороны, замѣшательства въ Бѣлоруссіи и Малороссіи съ другой, заставили царя Алексѣя Михаиловича искать примиренія со шведами.

Въ мартѣ 1661 года состоялся съѣздъ уполномоченныхъ обѣихъ державъ въ Кардисѣ, между Дерптомъ и Ревелемъ, а 21-го іюня въ этомъ пунктѣ былъ заключенъ вѣчный миръ на условіяхъ, совершенно тождественныхъ съ условіями Столбовскаго договора.

Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ отказался подтвердить Кардисскій договоръ и непремѣннымъ условіемъ вѣчнаго мира съ Швеціей ставилъ возвращеніе русскому государству всей земли Ижорской. Кончина царя послѣдовала въ періодъ производившихся по этому поводу переговоровъ.

Иначе отнеслась къ вопросу правительница Софія. Не смотря на энергичное противодѣйствіе всесильнаго фаворита князя В. В. Голицына, Софья Алексѣевна настояла на необходимости принять условія Кардисскаго договора, подтвержденнаго затѣмъ царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами. Царевна слишкомъ была занята внутренними кознями для того, чтобы вникать глубоко во внѣшніе интересы государства.

Рѣшителемъ вѣковыхъ споровъ изъ-за обладанія Ингріею явился Петръ Великій, государственный разумъ котораго быстро оцѣнилъ значеніе устьевъ Невы—окна въ Западную Европу, колыбели морского значенія Россіи. Обладаніе Невою не являлось для Петра I вопросомъ лишь національнаго самолюбія:

оно было залогомъ преуспѣянія государственнаго бытія отечества. То, къ чему тщетно стремились послѣдніе предшественники Великаго Монарха, ясно сознавая необходимость развитія политическаго значенія и торговой дѣятельности государства, но смутно представляя себѣ средства для достиженія необходимаго, оказалось для Петра I задачей вполнѣ опредѣленной, непосредственно вытекающей изъ исторіи русскаго народа.

Еще до образованія Русскаго государства, по землямъ, населеннымъ восточно-славянскими племенами, пролегали къ сѣверу два важные водные пути: изъ Греціи и Чернаго моря въ одномъ направленіи, отъ Каспія и дальняго востока въ другомъ. Оба пути соединялись на Волховѣ и рѣкою Невой выходили въ Балтійское море. По первому пути, по «великому пути изъ варягъ въ греки», проходили на службу въ богатую Византію скандинавы, извѣстные у насъ подъ кличкою варяговъ и грозные въ Европѣ подъ именемъ норманновъ. По второму пути шли товары съ дальняго востока къ Великому Новгороду, издревле завязавшему торговыя сношенія съ западомъ: новгородскіе корабли ходили въ Швецію, Данію и на балтійское южно-славянское побережье; на Готландѣ, въ городѣ Визби, у новгородцевъ былъ свой гостинный дворъ и русская церковь; промежуточнымъ складочнымъ для товаровъ пунктомъ служилъ Торговый Рядокъ, на Невѣ, близъ устья рѣки Ижоры.

Всѣ эти обстоятельства не могли быть неизвѣстными Петру Великому; но Нева была въ рукахъ Швеціи, страны тогда мощной и воинственной, а юный Царь, прекрасно сознававшій свои силы, какъ бы умышленно отворачивался до поры до времени отъ Балтійскаго моря.

Прежде всего, въ поискахъ «корабельныхъ пристаней», Петръ обратилъ свои взоры на сѣверъ, къ Бѣлому морю.

Бѣлое море, доступъ къ которому былъ открытъ еще въ IX вѣкѣ норвежскимъ мореплавателемъ Оттеромъ, не играло, однако, никогда особо существенной роли въ иностранныхъ

сношеніяхъ нашего государства. Отъ устьевъ Сѣверной Двины наши корабли ходили лишь къ сѣверу и къ востоку, главнымъ образомъ, для промысловъ. Открытіе Америки и морского пути въ восточную Индію и попытка голландцевъ и англичанъ отыскать ближайшій путь въ Тихій океанъ вдоль береговъ Сибири хотя и оживили Бѣлое море, но не на-долго. Неблагопріятныя климатическія условія явились основною причиною, навсегда придавшею этому морю второстепенное значеніе. Такъ вскорѣ сталъ смотрѣть на Бѣлое море и Петръ Великій, не премнувшій, однако, за неимѣніемъ другихъ водъ, создать на сѣверѣ, если не русскій флотъ, то, по крайней мѣрѣ, русскіе корабли. Взоры Царя обращаются на югъ: тамъ незамерзающее Черное море, владѣетъ имъ Турція—государство, мало-по-малу приходящее въ разстройство, постоянно воюющее съ европейскими державами. Примкнуть къ европейскому союзу противу послѣдователей ислама—дѣло вполнѣ подходящее и выгодное. Но и здѣсь разочарованія: Черное море замкнутое; о проливахъ и мечтать невозможно. Къ тому же, вскорѣ по взятіи Азова, къ Царю приходятъ положительныя свѣдѣнія о томъ, что союзники его прекращаютъ войну съ невѣрными. Воевать одному тяжело, да и цѣль войны не представляетъ идеала, создавшагося въ умѣ Монарха. Дѣлаются попытки выговорить себѣ право плавать по водамъ Чернаго моря. Но турки упорны: они готовы разрѣшить русскимъ купцамъ возить товары по ихъ морю, но не иначе какъ на турецкихъ судахъ.

Между тѣмъ, политическій горизонтъ въ общемъ затемняется, а въ глазахъ Петра I проясняется.

Давно уже вся Западная Европа съ безпокойствомъ поглядывала на Пиринейскій полуостровъ: дни бездѣтнаго и слабаго здоровьемъ испанскаго короля Карла II были сочтены: по родственнымъ связямъ [1]) на испанское королевство пре-

[1]) У отца Карла II—Филиппа IV—были двѣ сестры: Анна, въ бракѣ съ Людовикомъ XIII французскимъ, и Марія-Анна, супруга императора Ферди-

тендовали Франція и Германія; присоединеніе Испаніи давало любому изъ этихъ государствъ огромный перевѣсъ надъ соперникомъ, что не могло не волновать Европы тѣмъ болѣе, что сама Испанія клонилась на сторону Франціи — страны съ громкой тогда воинственной репутаціей. Европа раздѣлилась на два лагеря: съ одной стороны Франція, Испанія, Испанскія Нидерланды и мелкіе сѣверо-германскіе принцы, съ другой стороны—Австрія, Англія, Голландія, мелкіе государи и имперскіе города Верхней Германіи, Ганноверскій домъ и курфирстъ Бранденбургскій. Такимъ образомъ, вся Западная Европа имѣла свои собственныя заботы, мало интересовалась дѣлами на сѣверѣ и востокѣ и не могла оказывать на нихъ существеннаго вліянія. Швеція оказалась изолированной и лишенной возможности разсчитывать на чье-либо серьезное содѣйствіе въ случаѣ нападенія на нее значительныхъ силъ внѣшняго врага. Естественнымъ путемъ возникаетъ мысль о своевременности совмѣстныхъ дѣйствій противу общаго врага Даніи, Польши и Россіи, обобранныхъ воинственными шведскими королями Густавомъ-Адольфомъ и Карломъ X. Наступаетъ моментъ, наиболѣе благопріятный для возврата потерь, понесенныхъ названными государствами по Кардисскому, Копенгагенскому и Оливскому трактамъ [1]).

Собственно на Рѣчь Посполитую, на Польшу, Петръ I никогда не смотрѣлъ, какъ на страну, на которую было бы возможно положиться всецѣло. «Поляки ни къ чорту не годятся» [2]), говаривалъ Государь. Но въ 1697 году, на поль-

нанда III. Отъ брака съ Людовикомъ XIII родился Людовикъ XIV, а отъ брака съ Фердинандомъ III—Леопольдъ I. Изъ двухъ дочерей Филиппа IV, старшая—Марія-Терезія, была за Людовикомъ XIV, а младшая—Маргарита-Терезія—за Леопольдомъ I. (Іегеръ «Всеобщая исторія», т. III, стр. 458).

[1]) По послѣднимъ двумъ трактатамъ Данія потеряла провинціи Шонію, Блекингенъ, Халландъ и Богусъ, а Польша Лифляндію.

[2]) Устряловъ. «Исторія царствованія Петра Великаго», С.-Петербургъ, 1858 и послѣд. года, т. III, стр. 336.

скій престолъ былъ возведенъ Августъ II, курфирстъ саксонскій, человѣкъ для Петра удобный во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, у Августа были собственныя саксонскія войска, хорошо обученныя, вооруженныя и снаряженныя; во-вторыхъ, Августъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ лифляндскаго дворянина Паткуля, заклятаго врага Швеціи, мечтавшаго вырвать изъ рукъ послѣдней свою родину; наконецъ, въ-третьихъ, и это самое главное, Августъ не считалъ свое положеніе на польскомъ престолѣ достаточно прочнымъ и долженъ былъ, во что бы то ни стало, изыскать предлогъ для того, чтобы держать въ Польшѣ свои саксонскія войска, приличнымъ предлогомъ для каковой мѣры являлась лишь война на границахъ Польши и за Польшу.

Еще въ августѣ 1698 года, возвращаясь изъ заграничнаго путешествія, Петръ имѣлъ свиданіе съ польскимъ королемъ близъ мѣстечка Русской Равы, въ Галиціи, у Ярослава. Наиболѣе важнымъ пунктомъ переговоровъ во время этого свиданія была просьба Царя помочь ему отомстить за обиду, нанесенную Петру I въ Ригѣ шведскимъ губернаторомъ Дальбергомъ, отказавшимъ московскому посольству въ разрѣшеніи осмотрѣть крѣпость. На просьбу Царя Августъ отвѣтилъ полной готовностью.

Заручившись союзникомъ, Петръ не отважился, однако, тотчасъ порвать сношенія съ Швеціей: силы Россіи отвлекались еще войною съ Турціей; устройство русской арміи не отвѣчало еще желаніямъ Царя. Такъ или иначе, но замыслы Царя о Балтійскомъ морѣ должны были оставаться до поры до времени въ глубокой тайнѣ.

Въ томъ-же 1698 году Карлъ XII извѣстилъ Петра I о принятіи имъ правленія изъ рукъ бабки Гедвиги-Элеоноры и о намѣреніи своемъ прислать пословъ въ Москву для подтвержденія Кардисскаго договора. Ничего опредѣленнаго шведскому государю Петръ I не отвѣтилъ: всѣ его заботы клонились къ тому, чтобы затянуть переговоры съ Швеціей на возможно долгій

срокъ. Однако, шведскіе послы въ Москву все-таки прибыли 23-го іюля 1699 года, но ускорить рѣшеніе вопроса не могли: Царя въ столицѣ не было; онъ находился въ Керченскомъ походѣ и ожидать его возвращенія пришлось болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Между тѣмъ, прибыло въ Москву и посольство Августа II—Карловичъ и Паткуль. Переговоры велись двоякіе: явные со шведами, тайные—съ Карловичемъ. Лишь 20-го ноября 1699 г. Петръ далъ посламъ Карла XII подтвердительную грамоту Кардисскаго договора; но за десять дней до того заключенъ договоръ съ Карловичемъ «для содѣйствія Россійскому Государю къ завоеванію у Швеціи неправильно отторгнутыхъ ею земель и къ твердому основанію русскаго господства при Балтійскомъ морѣ» *). Августъ обязался войти въ Ливонію съ саксонцами и устроить разрывъ Польши съ Швеціей; Царь, по заключеніи мира съ турками и не позже апрѣля 1700 г., рѣшилъ двинуть войска въ Ингрію и Корелію, а до этого времени, въ случаѣ надобности, выслать Августу войско подъ видомъ наемнаго.

Около того-же времени Августъ II вошелъ въ сношенія съ Христіаномъ V Датскимъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ. Сношенія эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ: датскій король, давно уже враждовавшій съ герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ Фридрихомъ VI — зятемъ и другомъ Карла XII, отдавшимся подъ покровительство Швеціи, не замедлилъ принять предложеніе короля польскаго.

Военныя дѣйствія были открыты саксонцами, вступившими въ Лифляндію еще въ концѣ 1699 года, а въ мартѣ слѣдующаго года датчане побѣдоносно вошли въ области герцога Готторпскаго, забирая по пути многіе города.

Между тѣмъ, въ Россіи дѣло не клеилось: не смотря на

*) Устряловъ, т. III.

всевозможныя усилія, Турція, подзадариваемая шведскими резидентами въ Константинополѣ, оттягивала переговоры о мирѣ, а воевать на два фронта Петру I не приходилось. Въ Швецію былъ отправленъ князь Хилковъ съ новымъ подтвержденіемъ Кардисскаго договора и одновременно съ нимъ въ Берлинъ князь Трубецкой съ секретнымъ порученіемъ къ курфирсту Бранденбургскому Фридриху III, съ напоминаніемъ о его предложеніи помочь Россіи противъ шведовъ, сдѣланномъ курфирстомъ еще въ 1698 году при личномъ свиданіи съ Петромъ.

Во время этихъ переговоровъ Карлъ XII, опираясь на дружбу Англіи и Голландіи, пошелъ моремъ на Данію, высадился 4-го августа 1700 года у Копенгагена, съ помощью войскъ люнебургскихъ и ганноверскихъ сталъ тѣснить датчанъ и принудилъ ихъ заключить 8-го того-же августа сепаративный мирный договоръ въ Травендалѣ.

Въ этотъ самый день въ Москвѣ было получено радостное извѣстіе: съ турками заключенъ миръ на тридцать лѣтъ.

На другой-же день, 9-го августа, Петръ увѣдомилъ польскаго короля, что тотчасъ объявитъ шведамъ войну.

ГЛАВА II.

Объявленіе войны шведамъ.—Главный объектъ Сѣверной войны—устья Невы.—Шведскія военныя силы въ Ингріи.—Планъ военныхъ дѣйствій.—Значеніе похода на Нарву.—Открытіе военныхъ дѣйствій.—Нарвскій погромъ.—Удаленіе съ сѣвернаго театра войны главныхъ силъ шведской арміи.—Послѣдствія нарвскаго погрома. — Оборонительныя мѣры Петра. — Новыя комплектованія и обученіе войскъ. — Рѣшеніе вести малую войну на границахъ Ливоніи.

Официально миръ съ Турціей былъ объявленъ 18-го августа, а война съ Швеціей — 19-го числа того-же мѣсяца. Первоначальною цѣлью войны было возвращеніе Россіи земли Ижорской и Кореліи, «земель отчичь и дѣдичь». Главнымъ объектомъ военныхъ дѣйствій являлись устья Невы, ворота древняго пути «изъ варягъ въ греки». Позиція шведовъ въ землѣ Ижорской была сильна, какъ по естественнымъ мѣстнымъ условіямъ, такъ и по расположенію опорныхъ пунктовъ. Обращенный къ намъ фронтъ шведской территоріи, представлялъ собою раіонъ, сплошь покрытый болотистыми лѣсами и болотами, совершенно лишенный удобныхъ путей сообщенія. На флангахъ этого фронта находились сильныя по тому времени крѣпости: на западномъ — Нарва, замыкавшая выходъ изъ рѣки Наровы, на восточномъ — Нотебургъ, преграждавшій входъ въ рѣку Неву изъ Ладожскаго озера. На водныхъ пространствахъ, расположенныхъ на флангахъ-же, на Чудскомъ и Ладожскомъ озерахъ, плавали шведскія военныя флотиліи. Укрѣпленіе фланговъ являлось

особо важнымъ по тому обстоятельству, что подступы къ устьямъ Невы, главному объекту военныхъ дѣйствій, были обезпечены съ фронта природой, почему единственно возможными операціонными линіями представлялись для русскихъ: или 1) Псковъ—Нарва и отъ нея къ востоку вдоль береговъ Финскаго залива или 2) Новгородъ—Ладога—Нотебургъ—устья Невы. Отъ Пскова до Нарвы имѣлась удобная дорога; далѣе слѣдовало бы идти на шведскія крѣпости Ямы, Копорье и Ніеншанцъ. Отъ Новгорода къ Ладогѣ пролегала сухопутная дорога и плавный путь по рѣкѣ Волхову; далѣе надлежало идти къ Нотебургу и по Невѣ къ Ніеншанцу. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что Новгородъ и Псковъ, какъ по географическому своему положенію, такъ и по благоустройству городовъ, являлись въ разсматриваемомъ раіонѣ единственными пунктами, представлявшими относительныя удобства для спокойнаго расположенія нашихъ войскъ и запасовъ и являлись, вмѣстѣ съ тѣмъ, естественными базами: Псковъ—для движенія на Нарву, Новгородъ—для движенія на Нотебургъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ движенія на Нарву, Псковъ являлся единственною базою; въ случаѣ-же движенія на Нотебургъ имѣлась промежуточная база—Старая Ладога, пути къ которой находились въ нашихъ рукахъ на всемъ ихъ протяженіи и не могли быть угрожаемы по мѣстнымъ условіямъ; разстояніе-же отъ Ладоги до Нотебурга было почти втрое короче разстоянія отъ Пскова до Нарвы. Уже эти соображенія указываютъ на большую выгодность операціонной линіи Новгородъ—Ладога—Нотебургъ—Ніеншанцъ. Но можно привести соображенія и гораздо болѣе вѣскія. Допустимъ, что русскими взяты Нарва, Ямы, Копорье и Ніеншанцъ и приступлено къ укрѣпленію устьевъ Невы, т. е. къ акту обязательному, необходимому для прегражденія наиболѣе удобнаго воднаго пути для шведскаго «сикурса» со стороны Выборга. При такомъ положеніи русскіе должны были бы сторожить на два противо-

положные фронта: на Выборгъ и на Нотебургъ. Положимъ, въ Нотебургѣ гарнизонъ былъ малочисленный, но крѣпость эта обезпечивала владѣніе всею Невою, отъ истоковъ до устьевъ, а на Ладожскомъ озерѣ плавала мореходная, приплывшая изъ Выборга эскадра Нумерса, имѣвшая возможность принять на борты значительный отрядъ финляндскихъ войскъ, хотя бы въ Кекгольмѣ. Другое дѣло, если наша операція на устья Невы началась бы со взятія Орѣшка: тылъ нашъ былъ бы обезпеченъ, такъ какъ водный путь въ Неву изъ Ладожскаго озера былъ бы прегражденъ, а «сикурсъ» шведскій съ сухопутья не былъ страшенъ какъ по причинѣ отсутствія удобныхъ путей сообщенія, такъ и по опасности дѣйствовать въ тылъ, имѣя въ своемъ-же тылу занятую врагомъ крѣпость. Такимъ образомъ становится яснымъ, что для занятія устьевъ Невы было необходимо избрать операціонною линіею самую Неву. Эта необходимость, намъ кажется, совершенно ясно сознавалась Петромъ передъ началомъ войны и общепринятое мнѣніе о томъ, что послѣ Нарвскаго погрома Петръ измѣнилъ *первоначальную* имъ для завоеванія Ингерманландіи операціонную линію, намъ представляется не убѣдительнымъ.

Какъ извѣстно, главнымъ условіемъ союза Петра съ Августомъ II было выставлено немедленное вторженіе саксонскихъ войскъ въ Ливонію. Твердо убѣжденъ, что избраніемъ первоначальнаго театра военныхъ дѣйствій въ областяхъ Лифляндіи и Эстляндіи, Петръ, преслѣдовавшій задачу отобранія у шведовъ земель «отчичь и дѣдичь», желалъ отвлечь вниманіе и силы шведовъ отъ Ингріи. Присутствіе въ Лифляндіи войскъ саксонскихъ, усиленныхъ, въ случаѣ надобности, *частью* войскъ русскихъ, должно было привлечь сюда-же самого Карла VII со всею полевою шведскою арміею; другими словами, главныя шведскія силы оказались бы съ запада, сильно удаленными отъ Невы. Къ тому-же, если до прихода Карла XII Нарва будетъ въ нашихъ рукахъ, будетъ сильно укрѣплена и снабжена силь-

нымъ гарнизономъ, если наша конница обратитъ въ пустыню земли, расположенныя къ западу отъ рѣки Наровы, то Нарва явится прекрасной *заставой*, которую не обойдутъ шведы, рѣшившіе подать «сикурсъ» Ингерманландіи, громимой Петромъ по операціонной линіи Невы, заставой, которую взять будетъ не легко, въ особенности, при условіи болѣе или менѣе оживленной дѣятельности саксонскихъ войскъ со стороны Риги.

Невыгодныя для насъ условія операціонной линіи на Нотебургъ и устья Невы заключались лишь въ необходимости содѣйствія сухопутнымъ силамъ со стороны боевыхъ плавучихъ средствъ, коими Россія на театрѣ военныхъ дѣйствій не располагала. Нотебургъ, замыкавшій истокъ Невы, былъ расположенъ на островѣ и оберегался шведской эскадрой, а Ніеншанцъ, ограждавшій устья Невы, свободно могъ получать подкрѣпленія изъ Выборга водою. Для взятія Нотебурга и для прегражденія шведамъ входа въ Неву съ моря необходимы были суда, способныя бороться со шведскими кораблями. Однако, препятствія эти Петръ въ виду имѣлъ и они не устрашали энергичнаго Монарха: онъ не сомнѣвался въ возможности, такъ или иначе, дать шведамъ, въ минуту необходимости, достаточно сильный отпоръ и на водѣ, въ особенности, при условіи неожиданности для противника такихъ дѣйствій русскихъ, которыхъ шведы опасались меньше всего, твердо разсчитывая на невозможность водныхъ операцій своего исключительно сухопутнаго врага. Благодаря этому, самыя невыгоды избранной операціонной линіи обращались въ преимущества, такъ какъ неожиданность всегда является въ военныхъ дѣйствіяхъ факторомъ глубокознаменательнымъ.

Если наши предположенія правильны, то, очевидно, что въ первоначальный планъ войны не входило съ нашей стороны желаніе, во что бы то ни стало, споспѣшествовать дѣйствіямъ саксонцевъ въ Лифляндіи. На армію Августа Петръ смотрѣлъ, какъ на громоотводъ для грозныхъ силъ Карла XII и былъ озабоченъ лишь тѣмъ, чтобы Карлъ обратилъ свое исклю-

чительное вниманіе на польскаго короля. Быть можетъ, въ планы Петра входило даже желаніе, чтобы саксонцевъ заставили отступить къ польскимъ границамъ: Царь могъ разсчитывать, что шведы не преминутъ двинуться по слѣдамъ отступающаго врага, а чѣмъ дальше будетъ Карлъ отъ Ингерманландіи, тѣмъ болѣе шансовъ пріобрѣтутъ русскіе въ своемъ стремленіи возвратить дѣдовскія области. Во всякомъ случаѣ Петръ, до поры до времени, избѣгалъ вопроса объ усиленіи Августа русскимъ вспомогательнымъ войскомъ и сосредоточивалъ свои полки на сѣверѣ для самостоятельныхъ дѣйствій.

Конечно, подобное обстоятельство не могло нравиться нашимъ союзникамъ. Однако, причиною ихъ фактическаго неудовольствія рѣшеніемъ Петра двинуться со всѣми своими войсками на Нарву послужили другія соображенія.

Душа союза между Петромъ и Августомъ II, лифляндскій дворянинъ Паткуль, приговоренный въ Швеціи къ смерти, горячій патріотъ, стремившійся вырвать свою родину, Лифляндію, изъ рукъ шведовъ и присоединить ее къ Рѣчи Посполитой, сильно опасался притязаній Россіи на названную провинцію. Въ меморіалѣ, поданномъ имъ Августу, Паткуль писалъ: «Трактатомъ необходимо, въ извѣстныхъ случаяхъ, крѣпко связать руки этому могущественному союзнику, чтобы онъ не съѣлъ передъ нашими глазами обжареннаго нами куска, т. е., чтобы не завладѣлъ Лифляндіей» [1]). Паткуль опасался движенія Петра, по взятіи Нарвы, на западъ, а не предусматривая возможности лишить русскихъ самостоятельности дѣйствій, всѣми силами убѣждалъ Августа настоять по крайней мѣрѣ на томъ, чтобы Петръ ограничился завоеваніемъ Кореліи и Ингріи и не шелъ дальше Наровы и Пейпуса [2]).

Но уже въ октябрѣ мѣсяцѣ Петръ приказалъ увѣдомить

[1]) Устряловъ, т. III, стр. 313, т. IV, ч. I, стр. 5.
[2]) Соловьевъ, кн. III, стр. 1237.

Августа II, что онъ далъ клятву, по взятіи Нарвы, ни пяди земли не искать ни въ Эстляндіи, ни въ Лифляндіи и тотчасъ идти на помощь королю подъ Ригу со всѣми силами и самолично [1]).

Сомнѣваясь въ безусловной искренности послѣдняго обѣщанія, увѣрены, что въ первой половинѣ посланія Царь былъ вполнѣ чистосердеченъ: въ началѣ войны онъ дѣйствительно не помышлялъ объ остзейскихъ провинціяхъ. Повторяемъ: Нарва была нужна Петру не какъ опорный пунктъ для завоеваній на западъ, а какъ застава, обезпечивающая свободу дѣйствій въ Нигерманландіи.

Еще въ мартѣ 1700 года Петръ послалъ въ Нарву и *Орѣшекъ* (Нотебургъ) «дѣтину неглупаго», обученаго за-границей инженерному искусству и разнымъ наукамъ, человѣка вѣрнаго, который «секретъ можетъ снесть», сержанта Преображенскаго полка Василія Корчмина. Корчминъ, переодѣтый купцомъ и снабженный деньгами, долженъ былъ явиться въ шведскіе города подъ предлогомъ покупки пушекъ, а на самомъ дѣлѣ для тайнаго осмотра крѣпостей [2]). Надо полагать, Корчминъ привезъ свѣдѣнія, убѣдившія Петра въ возможности взять Нарву въ относительно короткое время. Быть можетъ, немаловажное вліяніе на открытіе кампаніи походомъ подъ Нарву произвело и донесеніе Петру отъ князя Хилкова, путешествовавшаго, какъ мы видѣли, въ Швецію для подтвержденія Кардисскаго договора почти одновременно съ Корчминымъ, о томъ, что «въ Нарвѣ солдатъ зѣло малое число и тѣ зѣло худы» [3]). Быстрое же овладѣніе Нарвою было бы для Петра прекраснымъ фундаментомъ для возведенія задуманнаго зданія.

[1]) Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 23.

[2]) Письма и бумаги И. В., т. II, стр. 705; Кротковъ, стр. 41; Устряловъ, т. III, стр. 367 и 368.

[3]) Матеріалы Устрялова (т. IV, ч. II), стр. 159.

Замѣтимъ кстати, что Петръ врядъ-ли искалъ Нарву и какъ опорный пунктъ русскаго владычества на водахъ Балтики. Неудовлетворительность корабельной пристани въ устьѣ Наровы, отличающейся весьма плохимъ для якорной стоянки грунтомъ, неудовлетворительность, ощущаемая и нынѣ и ощущавшаяся сторицею двѣсти лѣтъ тому назадъ, при парусномъ флотѣ и плохихъ якоряхъ [1]), не могла быть неизвѣстной Петру, послѣ доклада «дѣтины неглупаго»—Корчмина, въ задачу котораго между прочимъ входило «посмотрѣть водные пути» [2]). Базою для флота давно уже были намѣчены устья Невы, искони игравшія огромное значеніе въ мореходствѣ по Балтійскому морю.

По силѣ всего вышеизложеннаго нельзя не придти къ убѣжденію, что передъ началомъ Сѣверной войны въ геніальномъ умѣ Петра сложился планъ, безусловно согласованный со всѣми основными принципами стратегіи. Было соблюдено главное требованіе стратегическаго искусства, заключающееся въ приданіи операціи правильнаго направленія и въ подготовкѣ успѣха рѣшенія задачи. Первому условію отвѣчалъ правильный выборъ операціонной линіи, которая вела къ важной цѣли, была удобнѣйшею и наиболѣе безопасною, какъ въ смыслѣ пути наступленія, такъ и въ смыслѣ пути отступленія и пути подвозовъ; второму условію, условію успѣшности операціи, отвѣчало движеніе на Нарву съ приданіемъ послѣднему обстановки, введшей противника въ заблужденіе относительно главныхъ замысловъ.

Какъ бы то ни было, но походъ подъ Нарву былъ рѣшенъ.

22 августа 1700 года, подъ общимъ начальствомъ главнокомандующаго, фельдмаршала Оедора Алексѣевича Головина, къ Нарвѣ начали выступать назначенныя въ походъ войска.

[1]) Кротковъ, стр. 40.

[2]) Письма и бумаги И. В., стр. 706.

Войска эти состояли: изъ дивизіи Головина, Вейде и князя Репнина, каждая въ 8 пѣхотныхъ и 1 драгунскій полкъ, всего въ наличности 22,966 человѣкъ пѣхоты и 2488 драгунъ; изъ старыхъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго и Лефортова—4672 человѣка; изъ 2-хъ полковъ новгородскихъ солдатъ—601 человѣкъ; изъ 5-ти городовыхъ стрѣлецкихъ полковъ—2184 человѣка и изъ 11,533 всадниковъ ополченія, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ. Кромѣ того изъ Малороссіи, подъ начальствомъ гетмана Обидовскаго, должны были придти казаки, численностью до 10,500 человѣкъ. Такимъ образомъ подъ Нарву назначалось около 30,000 пѣхоты и около 25,000 кавалеріи. Но такъ какъ войска дивизіи князя Репнина (8300 человѣкъ пѣхоты и 1100 драгунъ), вышедшія изъ Москвы въ октябрѣ мѣсяцѣ, а также казаки къ Нарвѣ не поспѣли, то въ обложеніи крѣпости въ дѣйствительности участвовало до 22,000 пѣхоты и до 12,000 конницы [1]). Что же касается артиллеріи, то таковой предполагалось отправить подъ Нарву изъ Москвы, Пскова и Новгорода до 180 орудій, чрезвычайно разнообразныхъ какъ по типу, такъ и по калибрамъ, съ преобладаніемъ трехъ-пудовыхъ мортиръ и трехъ-фунтовыхъ пушекъ [2]). Имѣются однако данныя для предположенія, что въ дѣйствительности артиллеріи было доставлено подъ Нарву менѣе [3]).

Осада Нарвы, подробности которой не входятъ въ нашу задачу, началась въ серединѣ сентября мѣсяца, то-есть въ то время, когда саксонцы уже сняли осаду Риги и удалились въ предѣлы Польши. Тогда же главнокомандующій Головинъ, надо полагать по указаніямъ Петра, направилъ отрядъ кавалеріи на

[1]) «Выписка 1701 года Военной Канцеляріи» — матеріалы Устрялова (т. IV, ч. II), стр. 465—468; Карцевъ, стр. 28; Устряловъ, т. III, стр. 345—347; т. IV, ч. I, стр. 9.

[2]) Матеріалы Устрялова (т. IV, ч. II), стр. 469.

[3]) У Масловскаго («Записки по истор. военн. искусства въ Россіи», стр. 74) показано 95 орудій.

границу земли Ижорской, «чтобы напрасно уѣзды не разорили, какая вольница собрався» [1]), чтобы оберечь отъ грабежа провинцію, полученіе которой составляло единственную цѣль военныхъ дѣйствій.

Въ концѣ октября подъ Нарву стали доходить слухи о намѣреніи Карла XII идти на выручку этой крѣпости. Дѣйствительно, шведскій король высадился съ 12,000 войска и 38 орудіями въ Перновѣ, намѣреваясь идти на Нарву прямой дорогой на Вейсенштейнъ [2]); но распутица заставила его избрать путь черезъ Ревель. Тогда же на Ревельскую дорогу, къ Везенбергу, былъ направленъ Шереметевъ съ отрядомъ иррегулярной конницы, доставившій въ серединѣ ноября положительныя свѣдѣнія о движеніи Карла. Извѣстіе это заставило Петра оставить Нарву, въ намѣреніи личными распоряженіями ускорить сосредоточеніе на Псковской дорогѣ войскъ князя Репнина и казаковъ Обидовскаго, которые могли бы отвлечь шведовъ отъ Нарвы, угрожая ихъ флангу и даже тылу. Планъ этотъ не удался. 19 ноября шведы ударили на центръ нашей позиціи, считавшійся наименѣе подверженнымъ атакѣ по мѣстнымъ условіямъ. Разгромъ былъ полный. Лишь твердостью старыхъ полковъ гвардіи въ вагенбургѣ праваго фланга можно объяснить согласіе Карла вступить въ переговоры. Наши, потерявъ всю артиллерію, отступили на Новгородъ, частью съ оружіемъ въ рукахъ, частью обезоруженные.

«Послѣ разбитія при Нарвѣ», читаемъ въ журналѣ Петра Великаго, правленномъ рукою Монарха, «полки въ конфузіи

[1]) Письма и бумаги И. В., т. I, стр. 830.

[2]) По вопросу о цѣли высадки Карла XII въ Перновѣ, то-есть намѣревался-ли онъ освободить отъ саксонцевъ Ригу и двинулся-ли подъ Нарву лишь вслѣдствіе полученія въ Перновѣ извѣстія объ отступленіи саксонцевъ, или же высадка была произведена исключительно въ видахъ поддержки Нарвы, имѣется обширная полемика между Д. Масловскимъ, доказывавшимъ первое положеніе, и А. Петровымъ, отстаивавшимъ второе. Болѣе убѣдительными представляются намъ доводы А. Петрова. (Военн. Сборникъ 1892 года, №№ 7, 10 и 12).

пошли въ свои границы, велѣно ихъ пересмотрѣть и исправить... Итакъ, шведы надъ нашимъ войскомъ викторію получили, что есть безспорно. Но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную учинили?.. Единымъ словомъ сказать, все то дѣло яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида» [1]).

Да и неоткуда было явиться искусству среди нашихъ войскъ подъ Нарвой: 82% пѣхоты и вся регулярная кавалерія были призваны къ оружію лишь за нѣсколько мѣсяцевъ, вся иррегулярная конница была набрана непосредственно передъ выступленіемъ въ походъ. Великимъ счастіемъ Россіи явилось непонятное рѣшеніе Карла XII ограничиться нарвскимъ погромомъ. Многіе приближенные короля усиленно совѣтовали ему принять мирныя предложенія Августа II, обратить всѣ свои силы на испуганныхъ и бѣгущихъ русскихъ, стать въ русскихъ земляхъ на зимнія квартиры, кормить армію на счетъ побѣжденныхъ и принять всевозможныя мѣры для поддержанія неудовольствія на Царя между стрѣльцами и другими консервативными слоями Московскаго государства. Кромѣ разстройства нашей арміи, мѣры эти явились бы дѣйствительно крайне опасными тѣмъ болѣе, что нарвскій погромъ произвелъ удручающее впечатлѣніе на русскій народъ, приписывавшій пораженіе русскаго оружія Божьему наказанію за нововведенія Царя. Съ другой стороны, какъ бы въ отвѣтъ на извѣстную фразу Царя: «Пусть шведы бьютъ насъ; они выучатъ насъ бить ихъ» [2]), подавались Карлу и другіе совѣты: графъ Стейнбокъ писалъ своему королю, чтобы онъ не продолжалъ войны съ Россіею, дабы не обучить противника военному искусству, а предписалъ бы русскимъ выгодный для Швеціи миръ, от-

[1]) «Журн. или поденная записка Петра Великаго». С.-Петербургъ, 1770 г., стр. 24—26.

[2]) Карцевъ. «Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны». С.-Петербургъ, 1851 г., стр. 39.

казаться отъ котораго Петръ не имѣлъ возможности. Но Карлъ не сдѣлалъ ни того, ни другого: упоенный восхваленіями, расточавшимися генію юнаго полководца въ Европѣ, ослѣпленный легкостью успѣха въ первомъ-же дѣлѣ съ цѣлою русскою арміею, быть можетъ, полный презрѣнія къ Петру, какъ къ вождю, покинувшему нарвскую армію въ критическій моментъ [1]), Карлъ не внялъ мудрымъ совѣтамъ. Въ его глазахъ Россія не представлялась серьезнымъ противникомъ; онъ твердо вѣрилъ въ возможность прикончить этого врага въ любое время, по желанію, и рѣшилъ отложить эту несложную операцію, желая воспользоваться благопріятно сложившимися обстоятельствами для нанесенія рѣшительнаго пораженія болѣе опасному и ненавистному врагу Августу II.

На Литвѣ враждовали два могущественные магната: Огинскій и Сапѣга. Послѣдній, потерпѣвшій неудачу, передался на сторону и подъ покровительство Карла XII. Въ то-же время въ самой Польшѣ образовалась партія, недовольная королемъ, партія сильная и предводительствуемая человѣкомъ весьма энергичнымъ — кардиналомъ примасомъ Михаломъ Радзѣевскимъ. Карлъ рѣшилъ идти на помощь къ Сапѣгѣ, уничтожить такъ или иначе саксонскія войска и свергнуть съ польскаго престола Августа. Перезимовавъ у Дерпта, онъ двинулся къ Ригѣ, переправился на виду у саксонцевъ черезъ Двину, разгромилъ ихъ и вошелъ въ предѣлы Рѣчи Поспо-

---

[1]) По поводу удаленія Петра изъ-подъ Нарвы на Великаго Монарха посыпался изъ Европы градъ различныхъ инсинуацій. Было бы недостойнымъ оспаривать упреки враждебно настроенныхъ къ нему современниковъ. Все-же напомнимъ о весьма характерномъ въ данномъ случаѣ письмѣ Петра изъ-подъ Азова къ любимой сестрѣ, царевнѣ Наталіи, въ отвѣтъ на ея усиленныя просьбы не подвергать свою жизнь опасности: «По письму твоему, я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили. Однакожъ, хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо». (Устряловъ, т. II, стр. 282). Дѣтское отношеніе къ дѣлу видѣлъ Петръ въ осторожности тамъ, гдѣ таковая не гармонировала съ высшими интересами.

литой, которую началъ исхаживать вдоль и поперекъ, отвергая мирныя предложенія Августа, гдѣ «увязъ» на долгое время, благодаря чему и не игралъ никакой роли въ дальнѣйшихъ событіяхъ на Ингерманландскомъ театрѣ войны. «Для достиженія своей безплодной цѣли (сверженіе Августа II) онъ жертвовалъ и временемъ, и средствами Швеціи и не хотѣлъ замѣтить бѣдствій, которымъ война подвергла собственныя его области, опустошаемыя русскими войсками» [1]).

Нарвскій погромъ заставилъ Петра I круто перейти отъ наступательнаго образа дѣйствій къ оборонительному. Въ наиболѣе угрожаемомъ пунктѣ, подъ Псковомъ, закипѣли работы: «Рвы копали и церкви ломали, палисады ставили съ бойницами, а около палисадовъ окладывали съ обѣихъ сторонъ дерномъ, а на работѣ были драгуны и солдаты, и всякихъ чиновъ люди, и священники, и всякаго церковнаго чина, мужескаго и женскаго пола, а башни насыпали землею, а сверху дерномъ клали (работа была насыпная), а верхи башенъ деревянные, и съ города кровлю деревянную всю сломали, и въ то-же время у приходскихъ церквей, кромѣ соборной церкви, службы не было» [2]).

Въ бытность свою подъ Псковомъ Петръ не только самолично руководилъ работами, но работалъ и самъ, и горе было тому, кто относился къ дѣлу спустя рукава. Однажды, посѣтивъ укрѣпленія, возводившіяся у Печерскаго монастыря и порученныя попеченію полуполковника Шепшина, Петръ не засталъ послѣдняго на работѣ. Шепшина велѣно было отыскать, привести на мѣсто, тутъ-же отхлестать его плетьми и разжаловать въ солдаты.

Тогда-же было приступлено къ укрѣпленію Новгорода.

Такимъ образомъ, два главнѣйшіе пути въ Россію были

[1]) Карцевъ, стр. 56.

[2]) С. Соловьевъ. «Исторія Россійскаго государства». С.-Петербургъ, изд. Товарищества «Общественная Польза», кн. III, стр. 1250.

укрѣплены и снабжены значительнымъ по численности гарнизономъ.

Отступившіе изъ-подъ Нарвы полки сосредоточились вначалѣ въ Новгородѣ. Тотчасъ по сосредоточеніи всѣ войска, кромѣ одной дивизіи князя Аникиты Репнина, оставленной въ Новгородѣ, были двинуты, подъ начальствомъ Бориса Петровича Шереметева, ко Пскову. Вслѣдъ засимъ князю Борису Алексѣевичу Голицыну велѣно было набрать десять драгунскихъ полковъ, а на Москвѣ приказано кликнуть въ солдаты вольницу, людей всякаго чина, не исключая и крѣпостныхъ, возрастомъ отъ 17-ти до 30-ти лѣтъ; имъ было назначено жалованье—по 11 руб. въ годъ, а не принимались въ солдаты лишь бывшіе московскіе стрѣльцы. До десяти тысячъ драгунъ было собрано въ зиму, а на Москвѣ нашлось весьма значительное количество охотниковъ. По свидѣтельству Плейера, царская армія въ скоромъ времени стала втрое сильнѣе прежней.

Самолично дѣлая распоряженія о сборѣ рекрутъ, распредѣляя по полкамъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ и обезпечивъ себя въ отношеніи численной организаціи арміи, Петръ неустанно трудился и надъ вопросомъ о приданіи ей надлежащаго благоустройства соотвѣтственнымъ обученіемъ и снаряженіемъ. Въ этомъ дѣлѣ, по словамъ Джона Перри, онъ не довѣрялъ вполнѣ никому изъ своихъ вельможъ и самъ входилъ въ мельчайшія подробности.

Приняты были энергичныя мѣры и по отношенію къ возрожденію матеріальной части нашей артиллеріи. На пушки были употреблены всѣ наличные запасы мѣди; переливали въ орудія и церковные колокола. Въ одной Москвѣ было изготовлено въ 1701 году 269 орудій, качествомъ много превосходившихъ прежніе образцы.

Какъ бы не довѣряя собственнымъ силамъ или, лучше сказать, не будучи увѣреннымъ послѣ нарвской «конфузіи» въ надлежащемъ среди войскъ подъемѣ воинскаго духа, Петръ,

12-го января 1701 г., заключилъ секретный трактатъ съ Даніей о присылкѣ на русскую службу трехъ пѣхотныхъ и одного кавалерійскаго полковъ, могущихъ своимъ примѣромъ ободрить пріунывшее русское воинство. Однако, трактатъ этотъ на дѣлѣ не осуществился, а проектированная мѣра была замѣнена инымъ способомъ: рекомендовано военачальникамъ, избѣгая генеральныхъ сраженій, бить всюду, гдѣ возможно, отдѣльныя шведскія партіи, ихъ фуражировъ, заставы и караулы, т. е. вести «малую войну», предоставляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, войскамъ грабить пограничныя земли Ливоніи, которая для Россіи не нужна и разореніе которой даже выгодно, какъ разореніе раіона возможнаго слѣдованія къ Ингріи шведскихъ подкрѣпленій. Эта мѣра обязательно должна была поднять духъ русскаго воинства и пріохотить его къ войнѣ со шведами; возможный-же при этомъ упадокъ дисциплины, по обстоятельствамъ времени, не представлялъ собою элемента, особо угрожающаго.

Болѣе или менѣе устроивъ свою армію, Петру было необходимо подумать и о томъ обстоятельствѣ, чтобы союзникъ его, Августъ II, не вошелъ въ сепаратное соглашеніе съ Карломъ XII и не обрекъ бы тѣмъ сѣверный театръ военныхъ дѣйствій нашествію главной и грозной шведской арміи. 15-го февраля 1701 года состоялось свиданіе между Петромъ I и Августомъ II въ Биржахъ, мѣстечкѣ, расположенномъ въ 120 верстахъ отъ Двинска (Динабурга). Состоявшимся при свиданіи трактатомъ союзники обязались продолжать войну всѣми силами. Петръ обѣщалъ прислать на подмогу Августу отъ 15,000 до 20,000 войска для дѣйствій въ Лифляндіи и Эстляндіи и выплатить ему на военные расходы 100,000 руб. въ теченіе двухъ лѣтъ. Августъ обязался «всѣми средствами наносить коронѣ свейской удобь-вымышленный ущербъ, въ особенности въ Лифляндіи и Эстляндіи, чтобы русскому Государю, не имѣющему на нихъ никакого притязанія, какъ на земли

Рѣчи Посполитой Польской, содѣйствовать въ Ижорской землѣ и Корелiи» [1]. Во исполненіе этого договора, въ апрѣлѣ того-же года, былъ направленъ подъ Ригу князь Репнинъ съ 18-ю пѣхотными и однимъ стрѣлецкимъ полкомъ, общею численностью до 17,500.

[1]) Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 93 и 94.

ГЛАВА III.

Сѣверный театръ войны по удаленіи Карла XII. — Шереметевъ — главнокомандующій Псковскою арміею. — Отдѣльный отрядъ Петра Апраксина. — Военныя дѣйствія 1701 года. — Побѣда подъ Эрестферомъ. — Намѣреніе атаковать Нотебургъ зимою. — Походъ Петра въ Архангельскъ. — Мѣры къ задержанію Карла XII въ Польшѣ. — Планъ кампаніи 1702 г. — Разореніе Ливоніи. — Дѣйствія Апраксина. — Взятіе Нотебурга. — Значеніе этой побѣды. — Приготовленія къ походу подъ Ніеншанцъ. — Гнѣвъ царя на медлительность Виніуса.

По удаленіи Карла XII изъ-подъ Дерпта, сѣверный театръ военныхъ дѣйствій представлялъ собою слѣдующую картину.

У Дерпта, прикрывая Ливонію, стоялъ отрядъ генерала Шлиппенбаха, численностью въ 8,500; близъ урочища Лопь, въ семи верстахъ отъ рѣки Назьи, противъ расположенія нашихъ войскъ у Старой Ладоги, стоялъ отрядъ генерала Кронгорта въ 7,000 человѣкъ; гарнизоны шведскихъ крѣпостей заключали въ себѣ, въ общемъ, до 6,000, а именно: въ Нотебургѣ было 500—600 человѣкъ, въ Ніеншанцѣ — 250—300, въ Ямахъ и Копорьѣ—незначительные отряды, въ Дерптѣ—до 1,000, наконецъ, въ Нарвѣ—4,555 чел. На Псковскомъ озерѣ плавала флотилія капитанъ-командора Лешерна, состоявшая изъ 14-ти военныхъ судовъ низшихъ ранговъ и предназначавшаяся для пресѣченія русскимъ переправы въ узкомъ мѣстѣ соединенія Псковскаго и Чудскаго озеръ и для набѣговъ на русскіе берега. На Ладожскомъ озерѣ, прикрывая Нотебургъ, плавала эскадра вице-адмирала Нумерса, состоявшая изъ восьми мореходныхъ военныхъ судовъ.

Пунктами сосредоточенія нашихъ войскъ были Псковъ, Новгородъ и Старая Ладога. Въ Псковѣ находился отрядъ Шереметева, предназначавшійся для активныхъ дѣйствій, «для похода» и заключавшій въ себѣ 12,000 конницы и до 16,000 пѣхоты; здѣсь-же было около 10,000 войска, пріуроченнаго къ Пскову и сюда-же 16-го августа 1701 года пришли изъ рижскаго похода 19 полковъ отряда князя Репнина, повернувшаго обратно послѣ пораженія саксонцевъ 8-го іюля подъ Ригою. Всего подъ Псковомъ было сосредоточено до 55,000 человѣкъ. Въ Новгородѣ стояло около 8,000 конницы и 1,000 пѣхоты. Въ Старой Ладогѣ стоялъ отрядъ окольничаго Петра Апраксина, на половину состоявшій изъ пѣхоты, на половину изъ кавалеріи, численностью до 5,000 человѣкъ.

Царскимъ указомъ 3-го іюля 1701 Борису Петровичу Шереметеву было вручено общее командованіе надъ войсками въ Псковѣ и Новгородѣ, предназначавшимися для охраненія этихъ городовъ отъ шведовъ и для дѣйствій въ Эстляндіи и Лифляндіи. Распоряженіе это носило, повидимому, характеръ, совершенно чуждый секрета, да и по общему плану военныхъ дѣйствій привлеченіе главнаго и даже исключительнаго вниманія шведовъ къ нашимъ приготовленіямъ на Ливонской границѣ являлось стратегическою мѣрою Петра I. Государь разсчитывалъ, и не ошибся въ своихъ разсчетахъ, что Карлъ XII «увязнетъ» въ Польшѣ, что шведы не воспрепятствуютъ ему разорить Ливонію и сдѣлать ее неудобопроходимою для Карла ранѣе обнаруженія главной цѣли Петра — завоеванія крѣпостей на Невѣ. Разсчитывалъ также Петръ, и опять-таки не ошибся въ своихъ разсчетахъ, что шведы, усыпленные отсутствіемъ мало-мальски серьезныхъ, видимыхъ для нихъ приготовленій на границѣ Ингерманландіи, не предпримутъ никакихъ мѣръ къ усиленію обороны Невы.

Сохраненіе плана военныхъ дѣйствій въ глубокой тайнѣ было необходимо Петру еще и потому, что помѣшать заду-

манной операціи могли не одни только шведы. Послѣ нарвскаго пораженія русскихъ Голландскіе штаты, до того времени колебавшіеся, напрямикъ объявили нашему резиденту Матвѣеву, что по старымъ договорамъ будутъ помогать шведамъ и что съ намѣреніемъ ихъ король англійскій никогда не разлучится. Да и вообще въ интересахъ Голландіи и Англіи было помочь Карлу XII скорѣе прикончить съ Сѣверною войною, дабы воспользоваться войсками союзной Швеціи въ борьбѣ съ Франціей. Возможность-же поддержки Швеціи со стороны двухъ столь сильныхъ въ то время морскихъ державъ была особенно грозна для нашихъ дѣйствій на Невѣ, доступной съ моря.

Выдѣленіе Ладожскаго отряда Петра Апраксина изъ дѣйствующей арміи въ единицу, хотя и самостоятельную [1]), но, повидимому, второстепенной важности, незначительность этого отряда, много уступавшаго даже по численности отряду шведскихъ полевыхъ войскъ въ Ингерманландіи, наконецъ, приданіе отряду характера наблюдательнаго, все это наиболѣе способствовало соблюденію необходимой тайны и притомъ безъ всякаго вреда для дѣла, ибо, до поры до времени, вся задача Апраксина исчерпывалась собраніемъ свѣдѣній о мѣстныхъ и боевыхъ условіяхъ края.

Между тѣмъ, первенствующее значеніе операцій на Невѣ вполнѣ опредѣленно выражается секретными распоряженіями Петра, относящимися еще къ январю 1701 года. Въ это время новгородскому приказу было предписано изготовить на Волховѣ, для перевозки войскъ и воинскихъ грузовъ, 600 струговъ, а на Ладожскомъ и Онежскомъ озерахъ, на Свири и въ Тихвинѣ переписать всѣ частные струги. Съ весны-же стали собирать свѣдѣнія о водномъ пути отъ устья Волхова къ Но-

[1]) Шереметеву были тогда подчинены войска лишь Пскова и Новгорода. («Матер. Военно-Учен. арх. Журналъ Шереметева», стр. 59).

тебургу и отъ Нотебурга къ устьямъ Невы, а первымъ военнымъ дѣйствіемъ лѣтомъ 1701 года была высылка рекогносцировочной партіи Бахметева, силою до 2,000 человѣкъ, къ Нотебургу и Ніеншанцу. Хотя партія эта великаго дѣла и не сдѣлала: далеко не дошла до указанныхъ пунктовъ и ограничилась разрушеніемъ шведскихъ укрѣпленій и оттѣсненіемъ ихъ карауловъ у мызы Порѣцкой, на рѣкѣ Назьѣ, перстахъ въ 20-ти отъ ея устья, хотя этой рекогносцировкой и ограничились военныя дѣйствія въ Ингріи въ теченіе 1701 года, но починъ дѣлу былъ положенъ; самую же операцію представлялось болѣе правильнымъ отложить до поры до времени. Во всякомъ случаѣ, надлежало выждать результатовъ похода Шереметева, задача котораго, повторяемъ, заключалась въ обезпеченіи свободы дѣйствій въ Ингерманландіи отъ попытокъ непріятеля помочь своимъ со стороны запада.

Войска Шереметева открыли военныя дѣйствія въ первыхъ числахъ сентября. Сынъ главнокомандующаго разбилъ шведовъ у мызы Ряпиной, съ западной стороны пролива между Псковскимъ и Чудскимъ озерами, и добылъ первые русскіе трофеи: двѣ пушки и три знамени. Слободскіе черкасы, татары и калмыки разграбили зарубежныя мѣста до Маріенбурга, пожгли всѣ деревни и вернулись «со многою добычею». 2-го октября былъ объявленъ «генеральный походъ» для разоренія Ливоніи и въ шведскіе предѣлы вошелъ самъ главнокомандующій во главѣ двадцатитысячнаго войска. Въ концѣ декабря Шереметевъ сразился съ Шлиппенбахомъ у Эрестфера, въ 35-ти верстахъ отъ Дерпта, и уничтожилъ почти весь вражескій отрядъ, завладѣвъ шведской полевой артиллеріей и обозомъ. Самъ Шлиппенбахъ бѣжалъ съ четырьмя сотнями конницы въ Дерптъ, а русскіе отряды предали огню и мечу весь раіонъ до Дерпта и Нарвы.

Битва при Эрестферѣ, при которой русскому воинству пришлось сразиться со всею полевою шведскою арміею, обере-

тавшею Эстляндію и Лифляндію, явилась фактомъ высокознаменательнымъ. Помимо стратегическаго значенія этой побѣды, обезопасившей на извѣстное время театръ военныхъ дѣйствій въ Ингріи, она имѣла глубокое моральное значеніе. «Оконфуженныя» подъ Нарвою войска воспрянули духомъ и ореолъ непобѣдимости шведовъ канулъ въ Лету. Не даромъ современный піита сложилъ по поводу дѣла подъ Эрестферомъ вирши:

«Гордый левъ, мня орла поглотити,
Восхотѣлъ на ся, предъ временемъ,
Лавровъ вѣнецъ возложити:
Но орелъ премудре знаетъ
Крыла и когти употреблять,
Что оный близъ Дерпта
Попужденъ храбрость потерять.
Европа удивися и рече:
Я есмь прелщена!
И по истинѣ,
Отъ львовой храбрости лживой извѣстіи отяхчена»[1]).

Пораженіе шведовъ подъ Эрестферомъ и уничтоженіе полевой арміи непріятеля на западѣ Ингерманландіи, возможность, благодаря этому, перебросить значительныя силы отъ Псковскаго озера къ Ладожскому, отсутствіе удобныхъ сухопутныхъ подступовъ къ Невѣ съ сѣвера, наконецъ, зимнее время, сковавшее льдомъ водные подступы изъ Финляндіи и Кореліи къ Нотебургу и Ніеншанцу, всѣ эти обстоятельства явились наиболѣе благопріятствующими для немедленнаго открытія рѣшительныхъ дѣйствій на Невѣ. Быстро созданъ планъ нечаяннаго нападенія на Нотебургъ по льду, съ подвозкою для этой операціи войскъ въ саняхъ по кратчайшему зимнему пути. Въ успѣшности такого предпріятія сомнѣній не нарождалось въ Нотебургѣ гарнизонъ былъ слабъ, а главная сила крѣпости —

[1]) Государственный архивъ. Кабинетъ Петра Великаго. Отдѣленіе I, кн. 19, л. 168.

ея расположеніе на островѣ—парализировалась морозомъ. Войска, разбившія Шлиппенбаха, могли разсчитывать и на сокрушеніе Кроніорта, отрядъ котораго былъ не сильнѣе уничтоженнаго подъ Эрестфером; а тамъ и Ніеншанцъ долженъ пасть, и Нева, еще покрытая ледянымъ покровомъ, будетъ въ нашихъ рукахъ.

Но занятіе и укрѣпленіе истоковъ и устьевъ Невы обезпечитъ однако лишь обладаніе «Ладожскимъ протокомъ», а добытое окно въ Европу останется закрытымъ. Швеція обладаетъ сильнымъ флотомъ и лучшими въ Европѣ пушечными заводами. Даже въ случаѣ потери крѣпостей на Невѣ, она едва-ли согласится спокойно смотрѣть на плаваніе нашихъ комерческихъ судовъ по водамъ Балтики. Недостаточно, значитъ, укрѣпиться на Финскомъ заливѣ: слѣдуетъ завести военный флотъ, который могъ бы соперничать со шведскимъ, да, кстати, и угрожать берегамъ Финляндіи, а, можетъ быть, и самой Швеціи, принудивъ шведовъ оберегать свое побережье и отказаться отъ серьезныхъ попытокъ къ возвращенію Невы.

Уже 22-го января 1702 года издается наказъ о кораблестроеніи на Сяси, впадающей въ Ладожское озеро въ 30-ти верстахъ отъ Ладоги; вскорѣ закипаютъ работы и на Олонецкой верфи. Татищевъ на Сяси закладываетъ флейтъ, шмаки, буеръ и мелкія суда; Яковлевъ (Иванъ) на Олонецкой верфи строитъ корабль, галіотъ, флейтъ, буеръ, шмаки, галеры и различныя мелкія суда.

Однако, смѣлый планъ взятія Нотебурга по льду пришлось оставить; выручила на сей разъ шведовъ природа. 29-го января Борисъ Петровичъ Шереметевъ писалъ изъ Пскова Петру: «Путь у насъ рушился: и рѣки, и болота распустилися; только Волховъ рѣка не прошла и та худа». Полная и несвоевременная распутица воспрепятствовала быстрому сосредоточенію войскъ, и предпріятіе было отложено.

Между тѣмъ обрѣтаться въ бездѣйствіи тогда, когда войска воспрянули духомъ и когда на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій русскихъ, въ Ингерманландіи, врагъ былъ не силенъ — не приходилось. Рѣшено было добывать Нотебургъ осенью.

Главными условіями успѣшности намѣченнаго мѣропріятія были: сохраненіе плана дѣйствій въ тайнѣ, задержаніе Карла XII въ Польшѣ, уничтоженіе вновь появившагося въ Ливоніи девятитысячнаго отряда шведскихъ полевыхъ войскъ и разореніе этого края.

Закрыть свои карты было наиболѣе удобно отвлеченіемъ вниманія непріятеля отъ объекта военныхъ дѣйствій. Центръ тяжести переносится на сѣверъ, въ Архангельскъ.

Еще въ іюнѣ 1701 года двѣ шведскихъ шнявы и четыре галіота, вышедшіе изъ Готенбурга подъ предлогомъ китоловнаго промысла въ Гренландіи, появились въ устьяхъ Сѣверной Двины. Однако, планъ шведовъ былъ обнаруженъ своевременно: о замыслахъ шведовъ на Архангельскъ сообщилъ впервые докторъ Григорій Карбонарій, взятый въ плѣнъ еще подъ Нарвой, въ 1700 г. Архангельскому воеводѣ было предписано имѣть «великое опасеніе и осторожность» отъ непріятеля, предписано было даже не пускать въ море нашихъ промысловыхъ судовъ; устья Двины были укрѣплены, а для обороны Архангельска имѣлось въ наличности три солдатскихъ полка и болѣе пяти сотенъ драгунъ. Перехваченные шведами русскіе лоцмана поставили одну шняву и одинъ галіотъ непріятеля на мель противу жерлъ пушекъ нашихъ укрѣпленій. Суда эти явились призомъ русскихъ. Прочія суда шведовъ поспѣшили убраться во-свояси.

Къ концу зимы 1701—1702 гг. пускается слухъ о намѣреніи шведовъ возобновить нападеніе на Архангельскъ. Существуетъ мнѣніе, что слухъ этотъ былъ пущенъ по желанію

самого Петра для отвлеченія вниманія шведовъ отъ Невы [1]). Къ мнѣнію этому присоединяемся всецѣло.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Царь направляется въ Архангельскъ съ пятью баталіонами гвардіи, численностью около 4,000 человѣкъ, беретъ съ собою сына и дипломатическую канцелярію, ѣдетъ съ помпой и стремится, чтобы объ его путешествіи было извѣстно повсюду; даже въ иностранныя газеты посылаются соотвѣтственныя извѣщенія. Изъ Архангельска разсылаются ноты къ иностраннымъ дворамъ, причемъ прилагаются всѣ усилія для убѣжденія, кого слѣдуетъ, въ томъ, что пребываніе Царя на Бѣломъ морѣ будетъ весьма продолжительно.

Для удержанія Карла XII въ Польшѣ принимаются мѣры къ усиленію сторонниковъ Августа II и къ привлеченію къ войнѣ всей Рѣчи Посполитой. Формируются стрѣлецкіе полки (въ Дорогобужѣ четыре и въ Смоленскѣ два) и направляются въ Польшу и Литву. Посылаются Царскія грамоты къ возставшему противъ Польши наказному гетману Польской Украины Самусю и его союзнику Палѣю съ убѣжденіями, чтобы они бросили распри съ поляками и обратили свое оружіе на шведовъ. Дѣлаются также попытки къ заключенію союза съ Франціей, которой представляются соображенія о выгодности для нея споспѣшествовать успѣху русскаго оружія и о возможности, благодаря этому, нанести существенный вредъ ея наиболѣе ненавистному противнику—Голландіи.

Характерны и интересны сношенія по послѣднему поводу. Въ половинѣ января 1702 года французскій чрезвычайный посланникъ въ Польшѣ доносилъ, со словъ нашего резидента въ Варшавѣ, своему правительству, что «самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ» для отомщенія голландцамъ

---

[1]) Сколько намъ извѣстно, мнѣніе это высказано впервые А. Кротковымъ и подтверждено имъ соображеніями и документами безусловно убѣдительными (см. «Завоеваніе шведской крѣпости Петербургъ». С.-Петербургъ, 1896 г., стр. 94—125).

«было бы подорвать ихъ торговлю, и если бы король вошелъ въ соглашеніе съ Царемъ, тогда было бы легко отнять у нихъ торговлю въ Балтійскомъ морѣ, которую они производятъ почти одни; Государь требуетъ только одного: чтобы король доставилъ ему возможность завладѣть какимъ-нибудь портомъ при Балтійскомъ морѣ, способствуя тому, чтобы война противъ Швеціи продолжалась, и заставилъ польскую республику принять въ ней участіе; лишь только онъ будетъ обладать такимъ портомъ, то вскорѣ построитъ столько кораблей, что въ непродолжительномъ времени одни только подданные его и короля будутъ производить торговлю въ Балтійскомъ морѣ, другіе же народы будутъ устранены» [1]).

Для наступленія на Шлиппенбаха, для уничтоженія его отряда и для разоренія Ливоніи, въ предѣлы послѣдней приказано вступить Шереметеву съ 22,000-нымъ отрядомъ при 32-хъ орудіяхъ.

Кромѣ очерченныхъ выше главныхъ политическихъ и стратегическихъ мѣръ, для успѣшности задуманнаго мѣропріятія необходимо было изыскать еще и средства для своевременнаго сосредоточенія войскъ и военныхъ грузовъ въ окрестностяхъ Нотебурга и для маскировки этого сосредоточенія, а также для уничтоженія Ладожской эскадры Нумерса, или хотя бы для воспрепятствованія ей подать помощь атакованному Нотебургу.

Для передвиженія войскъ и грузовъ изъ Новгорода къ Старой Ладогѣ перевозочныя средства, какъ мы видѣли, были припасены еще за годъ, въ самой же Ладогѣ велѣно было собрать къ августу мѣсяцу отъ 3,000 до 5,000 лошадей для перевозки по дальнѣйшимъ сухопутнымъ дорогамъ артиллеріи и боевыхъ припасовъ, приготовленныхъ въ Новгородѣ для немедленнаго отправленія въ Ладогу. Для прикрытія Ладоги

[1]) «Сборникъ Русск. истор. общ.», т. XXXIV, стр. VI.

отъ Кроніорта предназначался отрядъ окольничаго Петра Апраксина, на который возлагалась задача сдѣлать сосредоточеніе нашихъ войскъ для шведовъ незамѣтнымъ, путемъ оттѣсненія Кроніорта къ западу. Для этой цѣли къ отряду Апраксина, зимовавшему у Ладоги, было приказано прибавить изъ Новгорода три полка драгунъ и девять сотенъ калмыковъ, а также все конное ополченіе, зимовавшее въ Новгородѣ и городахъ, лежавшихъ къ Новгороду ближе, чѣмъ къ Пскову.

Апраксину же слѣдовало позаботиться и объ эскадрѣ Нумерса. Въ Новгородѣ соорудили 60 донскихъ лодокъ, подобныхъ тѣмъ, на которыхъ донцы атаковали турецкіе корабли подъ Азовомъ, въ гирлахъ Дона; суда эти спустили въ Ладогу, а для службы на нихъ къ отряду Апраксина приказано было прибавить 1,500 донскихъ казаковъ.

Разсчитывая на молодецкую службу послѣднихъ, Петръ прекрасно понималъ, однако, затруднительность борьбы лодокъ съ мореходными судами Нумерса. Послѣднимъ слѣдовало противопоставить средства болѣе надежныя, но таковыхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій не имѣлось, а суда, заложенныя на Сяси и на олонецкой верфи, къ потребному времени поспѣть не могли. И вотъ Петръ затѣваетъ неслыханное дѣло: онъ рѣшается доставить въ Ладожское озеро два вооруженныхъ и снаряженныхъ фрегата изъ Архангельска, перетащивъ ихъ по сухому пути 160 верстъ, отъ дер. Нюхчи на Бѣломъ морѣ до Повѣнца на Онежскомъ озерѣ, по дорогѣ, гдѣ, по словамъ лѣтописца, «и зимою неѣздятъ», гдѣ приходится прорубать просѣки, сооружать гати и выстроить шесть значительныхъ мостовъ.

Таковы были планы кампаніи 1702 года, въ общемъ, приведенные въ исполненіе, не смотря на нѣкоторыя частныя отступленія отъ предначертаній Монарха.

Въ области такихъ отступленій первымъ забилъ тревогу Апраксинъ. Еще въ апрѣлѣ писалъ онъ Царю: «Даютъ, Го-

«ударь, мнѣ нынѣ только новгородскаго полку конницы, тысячи съ двѣ съ небольшимъ, и тѣ—тебѣ, государь, извѣстно—какіе люди: большая половина лапотниковъ, и не такъ, какъ ты, государь, указалъ: новгородцы и городы, которые къ Новгороду ближе, тѣмъ быть у меня въ полку (въ отрядѣ), а псковичи и городы, которые къ Пскову ближе, тѣмъ быть у Бориса Петровича (Шереметева), а ровные городы раздѣлить пополамъ. А нынѣ, государь, изъ тѣхъ, которые ко мнѣ ближе, выборомъ кои получше, мнѣ не даютъ, а по нынѣшнему, государь, моему отпуску (т. е. «по отпуску ко мнѣ» — по присылкѣ ко мнѣ въ отрядъ войскъ), если калмыкъ и драгунъ не будетъ, конницы у меня будетъ малое число». Жаловался Апраксинъ и на то обстоятельство, что у него отняли всѣхъ донскихъ казаковъ, не смотря на спеціальное для нихъ приготовленіе лодокъ для дѣйствій на Ладожскомъ озерѣ [1]).

Подобное неустройство отряда Апраксина, вѣроятно, и было причиною его долговременнаго бездѣйствія. Добрую половину лѣта онъ простоялъ на пограничной рѣкѣ Лавѣ и единственнымъ его активнымъ дѣйствіемъ была высылка въ Ладожское озеро, на соймахъ и карбасахъ, подполковника Островскаго съ 400 солдатъ для разоренія шведскихъ селеній на Кексгольмскомъ берегу. Этотъ отрядъ набрелъ 15-го іюня, въ устьѣ рѣчки Вороны, на эскадру Нумерса, стоявшую тамъ на якорѣ. Эскадра была сильна: здѣсь были три бригантины, вооруженныя каждая 5-ю—12-ю пушками, три галіота, каждый на 6—16 пушекъ и двѣ мореходныхъ лодки; но значительная часть судовыхъ командъ была на берегу, гдѣ занималась грабежемъ русскихъ деревень. Островскій атаковалъ шведовъ. Полная неожиданность атаки привела непріятеля въ замѣшательство, которымъ только и можно объяснить результаты дѣла: шведскія суда подняли паруса и поспѣшно отсту-

[1]) Государ. Арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 2, л. 64 и 65.

пили. Не даромъ Нумерсъ въ своемъ донесеніи о дѣлѣ обратилъ русскіе соймы и карбасы въ галеры.

Съ другой стороны, въ первую половину лѣта особой надобности въ развитіи активныхъ дѣйствій отряда Апраксина и не встрѣчалось. Онъ долженъ былъ привлечь на себя вниманіе Кроніорта въ періодъ сосредоточенія войскъ у Ладоги, а таковое сосредоточеніе должно было начаться въ самомъ концѣ лѣта.

Между тѣмъ въ Ливоніи дѣйствовалъ Шереметевъ. Онъ выступилъ изъ Пскова подъ Дерптъ въ началѣ іюля, во главѣ 15,000-наго войска, отправивъ плавнымъ путемъ къ Псковскому озеру, въ разныхъ мелкихъ судахъ, генералъ-маіора Гулица. Отрядъ послѣдняго имѣлъ дѣло съ четырьмя шкутами флотиліи Лешерна, закончившееся взятіемъ одного шкута, взорваннаго, однако, шведами. 18-го іюля русская армія сошлась съ арміей Шлиппенбаха у мызы Гумоловой; шестичасовой бой закончился полнымъ разгромомъ шведовъ, оставившихъ на мѣстѣ до $5^1/_2$ тысячъ труповъ.

Столь серьезное пораженіе шведовъ позволило Шереметеву безпрепятственно двинуться въ глубь страны, сначала по Ревельской, а затѣмъ и по Рижской дорогамъ, разсылая въ стороны отряды татаръ и калмыкъ для разоренія края. Задача, поставленная псковскому отряду, была выполнена. Въ Ливоніи «пожгли и разорили безъ остатку» все, что пожечь и разорить было возможно. При возвращеніи Шереметева подъ Псковъ, Эстляндія и часть Лифляндіи представляли собою пустыню и армія Шереметева могла быть направлена безъ опасенія въ другую сторону, при условіи оставленія наблюдательнаго отряда со стороны Нарвы.

Наступило время дѣйствовать и Апраксину. Въ концѣ іюля окольничій выслалъ впередъ, къ мызѣ Порѣцкой, что на рѣкѣ Назвѣ, ротмистра Квашнина-Самарина съ тремя ротами драгунъ «для промыслу надъ непріятельскими людьми». Въ По-

рѣцкой оказалась шведская застава, численностью въ 90 человѣкъ. «Мызу взяли и людей побили»; захватили и языковъ.

О мѣстѣ нахожденія Кроніорта показанія языковъ, относящіяся къ 3-му августа, разошлись: кто увѣрялъ, что шведскій генералъ у Канецъ (Ніеншанца), кто говорилъ, что у мызы Сарской (нынѣшнее Царское Село); численность же его отряда опредѣлялась всѣми въ три тысячи пѣхоты. На мызѣ Дудеровой (нынѣшній Дудергофъ), да въ различныхъ мѣстахъ между этою мызою и мызою Порѣцкой насчитывали языки 4,000 шведской конницы: 3,000 рейтаровъ и 1,000 драгунъ съ полковниками Врангелемъ, Рамсомъ, Мулемъ и Нортомъ. Дали и подробныя, хотя и не совсѣмъ точныя указанія о силѣ, расположеніи и вооруженіи верковъ Ніеншанца. Сообщили также и о приказаніи, будто бы воспослѣдовавшемъ отъ Карла XII, дабы войска Кроніорта съ русскими не бились, такъ какъ въ непродолжительномъ времени Швеція заключитъ съ Россіею миръ. По свѣдѣніямъ тѣхъ же шведскихъ плѣнныхъ, на Ладожскомъ озерѣ ходило съ весны десять шкутъ, вооруженныхъ восемью пушками каждый; но въ послѣднее время одинъ шкутъ былъ разбитъ непогодою, причемъ пушки и люди перевезены съ него въ Нотебургъ. На девяти оставшихся шкутахъ находились-«де ратные люди—голландцы наемные, человѣкъ съ двѣсти, да съ ними жъ канецкіе (Ніеншанцскіе) жители» [1]).

По полученіи этихъ извѣстій, Апраксинъ двинулся въ Орѣховскій (Шлиссельбургскій) уѣздъ, побывалъ на Невѣ и подошелъ къ 10-му августа къ рѣкѣ Тоснѣ. У устья послѣдней, на лѣвомъ, западномъ ея берегу, шведами были возведены «городокъ и отводные шанцы», занятые гарнизономъ въ 100 человѣкъ при трехъ пушкахъ. Наплавной мостъ передъ укрѣпленіемъ оказался разведеннымъ. Однако, русскіе пере-

[1]) Государ. Арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 2, л. 38—40.

правились черезъ рѣку вбродъ, взяли городокъ и шанцы, обратили шведовъ въ бѣгство, а преслѣдуя ихъ дошли до р. Ижоры. На Ижорѣ стоялъ уже Кроніортъ со всѣмъ своимъ отрядомъ; но устрашенный, надо полагать, извѣстіемъ, полученнымъ имъ отъ развѣдчиковъ, о движеніи на него 40,000-ной арміи русскихъ, шведскій генералъ не рѣшился вступить въ бой съ отрядомъ Апраксина и сѣчно отступилъ на мызу Сарскую.

Такимъ образомъ, въ наши руки достались Ижорская и близлежащія мызы. Трофеями этого дня были шведскіе лафеты и мелкое оружье; пушки шведы утопили въ Тоснѣ [1]).

Въ письмѣ отъ того же 10-го августа Апраксинъ хвастался Петру: «Извѣстно тебѣ, государю, чиню: по твоему, государеву, указу, военнымъ походомъ въ непріятельской сторонѣ уѣздъ Орѣховскій и ниже города Орѣшка, по рѣкѣ Невѣ до рѣки Тосны и до самыя Ижорскія земли, съ твоими, государевыми, ратными людьми прошелъ и непріятельскія ихъ жилища, многія мызы великія и всякія селенія развоевали и разорили до остатку».

Но Петръ не похвалилъ Апраксина за такія дѣйствія. Радуясь разоренію Ливоніи и поощряя къ тому Шереметева, онъ съ горечью упрекалъ Апраксина за разореніе страны «отчичь и дѣдичь», мѣстности, во что бы то ни стало, долженствующей вернуться къ старымъ хозяевамъ: «Что по дорогѣ разорено, то зѣло непріятно намъ, о чемъ словесно вамъ говорено и въ статьяхъ положено, чтобъ не трогать, а разорять или брать лучше города, неже деревни, которыя ни малаго супротивленія не имѣютъ» [2]).

Пришлось Апраксину оправдываться: въ отвѣтъ на упрекъ

---

[1]) Госуд. арх., каб. П. В., л. 36, 38 и 48 и Журналъ П. В., стр. 39.

[2]) Тамъ же, отд. II, кн. 2, л. 35 и «Письма и бумаги Петра Великаго». С.-Петербургъ, 1889 и посл. года, т. II, стр. 78.

Петра онъ донесъ, что жегъ-де онъ мызы дальнія, которыя могли послужить шведамъ опорными пунктами въ нашемъ тылу при движеніи къ устьямъ Невы, которыя могли доставлять ихъ войскамъ провіантъ и фуражъ. Что же касается до раіона вѣроятной зимовки нашихъ войскъ въ случаѣ успѣха русскаго оружія, т. е. до окрестностей мызъ Дудеревой и Сарской и города Ніена, то тамъ онъ не велѣлъ портить ничего [1]).

Нечего и говорить, что оправданія Апраксина не отличались убѣдительностью: мыза Дудерова и Сарская и крѣпость Ніеншанцъ были еще въ рукахъ шведовъ и ихъ окрестности не могли быть разорены Апраксинымъ даже при желаніи: разореніе же собственнаго тыла, мало доступнаго, даже по мѣстнымъ условіямъ, для обхода противникомъ—мѣра болѣе нежели сомнительнаго достоинства.

У многихъ историковъ находимъ сообщеніе, что отъ Ижоры Апраксинъ двинулся далѣе къ Ніеншанцу. Тоже встрѣчаемъ и въ современномъ той эпохѣ документѣ, въ запискѣ, касающейся дѣйствій отряда окольничаго Петра Апраксина [2]). Въ послѣдней даже говорится, что Апраксинъ, подойдя къ Ніеншанцу, разбилъ шведскій отрядъ, укрывшійся въ крѣпости. Однако, это не вѣрно.

Какъ мы видѣли, къ Ижорѣ Апраксинъ подошелъ 10-го августа, вѣроятно въ исходѣ дня, такъ какъ того же числа имѣлъ дѣло со шведами въ устьяхъ Тосны, т. е. болѣе нежели въ десяти верстахъ отъ Ижоры. Можно сказать съ увѣренностью, что, получивъ свѣдѣніе объ отступленіи Кроніорта къ мызѣ Сарской, онъ не могъ отважиться ни на немедленный походъ къ Канцамъ, ни на движеніе впередъ вообще, оставляя у себя въ тылу значительныя силы шведовъ. Это

[1]) Тамъ же, отд. II, кн. 2, л. 49.
[2]) Тамъ же, отд. I, кн. 19, л. 172—174.

обстоятельство подтверждается какъ помѣтой на письмѣ окольничаго отъ 14-го августа—«изъ обозу съ непріятельской свейской стороны, отъ земли ихъ Ингріи, отъ рѣки Ижоры», такъ и тѣмъ, что въ письмѣ этомъ, относящемся къ числу, когда Кроніортъ выступилъ уже изъ Сарской по направленію къ Ніеншанцу, оставивъ лишь незначительные отряды въ Сарской и укрѣпленномъ лагерѣ близъ Дудеровой, Апраксинъ все же доносилъ царю: «Впередъ къ морю войною идти, въ нынѣшнемъ моемъ малолюдствѣ, съ такою худою конницею, не мочно, потому, государь, что городъ ихъ Канцы и онъ, Кроніортъ, останутся у насъ за хребтомъ, а помощи неоткуды нѣтъ мнѣ... Истинну тебѣ, государь, многожды доношу, надобно здѣсь людей больше» [1]).

Около половины августа Апраксинъ направилъ въ Ладожское озеро «плавнымъ караваномъ» полковника Ивана Тыртова съ низовымъ полкомъ. Надо полагать, Тыртовъ выступилъ въ походъ изъ Ладоги. Во всякомъ случаѣ онъ вошелъ въ озеро на 30-ти лодкахъ, бывшихъ въ этомъ городѣ и предназначавшихся для донскихъ казаковъ, которые такъ и не прибыли въ отрядъ Апраксина.

24-го августа окольничій доносилъ Петру, опять-таки изъ Ижоры, что Тыртовъ имѣлъ на Ладожскомъ озерѣ бои со шведскими шкунами и что послѣднія отступили къ Орѣшку. Черезъ три дня, 27-го августа, Апраксинъ снова рапортовалъ Петру изъ того же пункта о неблагополучіи во ввѣренномъ ему отрядѣ: за недостаткомъ фуража и по истощенію хлѣбныхъ запасовъ, черкасы его отряда начали сильно роптать и угрожать уходомъ. Это обстоятельство съ одной стороны, переходъ Кроніорта отъ Ніеншанца къ Дудеревой мызѣ съ другой, заставили Апраксина отступить сначала за рѣку Тосну, затѣмъ къ Назьѣ, наконецъ, на пограничную рѣчку Лаву.

---

[1]) Госуд. арх., каб. И. В., отд. II, кн. 2, л. 48 и 34.

Тотчасъ по отступленіи Апраксина двинулся за нимъ и Кронiортъ; 28-го августа съ этою вѣстью прибылъ гонецъ отъ окольничаго къ Шереметеву, незамедлившему выслать подмогу: онъ отправилъ къ Апраксину генерала Гулица съ двумя полками пѣхоты, полкомъ драгунъ и отрядомъ донскихъ казаковъ, татаръ и калмыковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шереметевъ направилъ наблюдательный отрядъ и ко Гдову.

Между тѣмъ 27-го августа, въ полный штиль, Тыртовъ атаковалъ эскадру вице-адмирала Нумерса, стоявшую на якорѣ у Кексгольма. Результаты дѣла превзошли самыя смѣлыя надежды: двѣ шведскія шкуны были сожжены, одна потоплена и двѣ забраны въ плѣнъ. Быть можетъ, лишь смертью Тыртова, сраженнаго пулей, объясняется то обстоятельство, что часть шведской эскадры уцѣлѣла. Однако, Нумерсъ не рѣшился остаться въ Ладожскомъ озерѣ: потерявъ подъ Кексгольмомъ пять судовъ и 300 человѣкъ команды, онъ ушелъ Невою и Финскимъ заливомъ въ Выборгъ, предоставивъ Ладожское озеро въ полное распоряженіе русскихъ [1]).

«Зѣло время благополучно; не надобно упустить», писалъ Петръ Шереметеву «съ половины рѣки Свири», требуя его прибытія въ Ладогу [2]).

Шереметевъ выступилъ изъ Пскова съ 16,500 войска 13-го сентября, т. е, тогда, когда Петръ съ гвардіей находился уже въ пути отъ устья Свири къ Старой Ладогѣ. 22-го сентября Монархъ былъ уже на рѣкѣ Назьѣ, въ лагерѣ Апраксина, и сюда же стали подходить всѣ остальныя войска, назначенныя для движенія на Нотебургъ.

Въ сей знаменательный походъ русскіе выступили 26-го сентября, не взирая на то, что необходимое количество под-

[1]) Госуд. арх., каб. П. В., отд. II, кн. 2 л. 48, 51 и 58 и «Журналъ Шереметева», стр. 118.

[2]) «Письма и бумаги П. В.», т. II, стр. 82.

водъ и лошадей къ сроку не прибыло: артиллерію пришлось «тянуть» людьми [1]).

Мы не будемъ описывать подробностей осады Нотебурга—крѣпости попутной къ Ніеншанцу; намъ болѣе интересны подробности дѣйствій въ раіонѣ нынѣшней столицы. Считаемъ достаточнымъ напомнить, что въ ночь на 12-е октября, послѣ жестокаго и кровопролитнаго штурма, Нотебургъ палъ.

«Зѣло жестокъ сей орѣхъ (древній Орѣшекъ) былъ, однако, слава Богу, счастливо разгрызенъ», писалъ Петръ надзирателю артиллеріи Виніусу [2]).

Взятая крѣпость была тотчасъ же переименована въ Шлиссельбургъ—ключъ городъ; опорный пунктъ, обезпечивающій тылъ войскъ, дѣйствовавшихъ по Невѣ, былъ пріобрѣтенъ. Армія Шереметева возвратилась на зимнія квартиры ко Пскову, а въ Шлиссельбургѣ былъ оставленъ сильный гарнизонъ.

Взятіе Нотебурга являлось въ глазахъ Петра залогомъ полнаго успѣха въ выполненіи задуманной операціи. Овладѣніе Невою на всемъ ея протяженіи не представляло уже особыхъ затрудненій и откладывалось до весенняго времени для возможности подвоза водою различныхъ боевыхъ и техническихъ средствъ, необходимыхъ для быстраго покоренія Ніеншанца и для спѣшнаго возведенія укрѣпленій въ устьяхъ Невы.

По предположеніямъ Монарха, къ марту мѣсяцу въ Шлиссельбургѣ должны были находиться въ наличности артиллерія, боевые, продовольственные и лечебные припасы, шанцевый инструментъ и «нарочитое число барокъ» для подвозки артиллеріи къ Ніеншанцу; барки эти предписано было сдѣлать Шлиссельбургскому генералъ-губернатору—Александру Даниловичу Меншикову. По вскрытіи льда, при первой возможности, сюда же надлежало направить Петру Апраксину всѣ

[1]) «Журналъ Шереметева», стр. 120 и «Журналъ П. В.», стр. 55.
[2]) «Письма и бумаги П. В.», т. II, стр. 92.

годныя лодки, струги и тому подобныя плавучія средства, коихъ на Ладожскомъ озерѣ и на Волховѣ оказалось 359. Въ мартѣ же мѣсяцѣ фельдмаршалу Шереметеву было предписано быть готовымъ къ выступленію изъ Пскова въ Шлиссельбургъ со всѣми войсками, оставивъ незначительный отрядъ въ названномъ городѣ, отправивъ стрѣлецкіе полки «на поискъ» за рубежъ, въ Ливонію, и разставивъ всю имѣвшуюся въ его распоряженіи «низовую силу» на «станціяхъ» по границамъ. Къ Шлиссельбургу же должна была выступить и кавалерія Петра Апраксина, стоявшаго на Назьѣ. Имѣлось также въ виду выдвинуть часть арміи Шереметева къ Ямамъ, для обезпеченія операціонной линіи по Невѣ съ юга, со стороны шведскихъ крѣпостей Ямъ, Копорья и Нарвы. Послѣдняя мѣра, осуществленная впослѣдствіи, сохранялась до поры до времени въ тайнѣ [1]).

Однако, задуманныя мѣропріятія были выполнены не вполнѣ соотвѣтственно желанію Петра I: доставка къ Шлиссельбургу боевыхъ и другихъ припасовъ затянулась; замѣшкался на Назьѣ и Апраксинъ.

Пріѣхавъ въ Шлиссельбургъ изъ Новгорода 17-го марта, Государь посылаетъ черезъ два дня гнѣвное посланіе знаменитому и страшному по крутымъ «розыскамъ» начальнику Преображенскаго приказа, князь-кесарю Юрію Ѳедоровичу Ромодановскому: «Sir! Извѣствую, что здѣсь великая недовозка артиллеріи есть, чему—посылаю роспись, изъ которыхъ самыхъ нужныхъ не довезено: 3,033 бомбовъ трехпудовыхъ; трубокъ—7,978; дроби и фитилю ни фунта; лопатъ и кирокъ желѣзныхъ самое малое число; а паче всего мастера, который зашрубливаетъ запалы у пушекъ: по сей часъ не присланъ, отчего прошлогодскія пушки ни одна въ походъ

[1]) Матеріалы Устрялова (т. IV, ч. II), стр. 77; донесенія Витворта въ «Сборн. Русск. истор. общ.», т. XXXIX, стр. 88; «Картины жизни Меншикова». Москва 1803 г., стр. 13; «Журналъ Шереметева», стр. 126.

не година будетъ, отчего намъ здѣсь великая остановка дѣлу нашему будетъ, безъ чего и починать нельзя. О чемъ я самъ многожды говорилъ Виніусу, который отпочтовалъ меня московскимъ тотчасомъ. О чемъ изволь его допросить: для чего такъ дѣлается такое главное дѣло съ такимъ небреженіемъ, которое тысячи его головы дороже?.. Изъ аптеки ни золотника лекарствъ не прислано; того для принуждены будемъ мы тѣхъ лечить, которые то презираютъ» [1]).

Гнѣвъ Царя понятенъ тѣмъ болѣе, что съ операціей къ устьямъ Невы спѣшить было необходимо. Не говоря уже о томъ обстоятельствѣ, что еще въ февралѣ 1703 года стали носиться слухи о движеніи на Ингерманландію двухъ шведскихъ генераловъ съ сильными отрядами [2]), овладѣть Ніеншанцемъ было необходимо скорѣе, раннею весною, дабы предупредить появленіе значительныхъ силъ шведовъ морскимъ путемъ изъ Финляндіи и даже метрополіи и съ польскаго театра военныхъ дѣйствій, каковая операція не представлялась невозможной. Прекрасно понимая стратегическое значеніе устьевъ Невы, Петръ не могъ не опасаться такого же взгляда на вещи и со стороны Карла XII, который долженъ же былъ въ концѣ-концовъ обратить вниманіе на успѣхи русскаго оружія въ странѣ, важное значеніе которой для Швеціи столь громко и убѣдительно подчеркивалось еще Густавомъ-Адольфомъ. Появленіе всего шведскаго флота и самого Карла въ Финскомъ заливѣ было возможно и по политическимъ обстоятельствамъ того времени: Голландія и Англія, озабоченныя освобожденіемъ отъ Сѣверной войны саксонцевъ, этихъ вѣроятныхъ союзниковъ германскаго императора въ борьбѣ съ враждебной имъ Франціей, и разсчитывавшія даже на помощь самой Швеціи, которой не придется утилизировать въ войнѣ съ одною Россіей всѣ свои силы, прилагали всевозможныя

[1]) Письма и бумаги Петра Великаго», т. II, стр. 136.
[2]) «Письма Шереметева», т. I, стр. 133.

старанія къ примиренію Карла XII съ Августомъ II. Съ другой стороны, въ Великой Польшѣ составилась противъ Августа конфедерація, союзная Швеціи и доставлявшая возможность Карлу уменьшить безъ риска свои силы на польскомъ театрѣ войны, даже не прекращая тамъ военныхъ дѣйствій.

Скорѣйшее овладѣніе Невою и надежное укрѣпленіе ея устьевъ было необходимо Петру и по силѣ тревожныхъ вѣстей съ юга: благодаря интригамъ турецкаго великаго визиря, крымскій ханъ сталъ требовать войны съ Россіей. Смѣна хана, достигнутая нашимъ дипломатомъ Толстымъ, дѣлу не помогла: визирь совѣтовалъ крымцамъ организовать примѣрный бунтъ противъ Турціи, обѣщалъ явиться къ нимъ съ сильнымъ войскомъ, подъ предлогомъ усмиренія бунта, и обратить вмѣстѣ съ татарами оружіе на Москву.

Правда, всѣ указанныя затрудненія удалось обойти: малопонятная, безграничная ненависть Карла XII къ Августу II была причиной отклоненія какихъ бы то ни было мирныхъ предложеній польскаго короля; перевѣсъ сторонниковъ Августа на Литвѣ и заключеніе ими союза съ Россіей съ одной стороны, еще менѣе понятное презрѣніе къ русскимъ, а можетъ быть и отвращеніе Карла къ морскимъ переходамъ [1]) съ другой — были причинами его дальнѣйшаго «увязнутія» въ Польшѣ; ловкій маневръ Толстаго—пріобрѣтеніе союзника въ лицѣ матери султана—завершился убіеніемъ великаго визиря. Но все же указанныя выше обстоятельства времени принуждали спѣшить съ походомъ на Ніеншанцъ.

6-го апрѣля Петръ I писалъ къ Шереметеву изъ Шлиссельбурга: «Здѣсь, за помощью Божьею, все готово, и больше не могу писать, только что время, время, время, и чтобъ не дать предварить непріятелю насъ, о чемъ тужить будемъ послѣ» [2]).

[1]) Карлъ XII былъ сильно подверженъ морской болѣзни.

[2]) «Письма и бумаги Петра Великаго», т. II, стр. 140.

ГЛАВА IV.

Выступленіе Шереметева къ Шлиссельбургу и Вердена къ Ямамъ.—Описаніе крѣпости Ніеншанца.—Походъ подъ Ніеншанцъ.—Нечаянное нападеніе передового отряда.—Осадныя работы.—Бомбардированіе крѣпости.—Петръ осматриваетъ устья Невы и взморье.—Описаніе раіона устьевъ Невы.—Капитуляція Ніеншанца.—Взятіе на Невѣ двухъ военныхъ шведскихъ судовъ.—Движеніе Шереметева къ Копорью.—Взятіе Копорья и Ямъ.—Укрѣпленіе Ямъ.

14-го апрѣля войскамъ Шереметева велѣно было выступить изъ Пскова: Вердену съ отрядомъ до 10,000 человѣкъ и со всею наличной во Псковѣ артиллеріей приказано двинуться къ Ямамъ; самому фельдмаршалу съ остальными войсками—идти въ Шлиссельбургъ. Во время похода повелѣно «въ Ижорской землѣ никакого разоренія отнюдь не чинить» [1]).

22-го апрѣля 1703 г. у Шлиссельбурга, для похода къ Ніеншанцу, были сосредоточены слѣдующія войска: два гвардейскихъ полка, Преображенскій и Семеновскій, отряда генерала Чамберса, численностью въ 5,040 челов.; одиннадцать полковъ дивизіи князя Аникиты Репнина, численностью въ 7,571 челов.; наконецъ, пять полковъ отряда генерала Якова Брюса, численностью 3,414 челов.; всего же 16,025 чел. [2]). Общее начальство надъ арміей было ввѣрено фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву.

Прежде, нежели приступить къ описанію похода подъ

[1]) «Журналъ Шереметева», стр. 126.

[2]) Матеріалы Сѣверной войны. «Военный Сборникъ» 1892 г. № 10.

Нiеншанцъ и осады крѣпости, приведемъ имѣющiяся свѣдѣнiя относительно силы послѣдней и мѣстныхъ условiй.

Въ числѣ чертежей архива Главнаго Инженернаго управленiя имѣется планъ крѣпости Нiеншанца, къ сожалѣнiю безъ масштаба и профилей, помѣченный 1703 годомъ и снабженный нѣкоторыми поясненiями на нѣмецкомъ языкѣ. На этомъ же планѣ, точная копiя котораго здѣсь прилагается (см. чертежъ), указаны осадныя работы русскихъ и расположенiе нашихъ войскъ передъ взятiемъ крѣпости. Есть полное основанiе предполагать, что планъ этотъ былъ снятъ на мѣстѣ находившимися при отрядѣ иностранными инженерами въ маѣ 1703 г., по приказанiю Петра. О такомъ приказанiи Монарха мы узнаемъ изъ письма его къ Юрiю Ѳедоровичу Ромодановскому отъ 2-го мая того же года [1]). Если же наше предположенiе правильно, то въ точности показанiя плана сомнѣваться не приходится.

По плану укрѣпленiя Нiеншанца состояли изъ слѣдующихъ верковъ: собственно крѣпости A, расположенной въ углу, образуемомъ правымъ берегомъ Невы и лѣвымъ берегомъ Охты; вала B къ востоку отъ крѣпости; наконецъ ретраншамента D, лежавшаго на лѣвомъ берегу Невы, противъ устья р. Охты.

Собственно крѣпость, бастiоннаго начертанiя, имѣла видъ правильнаго пятиугольника. Два ея фронта, восточный и юго-западный, были усилены равелинами, прикрывавшими крѣпостныя ворота и подъемные мосты черезъ главный ровъ; съ полемъ равелины сообщались также черезъ подъемные мосты. По «сказкѣ ладожанъ» [2]), бывавшихъ въ Нiеншанцѣ и запрошенныхъ по приказанiю Петра Великаго, крѣпость была

[1]) Письма и бумаги Петра Великаго. С.-Петербургъ, 1889 г., т. II, стр. 158. Князь Ю. Ѳ. Ромодановскiй былъ начальникомъ Преображенскаго приказа.

[2]) Устряловъ. Исторiя царствованiя Петра Великаго. С.-Петербургъ, 1858 и послѣд. года, т. IV, ч. I, стр. 196.

земляная, со старыми валами, безъ башенъ; у подошвы наружной крутости главнаго вала были установлены рогатки, а прикрытый путь былъ усиленъ сосновыми палисадами. О крѣпости сообщалось какъ объ укрѣпленіи незначительномъ, не болѣе каменной Ладоги, площадью примѣрно въ одну десятину. Въ дѣйствительности, надо полагать, крѣпость была больше. Такъ, 26-го апрѣля 1703 г. Петръ писалъ, между прочимъ, Александру Даниловичу Меншикову: «Городъ гораздо больше, какъ сказывали» [1]). То же подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ крѣпости проживали семейства офицеровъ и солдатъ гарнизона [2]), и что тамъ же нашли убѣжище нѣкоторые жители города Ніена, преданнаго передъ приходомъ русскихъ огню [3]). На валахъ крѣпости, по показанію плѣнныхъ шведовъ, было установлено 50 полковыхъ (полевыхъ, трехъ-фунтовыхъ) пушекъ [4]); по другимъ же источникамъ число орудій достигало до 78 [5]). Во всякомъ случаѣ на вооруженіи были орудія, метавшія, какъ увидимъ ниже, бомбы и каркасы съ камнемъ, т. е. много бо́льшаго калибра чѣмъ трехъ-фунтовый.

Къ востоку отъ крѣпости простирался «прежній валъ старый» бастіоннаго начертанія. Къ приходу русскихъ этотъ валъ, «который былъ не въ отдѣлкѣ, вновь сдѣлали, и сдѣланъ на томъ валу раскатъ (бастіонъ), и поставлено три пушки, а больше того по тому валу иныхъ пушекъ ничего не поставлено» [6]). «Про новый (читай обновленный) валъ», писалъ Петръ, «говорили, что низокъ, который выше, неже городъ

---

[1]) Письма и бумаги П. В., т. II, стр. 154.

[2]) Государственный Архивъ, Кабинетъ Петра Великаго, Отдѣленіе I, книга 19, листъ 252.

[3]) Архивъ Главн. Инж. управл., формуляръ С.-Петербурга. Письма и бумаги Петра Великаго. т. II, стр. 157.

[4]) Государ. Арх., Каб. П. В., Отд. II, кн. 2, л. 98.

[5]) Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 229.

[6]) Государ. Арх., Каб. П. В., Отд. II, кн. 2, л. 38.

самъ и выведенъ равно изрядною фортификаціею, только лишь дерномъ не обложенъ» [1]).

О ретраншаментѣ лѣваго берега Невы имѣется показаніе плѣннаго шведа, относящееся къ августу 1702 г.: «Нынѣ де противъ Канецъ, на другой сторонѣ рѣки Невы, что былъ посадъ Спасовщина, дѣлаютъ вновь городокъ земляной и сдѣлано при немъ (т. е. при плѣнномъ шведѣ) того городка въ вышину съ сажень и кругомъ ровъ» [2]).

По «сказкѣ ладожанъ», у крѣпости, между Невой и Охтой, грунтъ земли былъ сухой, песчаный, представлявшій всѣ удобства для осадныхъ работъ. Въ городѣ Ніенѣ было до 400 обывательскихъ домовъ; съ крѣпостью городъ сообщался при посредствѣ двухъ подъемныхъ мостовъ черезъ р. Охту. Рѣка эта, возникавшая изъ болотъ, была близъ устьевъ на столько глубока, что по ней, хотя и съ половиннымъ грузомъ, ходили морскіе корабли и шкуты. Вверхъ по рѣкѣ, въ полуверстѣ отъ города, были расположены большіе амбары шведской казны и торговыхъ людей, заключавшіе хлѣбъ и другіе жизненные припасы. Одной ржи здѣсь находилось, по словамъ плѣнныхъ, болѣе 2.000 бочекъ [3]). Въ Ніенѣ же имѣлся шведскій госпиталь — единственное лѣчебное мѣсто для Ливонскихъ областей и Финляндіи.

Гарнизонъ Ніеншанца былъ численностью въ 600 челов., а комендантомъ крѣпости состоялъ человѣкъ старый и больной, нѣкій Опалевъ, внукъ передавшагося шведамъ послѣ Столбовскаго договора русскаго дворянина, получившаго впослѣдствіи шведское дворянство [4]).

Какъ сказано было выше, 22-го апрѣля, подъ общимъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева, у Шлиссельбурга

[1]) Письма и бумаги И. В., т. II, стр. 154.
[2]) Государ. Арх., Каб. И. В, Отд. II, кн. 2, л. 38.
[3]) Іb.
[4]) Петровъ. Исторія С.-Петербурга. С.-Петербургъ 1884 г., стр. 33 и 36.

была сосредоточена армія въ 16.000 челов. Войска эти выступили въ походъ 23-го апрѣля и направились къ Ніеншанцу правымъ берегомъ Невы, по Келтушскому пути [1]).

По поводу дѣла подъ Ніеншанцемъ, у Адлерфельда, современника событій и сподвижника Карла XII, читаемъ, что весною 1703 г. русскіе осадили маленькій фортъ Ніеншанцъ, очень плохо содержавшійся и плохо вооруженный, защищавшійся однако столь мужественно, что палъ только послѣ долгой осады и трехъ страшныхъ приступовъ, которые заставили коменданта сдаться и заключить почетную капитуляцію, принятую съ удовольствіемъ непріятелемъ, забравшимъ затѣмъ въ плѣнъ весь гарнизонъ [2]).

Изложенное свидѣтельство камергера Карла XII, сопутствовавшаго королю въ его походахъ въ теченіе Сѣверной войны, но не бывшаго лично на Ингерманландскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, не отличаются ни точностью, ни вѣрностью.

Дѣло происходило такимъ образомъ:

24-го апрѣля, будучи въ 15 верстахъ отъ крѣпости, Шереметевъ послалъ впередъ «плавнымъ путемъ», на судахъ, партію въ 2,000 челов. съ подполковникомъ Нейтертомъ и капитаномъ Преображенскаго полка Глѣбовскимъ. Партія эта подплыла къ крѣпости въ ночь на 25-е апрѣля, высадилась на берегъ и направилась къ валу, расположенному къ востоку отъ Ніеншанца. Подойдя незамѣченными къ самому рву передоваго вала, наши натолкнулись на непріятельскую заставу въ 150 драгунъ. Сбить драгунъ и овладѣть валомъ — было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Нѣкоторые наши храбрецы бросились преслѣдовать врага и «съ зѣло смѣлымъ сердцемъ и мужественно» ворвались по ихъ пятамъ въ самую крѣпость [3]).

---

[1]) Юрналъ 1703 года, стр. 11. Петровъ, стр. 33.

[2]) Adlerfeld. Histoire militaire de Charles XII. Amsterdam. MDCCXL (1740 г.). t. II, p. 400.

[3]) Государ. Арх., Каб. П. В., Отд. I, кн. 19, л. 244.

«Если бы другіе помогли», читаемъ въ собственноручной замѣткѣ Петра, «то шанецъ былъ бы взятъ безъ атаки (постепенной); но понеже командиръ о томъ указа не имѣлъ и посланъ былъ только для занятія поста и взятія языковъ, такожъ и о фортификаціи было неизвѣстно, то учинить того не смѣлъ» [1]). Храбрецы отступили съ малымъ урономъ, но у передоваго вала остановились, не тревожимые далѣе шведами, и послали Шереметеву отчетъ о происшедшемъ [2]).

25-го апрѣля подступилъ къ крѣпости осадный корпусъ; полки Чамберса и Брюса стали бивакомъ у передоваго восточнаго вала, «до котораго не токмо что пушки, но и фузеи брали» [3]); однако это обстоятельство не угрожало нашему воинству: высокій валъ служилъ надежнымъ укрытіемъ, а открытая шведами пушечная и ружейная пальба лишь «зѣло докучала» нашимъ, не принося никакого вреда [4]). Дивизія князя Репнина переправилась на правый берегъ Охты и обложила городъ Ніенъ кругомъ отъ Охты до Невы, прикрывшись контръ-валаціонною линіей редантнаго расположенія [5]). Надо полагать, въ дивизіи Репнина состояла и часть кавалеріи отдѣльнаго отряда Петра Апраксина, зимовавшаго на лѣвомъ берегу Невы и запоздавшаго явиться самолично къ Ніеншанцу, какъ то было ему приказано. По крайней мѣрѣ 28-го апрѣля онъ доносилъ Петру, что уже выслалъ ранѣе часть кавалеріи, кажется дворянское ополченіе, подъ Канцы, и что съ остальными своими войсками (старымъ драгунскимъ полкомъ и 1.350 всадниковъ низовой конницы) собрался было выступать, да не знаетъ, что дѣлать съ двумя вновь сформи-

[1]) Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 229.
[2]) Юрналъ 1703 года, стр. 12.
[3]) Ib.
[4]) Государ. Арх., Каб. И. В., Отд. I, кн. 19, л. 244.
[5]) Ласковскій. Матеріалы инженернаго искусства. С.-Петербургъ 1861 г., т. II, стр. 290.

рованными, состоявшими въ его распоряженіи драгунскими полками, которые не были еще снабжены лошадьми [1]).

Донося Петру объ обложеніи Ніеншанца и о своемъ приказаніи начать осадныя работы въ ту же ночь, т. е. въ ночь на 26-е августа, Шереметевъ сѣтовалъ на недоставку платформъ подъ мортиры, фашинъ и туровъ, и на ограниченность наличнаго числа лопатъ и кирокъ [2]). Но, не смотря на эти затрудненія и на усиленную пушечную пальбу изъ крѣпости, въ ночь, подъ руководствомъ генералъ-инженера Ламберта, была насыпана траншея въ 20—30 саженяхъ отъ крѣпостного рва, простиравшаяся отъ юго-западнаго исходящаго угла передоваго вала до вершины залива р. Охты, лежавшаго къ сѣверу отъ крѣпости [3]).

Въ ту же ночь Шереметевъ собирался отправить особый отрядъ для овладѣнія ретраншаментомъ лѣваго берега Невы, о чемъ и доносилъ Петру [4]). Намъ неизвѣстны подробности послѣдней операціи; однако, судя по надписи на планѣ и принимая во вниманіе умолчаніе современныхъ реляцій объ этомъ дѣлѣ, можно сказать съ увѣренностью, что шведы оставили укрѣпленіе до появленія русскихъ на лѣвомъ берегу Невы.

26-го числа, за два часа до заката солнца, прибылъ изъ Шлиссельбурга водою самъ Петръ, одновременно съ приходомъ барокъ, доставившихъ осадному корпусу 16 трехъ-пудовыхъ мортиръ, 48 пушекъ двадцати шести и двѣнадцатифунтоваго калибра, 10.000 бомбъ, шанцевый инструментъ, туры, фашины, мѣшки съ шерстью и прочее [5]).

[1]) Государ. Арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 2, л. 430.

[2]) Письма Шереметева, т. I, стр. 178.

[3]) Государ. Арх., Каб. И. В., отд. I, кн. 19, л. 245 и чертежъ.

[4]) Письма Шереметева, т. I, стр. 178.

[5]) Государь Арх., Каб. И. В., отд. I. кн. 19, л. 246. Юрналъ 1703 года, стр. 13. Мѣшки съ шерстью употреблялись для двоякой цѣли: большіе мѣшки, длиною до 4 саж. и діаметромъ до 1 сажени, подкатывали къ атакованнымъ

Съ наступленіемъ ночи были начаты работы по возведенію апрошей; была сооружена новая траншея, начинавшаяся нѣсколько отступя отъ лѣваго фланга траншеи, возведенной наканунѣ, и простиравшаяся сначала параллельно атакованному фронту, а затѣмъ, на правомъ флангѣ, параллельно смежному фронту [1]). «Наши шанцы», писалъ Петръ Меншикову, «мало не кругомъ всего города обведены. Урону, слава Богу, не много: только восемь человѣкъ убито и нѣсколько ранено, да инженеръ Смоленскій убитъ» [2]). Было приступлено и къ возведенію мортирной батареи у западнаго фланга южнаго бастіоннаго фронта передового укрѣпленія.

27-го апрѣля была возведена послѣдняя траншея «у рва», вѣрнѣе—у гребня гласиса, и сдѣланы подступы къ ней; вооружена возведенная наканунѣ кетель-батарея (мортирная); приступлено къ вооруженію: трехъ мортирныхъ батарей—одной у Невы, на лѣвомъ флангѣ первой траншеи, другой по срединѣ этой траншеи, у озерца, а третьей—въ вершинѣ залива р. Охты, а также двухъ пушечныхъ батарей, въ промежуткахъ между вновь заложенными мортирными батареями. Тогда-же, на правомъ берегу Охты, были выведены подступы изъ правофланговаго редана контръ-валаціонной линіи, насыпанъ участокъ траншеи параллельно Охтѣ и приступлено къ сооруженію пушечной батареи на берегу Невы. Всѣ эти работы производились подъ усиленнымъ, но малодѣйствительнымъ огнемъ изъ крѣпости; шведы бросали въ наши окопы бомбы и камни, заключенные въ каркасы [3]).

веркамъ съ навѣтренной стороны и поджигали у непріятельскаго вала съ цѣлью удалить при помощи удушливаго дыма защитниковъ крѣпости; малые мѣшки, по величинѣ такіе, чтобы «на колѣняхъ стоя, закрыться свободно», употреблялись какъ прикрытіе для стрѣлковъ или для рабочихъ при возведеніи апрошей.

[1]) Государ. Арх., Каб. П. В., отд. I, кн. 19, л. 246 и чертежъ.

[2]) Письма и бумаги П. В., т. II, стр. 154.

[3]) Юрналъ 1703 года, стр. 14. Государ. Арх., Каб. П. В., отд. I, кн. 19, л. 246.

Днемъ 28-го апрѣля на Невѣ, противъ крѣпости, появилась русская флотилія, состоявшая изъ 60 лодокъ: самъ Петръ съ четырьмя ротами преображенцевъ и тремя ротами семеновцевъ плылъ внизъ по теченію рѣки, для осмотра ея устьевъ и взморья. Съ крѣпостныхъ верковъ открылась жестокая стрѣльба, не причинившая, однако, нашимъ никакого вреда. Ко взморью пришли къ ночи, высадились на берегъ, побывали въ мѣстныхъ мызахъ и нагрузили нѣсколько лодокъ съѣстными припасами и рогатымъ скотомъ. Забрали на мызахъ и нѣкоторое число чухонъ, но не для плѣненія мирныхъ поселянъ: имъ были розданы, для распространенія между земляками, грамоты, коими туземцамъ гарантировалась полная безопасность и рекомендовалось не уходить изъ своихъ домовъ. Выходили на лодкахъ и на взморье — поглядѣть: не видать-ли шведскихъ кораблей; но таковыхъ не оказалось.

Назадъ, въ русскій лагерь подъ Ніеншанцемъ, Петръ вернулся 29-го числа, оставивъ на взморьѣ съ бомбардирскимъ урядникомъ Щепотовымъ заставу, силою въ три роты, помѣщенную на островѣ Витусаари, что нынѣ Гутуевскій [1]).

По поводу осмотра Петромъ Невскихъ устьевъ, считаемъ необходимымъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія о современномъ той эпохѣ состояніи раіона нынѣшней столицы и о былыхъ названіяхъ острововъ и поселковъ.

Весь раіонъ почти сплошь былъ покрытъ болотистыми лѣсами и таковыми-же лугами и представлялъ собою мѣстность довольно пустынную. Лишь по берегамъ Невы и ея гирламъ ютились небольшія мызы финовъ съ ничтожными при нихъ клочками обработанной земли, пахоти, сообщавшіяся между собою проселочными дорогами, скудными по количеству и весьма плохими по качеству. На прилагаемомъ планѣ (см. рис.

[1]) Государ. Арх., Каб. П. В., отд. I, кн. 19, л. 247. Юрналъ 1703 года, стр. 15. Арх. Главн. Инж. управл., формуляръ С.-Петербурга. Голиковъ, дѣянія Петра Великаго, Москва 1837 г., т. II, стр. 72.

№ 2-й). представляющемъ собою копію плана, составленнаго въ 1846 году нашимъ военно-топографическимъ депо по историческимъ даннымъ 1700 года, нижеприведенными литерами и нумерами означены слѣдующіе острова, мызы и деревни:

A—Койвусаари, по-русски Березовый островъ, древній островъ Ѳоминъ, нынѣшняя Петербургская сторона.

B—Корписаари, по другимъ источникамъ Копорсаари, нынѣшній Аптекарскій.

C—Кивисаари, по-русски Каменный островъ, того-же названія нынѣ.

D—Мистуласаари, древній Михайловскій, нынѣ Елагинъ.

E—Ристисаари, по-русски Крестовый островъ, нынѣшній Крестовскій.

F—Патсасаари, нынѣ Петровскій.

G—Яннисаари, по-русски Заячій островъ, онъ-же Люстъ-Эландъ—Веселый островъ, гдѣ нынѣ крѣпость.

H—Хирвисаари, по-русски Лосиный островъ, нынѣ Васильевскій.

I—Киссасаари, по-русски Кошачій островъ, онъ-же затѣмъ островъ Новосильцева.

K—Витусаари, правильнѣе Вицасаари, по-русски Узкій островъ, нынѣ Гутуевскій [1]).

Церкви:

№ 1—Нѣмецкая.
» 2—Шведская.
» 3—Русская.

Селенія:

» 4—Нюенъ-стадъ.
» 5—село Спасское.
» 6—кабакъ.

[1]) Арх. Главн. Инж. управл., по описи Московск. выставки №№ 2 и 139; атласъ Устрялова; Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 241.

№ 7—госпиталь.
» 8—кабакъ.
» 9—кирпичный сарай.
» 10—деревня Малая Адицева.
» 11—деревня Большая Адицева (Ихола).
» 12—деревня Ариска (Анока).
» 13—деревня Сяврина.
» 14—Сыврина мыза.
» 15—Враловцина мыза.
» 16—деревня Враловцина.
» 17—деревня Кандуя (Кюанъ).
» 18—Парвушина мыза.
» 19—Беркенгольмъ мыза.
» 20—деревня Макура.
» 21—деревня Эйкіе.
» 22—деревня Путтукъ.
» 23—деревня Торка.
» 24—деревня Вехари.
» 25—деревня Кійскала (Кійскова).
» 26—деревня Укканова (Киванійтю).
» 27— | деревня Хирвисаари.
» 28— |
» 29—деревня Усадитъ.
» 30—деревня Каллина.
» 21—деревня Рямина.
» 32—Мернерсгольмъ мыза [1]).

Въ то время, когда Петръ осматривалъ взморье, нѣкоторыя осадныя батареи были вооружены и было открыто бомбардированіе крѣпости.

Къ ночи на 30-е апрѣля на батареяхъ установлено 19 пушекъ и 13 мортиръ [2]), отъ огня которыхъ въ крѣпости за-

[1]) Атласъ Устрялова.
[2]) Госуд. Арх., Каб. И. В., отд. I, кн. 19, л. 247.

горѣлось около полуночи какое-то зданіе. Прицѣломъ на огонь дали одновременный залпъ всѣ осадныя батареи. Этотъ залпъ и страшный грохотъ на позиціи осаждающаго, происходившій отъ подвоза къ батареямъ новыхъ орудій, заставили осажденнаго опасаться ночного штурма: всю ночь шведы поддерживали пушечный и бѣглый ружейный огонь и «непрестанно бросали гранаты (ручныя) въ ровъ свой кругомъ всего города».

Апроши сооружались на прикрытомъ пути и подошли къ контръ-эскарпу [1]).

30-го числа всѣ осадныя батареи были закончены и вооружены. Около полудня изъ ставки фельдмаршала Шереметева направился къ непріятельскимъ валамъ русскій трубачъ. Подойдя къ крѣпости, онъ протрубилъ вызовъ; изъ крѣпости отвѣтили барабаннымъ боемъ, крѣпостныя ворота растворились, вышли шведскіе офицеры, допросили трубача о причинѣ прихода, и узнавъ о порученіи, данномъ парламентеру—передать въ крѣпость письмо съ увѣщаніемъ сдаться, завязали ему глаза и повели къ коменданту. Письмо фельдмаршала читалось и обсуждалось комендантомъ и офицерами въ продолженіе шести часовъ времени.

Между тѣмъ военныя дѣйствія были пріостановлены; русскіе высыпали на насыпи окоповъ, шведы взобрались на свои валы, и обѣ враждующія стороны вели «довольные межъ собою разговоры».

Терпѣніе главнокомандующаго истощилось: къ крѣпости былъ снова посланъ барабанщикъ съ категорическимъ требованіемъ объ ускореніи отвѣта и съ угрозою штурма въ случаѣ дальнѣйшаго промедленія или неблагопріятнаго отвѣта.

Отвѣтомъ на заявленіе барабанщика была высылка нашего перваго парламентера, трубача, съ письмомъ отъ ко-

[1]) Юрналъ 1703 года, стр. 16.

менданта и офицеровъ гарнизона. Но шведы писали, что крѣпость «вручена имъ отъ короля для обороны и что приуждены оборонять». Отъ милостиваго «аккорда» непріятель отказался.

Новыми послами въ крѣпость были ядра и бомбы 20 тяжелыхъ пушекъ и 12 мортиръ. Стрѣляли залпами; на каждую пушку пришлось по девяти снарядовъ, мортиры же работали всю ночь. Въ началѣ бомбардированія шведы отвѣчали намъ усиленнымъ огнемъ съ крѣпостныхъ верковъ, но вскорѣ огонь этотъ сталъ слабѣть, а къ утру затихъ совершенно.

На разсвѣтѣ 1-го мая данъ былъ одновременный залпъ изъ всѣхъ пушекъ и мортиръ осады. Артиллерія дѣло сдѣлала: на крѣпостномъ валу появился шведскій барабанщикъ и «ударилъ къ сдачѣ». Осадныя батареи замолчали. Произошелъ обмѣнъ «аманатами» (заложниками): шведы выслали въ русскій лагерь капитана и поручика, а въ крѣпость были посланы капитанъ и сержантъ Семеновскаго полка.

Выслушавъ парламентеровъ, Шереметевъ, именемъ Царя, обѣщалъ осажденнымъ «добрый аккордъ» и далъ на обсужденіе вопроса два часа времени, позволивъ заложникамъ сообщить о результатахъ переговоровъ своимъ товарищамъ изъ нашихъ передовыхъ окоповъ. Такъ эти и сдѣлали, прокричавъ своему маіору, который стоялъ на валу, чтобы комендантъ писалъ условія сдачи немедленно. Но шведы дѣло затягивали, а новый ихъ посланный сталъ просить объ отсрочкѣ отвѣта до 10 часовъ вечера. На просьбу эту было «сказано круто», чтобы отвѣтъ былъ представленъ немедленно. Крутой тонъ фельдмаршала дѣло ускорилъ: въ шатеръ Шереметева явился шведскій маіоръ съ черновымъ проектомъ условій сдачи. Проектъ былъ утвержденъ, и Ніеншанцъ сдался [1]).

По условіямъ капитуляціи гарнизонъ крѣпости, съ женами,

[1]) Государ. Арх., Каб. II. В., отд. I., кн. 19, л. 248—251.

дѣтьми и слугами, при распущенныхъ знаменахъ и драгунскомъ значкѣ, съ барабаннымъ боемъ, съ ружьями и необходимымъ запасомъ патроновъ, съ четырьмя желѣзными полковыми пушками, могъ выйти изъ Ніеншанца въ Нарву, сопутствуемый русскимъ конвоемъ, обязанность котораго заключалась въ охранѣ на пути шведовъ отъ нашихъ отрядовъ. Нѣкоторыхъ офицеровъ слѣдовало задержать въ крѣпости, въ видѣ заложниковъ, впредь до возвращенія нашего конвоя. Гарнизону было разрѣшено взять съ собою, въ мѣрѣ возможности, движимое имущество, а также и запасъ провіанта на одинъ мѣсяцъ. Разрѣшено было выйти съ гарнизономъ и горожанамъ Ніена, нашедшимъ себѣ убѣжище въ крѣпости [1]).

Въ десятомъ часу утра 1-го мая внутрь крѣпости вошелъ Преображенскій полкъ, а «въ палисады» на прикрытомъ пути — полкъ Семеновскій. Преображенцы приняли отъ шведовъ больверки, пушки, воинскіе припасы и пороховую казну, и разставили въ разныхъ мѣстахъ свои караулы. Вошли вскорѣ въ крѣпость и остальныя русскія войска. Тамъ же, временно, для приготовленія къ пути, были оставлены и шведскія войска.

2-го мая было отслужено торжественное молебствіе. По крѣпостному валу выстроились преображенцы и семеновцы; дивизія князя Репнина стала кругомъ по старому передовому валу. При пѣніи «Тебя Бога хвалимъ» было дано три залпа изъ всѣхъ наличныхъ орудій и мелкаго ружья. Послѣ этого фельдмаршалъ Шереметевъ направился въ крѣпость. Тамъ, у воротъ, его встрѣтилъ комендантъ, полковникъ Яганъ Опалевъ, и шведскіе офицеры, и поднесли на серебряной тарелкѣ крѣпостные ключи. Тотчасъ послѣ этого крѣпостной гарнизонъ съ семействами былъ выведенъ изъ крѣпости и поставленъ «впредь до указа» на прикрытомъ пути со стороны Невы, у

[1] Письма и бумаги П. В., т. II, стр. 156—157.

«палисадовъ» [1]). Ніеншанцъ тогда же былъ переименованъ въ Шлотбургъ. Этимъ новымъ названіемъ помѣчено письмо Петра отъ 2-го мая къ князю Юрію Ѳедоровичу Ромодановскому, въ которомъ Монархъ приказывалъ: «Nenadichste Kenich!... Извольте сіе торжество отправить хорошенько и чтобъ послѣ соборнаго молебна изъ пушекъ, что на площади, было по обычаю стрѣляно» [2]).

Но условія капитуляціи Ніеншанца не могли быть выполнены безотлагательно, и шведскій гарнизонъ пришлось на нѣкоторое время задержать въ Шлотбургѣ.

Подъ вечеръ 2-го мая въ русскій лагерь подъ Шлотбургомъ прибылъ гонецъ отъ Щепотова—начальника нашей заставы на Гутуевскомъ островѣ—съ вѣстью о появленіи невдалекѣ отъ устьевъ Невы шведской военной эскадры. Вскорѣ послѣ этого со стороны взморья послышались два пушечные выстрѣла—«лозунгъ» Ніеншанцу о приходѣ на выручку крѣпости шведскаго адмирала. По приказанію Шереметева, съ крѣпостного вала тотчасъ же отвѣтили двумя орудійными выстрѣлами, и тѣ же два выстрѣла производились ежедневно по утрамъ и вечерамъ во всѣ послѣдующіе дни, пока адмиралъ Нумерсъ, задержанный противнымъ вѣтромъ, стоялъ на якорѣ противъ нынѣшняго Екатерингофа [3]).

6-го мая отъ шведской эскадры отдѣлилась шлюпка и направилась къ берегу за лоцманами. Этотъ маневръ не укрылся отъ Щепотова: затаившись въ лѣсу противъ мѣста, куда направлялась лодка, русскіе ждали приближенія непріятельскихъ посыльныхъ. Бросились однако на нихъ преждевременно: удалось захватить лишь одного матроса; остальные отвалили къ своимъ кораблямъ [4]).

---

[1]) Государ. Арх., Каб. П. В., отд. I, кн. 19, л. 251—252.
[2]) Письма и бумаги П. В., т. II, стр. 158.
[3]) Государ. Арх., Каб. П. В., отд. I, кн. 19, л. 253.
[4]) Ib., л. 254.

Отъ пойманнаго языка узнали имя адмирала, силу эскадры, состоявшей изъ девяти судовъ, и намѣреніе врага—поддержать Нієншанцъ въ его борьбѣ съ русскими.

Между тѣмъ шведы не придали особаго значенія присутствію на Гутуевскомъ островѣ горсти русскихъ; крѣпостные выстрѣлы—заранѣе условленный лозунгъ—убѣждали ихъ въ полномъ благополучіи дѣлъ. Вскорѣ послѣ возвращенія шлюпки, два вражескихъ судна, десяти-пушечный ботъ «Геданъ» и восьми-пушечная шнява «Астрель», подняли паруса и направились въ Большую Неву. Объ этомъ тотчасъ же было дано знать Петру въ Шлотбургъ.

Наступившія сумерки заставили «Геданъ» и «Астрель» бросить якорь невдалекѣ отъ устья Большой Невы и дожидаться утра для дальнѣйшаго слѣдованія къ рѣкѣ Охтѣ.

Но внизъ по Невѣ уже спускались тридцать лодокъ съ самимъ Петромъ и Меншиковымъ, «понеже иныхъ, на морѣ знающихъ, никого не было». Вскорѣ флотилія лодокъ, шведами не обнаруженная, достигла истоковъ рѣки Фонтанки. Половина лодокъ была оставлена тутъ же; другая половина, съ Петромъ, спустилась внизъ, къ деревнѣ Каллина (гдѣ нынѣ Калинкинскій мостъ).

Ночь была свѣтлая, какъ и всѣ майскія ночи Петербурга; по небу гуляли лишь обрывки облаковъ, по горизонтъ былъ темепъ. Заранѣе было условлено воспользоваться первою значительною тучей для атаки на непріятельскія суда. Подъ утро небосклонъ покрылся свинцовою пеленой, разразившеюся проливнымъ дождемъ. Оба отряда русскихъ лодокъ выступили изъ засадъ не медля: отрядъ верховьевъ Фонтанки сталъ спускаться по Невѣ, не соблюдая особой тишины; Петръ, отъ деревни Каллины, «тихою греблею», заходилъ со стороны взморья, вдоль побережья Васильевскаго острова. Шнява и ботъ подняли было паруса, чтобы присоединиться къ эскадрѣ; но относительная темнота, узкость рѣки и трудность лавировки не

позволили имъ развить желательную скорость хода. Все вниманіе шведовъ было поглощено спускавшимся отрядомъ лодокъ; ружейный огонь и градъ ручныхъ гранатъ съ низовой стороны явился для непріятеля полною неожиданностью. Подъ сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ съ бортовъ шведскихъ судовъ, Петръ съ нѣсколькими лодками бросился на абордажъ и первый взошелъ на шняву «Астрель», съ ручными гранатами въ рукахъ [1]).

«Попеже непріятели пардонъ зѣло поздно закричали», писалъ Петръ Ѳедору Матвѣевичу Апраксину, «того для солдать унять трудно было, которые, ворвався, едва не всѣхъ покололи, только остались 13 живыхъ. Смѣю и то писать, что истинно съ восемь лодокъ тодько въ самомъ дѣлѣ были» [2]).

Шнява и ботъ, немедленно отбуксированные къ Шлотбургу, явились первыми серьезными русскими трофеями на водѣ. «А за такую, Государь, храбрость противцамъ прежде сего какія милости бывали», доносилъ изъ Москвы 20-го мая 1703 года Петру думный разрядный дьякъ Стрѣшневъ, «и того въ разрядѣ не сыскано для того, что не бывало взятія кораблей на морѣ никогда; и еще въ сундукахъ станемъ искать, а, чаю, сыскать нечего: примѣровъ такихъ нѣтъ» [3]).

Въ память знаменательной побѣды была выбита медаль съ надписью «Небываемое бываетъ» [4]), а Петру былъ присужденъ военнымъ совѣтомъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго. возложенный на монарха 10-го мая, послѣ торжественнаго благодарственнаго молебна, великимъ адмираломъ (генералъ-

[1]) Юрналъ 1703 г., стр. 4. Голиковъ, т. II, стр. 73. Карцевъ, Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны, С.-Петерб. 1851 г., стр. 50.

[2]) Государ. Арх., Каб. И. В., отд. I. кн. 24, л. 40.

[3]) Письма и бумаги И. В., т. II, стр. 547.

[4]) Медаль эта хранится въ коллекціи Публичной Библіотеки, въ угловой залѣ, выходящей на Садовую и Невскій.

адмираломъ) и канцлеромъ графомъ Головинымъ, какъ старшимъ кавалеромъ этого ордена [1]).

8-го мая фельдмаршалъ Шереметевъ двинулся къ Копорью. Въ отрядѣ его было пять солдатскихъ полковъ и три тысячи кавалеріи, да Вердену, находившемуся съ десятитысячнымъ отрядомъ подъ Ямами, велѣно было выслать къ главнокомандующему три полка конницы [2]).

По поводу движенія кавалеріи, Петръ писалъ Шереметеву: «Для Бога, если они пойдутъ, чтобы не жгли и не разоряли отъ Шлотбурга за 50 верстъ или больше, а паче тѣхъ, коимъ письма даны (съ увѣщаніемъ не покидать ихъ дома); вѣдаешь какіе люди татары и казаки» [3]).

Однако мирные поселане страны далеко не были достойны столь отеческой о нихъ заботливости Петра. 23-го мая Шереметевъ доносилъ царю: «Чухна не смирны; чинятъ нѣкія пакости и отсталыхъ стрѣляютъ, и малолюдствомъ проѣзжать трудно; и русскіе мужики къ намъ непріятны: многое число бѣглыхъ изъ Новгорода и съ Валдай, и ото Пскова, и добры они къ шведамъ нежели къ намъ» [4]).

Но не смотря на затрудненія, Ямы и Копорье пали скоро: первая крѣпость 14-го мая [5]) а вторая 27-го, на другой день по доставкѣ Шереметеву мортиръ. «Слава Богу!» писалъ фельдмаршалъ Петру. «Музыка твоя, государь,—мортиры—бомбами хорошо играетъ. Уже шведы горазды танцовать и фортеціи свои отдавать» [6]).

Тотчасъ же было приказано приступить къ укрѣпленію

[1]) Книга Марсова, С.-Петербургъ 1766 г., стр. 21.
[2]) Журналъ Шереметева, стр. 126 и 128.
[3]) Письма и бумаги П. В., т. II, стр. 166.
[4]) Письма Шереметева, т. I, стр. 173.
[5]) Журналъ Шереметева, стр. 129.
[6]) Письма Шереметева, т. I, стр. 179.

Ямъ и сдѣлано распоряженіе о высылкѣ туда изъ Новгорода двадцати крѣпостныхъ пушекъ [1]).

Укрѣпленіе Ямъ, этого опорнаго пункта со стороны Эстляндіи вообще и Нарвы въ частности, производилось по собственноручному чертежу царя и по инструкціи, данной имъ Шереметеву [2]). Въ инструкціи этой проведены многіе личные взгляды Петра, касающіеся порядка производства работъ и конструкціи фортификаціонныхъ сооруженій, возводимыхъ ускореннымъ порядкомъ, при обстановкѣ, допускающей появленіе непріятеля передъ вновь сооруженными верками или даже во время производства работъ. Такъ царь указывалъ на необходимость отказаться отъ практиковавшагося тогда пріема устройства насухо сложенной каменной одежды подъ планировкою земляныхъ валовъ, подверженныхъ пораженію съ поля. По мнѣнію царя, мѣра эта была цѣлесообразна, лишь въ томъ случаѣ, когда въ распоряженіи обороняющагося имѣется значительный запасъ времени, въ теченіе котораго веркамъ ничто не грозитъ, когда верхняя дерновая одежда можетъ обратиться въ сплошной и прочный покровъ. При попаданіи же снарядовъ во вновь отстроенные валы является полная вѣроятность отпаденія отъ одежды отдѣльныхъ дернинъ, при чемъ камень будетъ осыпаться самъ собою и въ оградѣ получатся обвалы, споспѣшествующіе какъ по профили, такъ и по грунту эскаладѣ штурмующаго. Рекомендовано обратить главное вниманіе на готовность и силу профили фасовъ бастіоновъ, предпочтительно передъ куртинами, ибо фасы всегда являлись главнѣйшимъ объектомъ дѣйствій атакующаго, задавшагося цѣлью произвести въ крѣпостной оградѣ бреши. Вооруженіе верковъ также надлежало начать съ фасовъ. Для экономіи во времени предложено обращать вначалѣ всѣхъ землекоповъ къ работѣ

[1]) Журналъ Шереметева, стр. 131.
[2]) П. Бобровскій. «Военный Сборникъ» 1891 г., № 2, стр. 223.

по насыпкѣ бастіоновъ, производя въ то же время на куртинахъ рубку деревянныхъ казармъ и пороховыхъ погребовъ, обсыпку которыхъ землею надлежало произвести впослѣдствіи. Этимъ казармамъ подъ насыпью куртинъ приписывалось двойное значеніе: онѣ должны были служить безопаснымъ отъ бомбъ врага помѣщеніемъ для гарнизона; онѣ же давали возможность уменьшить количество земляныхъ работъ внѣ зависимости отъ измѣненія профили куртины, такъ какъ валу впереди казармъ, гарантирующему послѣдніе отъ разрушенія прицѣльнымъ огнемъ противника, достаточно было придавать толщину въ 2—3 сажени, а верхней надъ казармами обсыпкѣ толщину въ 9 и не свыше 13 футовъ. Однако надъ пороховыми погребами приказано имѣть слой земли не меньше 2-хъ саженъ толщиною [1]).

«Итакъ, при помощи Божіей, Ингрія въ рукахъ», писалъ Петръ Ѳ. М. Апраксину [2]).

---

[1]) Письма и бумаги И. В., т. II, стр. 176—177.
[2]) Письма и бумаги Петра Великаго, т. II, стр. 169.

ГЛАВА V.

Выборъ опорнаго пункта въ устьяхъ Невы. — Заложеніе Петербургской крѣпости и города С.-Петербурга. — Первоначальное значеніе крѣпости. — Климатическія условія въ устьяхъ Невы. — Условія первоначальныхъ работъ въ крѣпости. — Освященіе крѣпости. — Движеніе Петра на Кроншлота. — Побѣда на рѣкѣ Сестрѣ. — Разореніе Ливоніи. — Работы по Ямамъ и Петербургу. — Петръ осматриваетъ Котлинъ. — Заложеніе Кронштота.

Взятіемъ Нієншанца и Ямъ закончились военныя дѣйствія, имѣвшія непосредственною цѣлью водворить русское владычество на берегахъ Невы. Съ этого времени Нева вновь стала русскою рѣкою и тщетны были попытки шведовъ отобрать наши завоеванія по ея теченію.

«По взятіи Канецъ», читаемъ въ «Журналѣ Петра Великаго», «отправленъ воинскій совѣтъ, тотъ-ли шанецъ крѣпить или иное мѣсто удобное искать (понеже опый малъ, далеко отъ моря и мѣсто не гораздо крѣпко отъ натуры), въ которомъ положено искать новаго мѣста, и по нѣсколькихъ дняхъ найдено къ тому удобное мѣсто, островъ, который назывался Люстъ-Елантъ (т. е. веселый островъ), гдѣ въ 16-й день мая (въ недѣлю пятидесятницы) крѣпость заложена» [1]).

По поводу дня заложенія Петропавловской крѣпости, а вмѣстѣ съ нею и города С.-Петербурга, въ послѣдніе годы пущена ересь авторомъ исторіи этого города г. П. Н. Петровымъ.

[1]) «Журналъ Петра Великаго», ч. I, стр. 69.

Основываясь на указаніяхъ «Преображенскаго походнаго журнала» [1]), въ которомъ подъ 14-мъ числомъ мая 1703 года значится пріѣздъ Петра въ устье рѣки Сяси, подъ 16-мъ—походъ дальше и подъ 17-мъ—пріѣздъ Монарха въ Лодейное Поле, полагая, что закладка столь важнаго города и крѣпости не могла быть произведена въ отсутствіи Петра и указывая, что первая бумага, помѣченная С.-Петербургомъ, относится къ 1-му іюля 1703 года и что еще 28-го іюня всѣ бумаги, отправляемыя съ устьевъ Невы, помѣчались Петербургомъ (Ніеншанецъ по взятіи переименованъ въ Шлотбургъ), уважаемый авторъ приходитъ къ тому выводу, что день закладки сѣверной столицы и ея крѣпости надлежитъ отнести къ 29-му іюня [2]).

Выводъ этотъ совершенно невѣренъ. Смѣшаны два понятія: о закладкѣ крѣпости и объ освященіи крѣпости уже готовой.

Въ дѣйствительности дѣло происходило такимъ образомъ.

Давно избравъ устья Невы главнѣйшимъ объектомъ военныхъ дѣйствій и находя этотъ пунктъ наивыгоднѣйшимъ, по географическому его положенію, для утвержденія русскаго вліянія на Балтійскомъ морѣ, Петръ, само собою разумѣется, тщательно собиралъ всѣ свѣдѣнія, касавшіяся раіона нынѣшней столицы. Явившись къ Ніеншанцу 26-го апрѣля вечеромъ, Монархъ, лично осмотрѣвъ на другой день осадныя работы и давъ, кому слѣдуетъ, соотвѣтственныя указанія, направился 28-го утромъ ко взморью. Цѣль ясна—выборъ мѣста для опорнаго пункта, мѣста «гораздо крѣпкаго отъ натуры». Конечно, интересно было также узнать, не появлялся-ли на взморьѣ шведскій флотъ; но этотъ вопросъ интересовалъ Петра, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, на сколько

[1]) Государственный архивъ, Кабинетъ Петра Великаго, отд. I, кн. 25-я.

[2]) П. П. Петровъ. «Исторія С.-Петербурга съ основанія города до введенія выборнаго городского управленія». Спб., 1884 г., стр. 38.

слѣдуетъ опасаться попытокъ шведовъ помѣшать нашимъ предстоящимъ оборонительнымъ работамъ. Несомнѣнно, Петръ уже мало опасался движенія шведскихъ судовъ къ Ніеншанцу, на помощь осажденнымъ. Благопріятное для того время непріятелемъ было уже пропущено; Ніеншанецъ былъ уже кругомъ обложенъ; на берегахъ Невы, у устья Охты, имѣлась значительная русская артиллерія, и деревяннымъ бортамъ шведскихъ судовъ, кои отважились бы идти къ городу Ніену, грозила бы въ узкости рѣки слишкомъ серьезная опасность отъ русскихъ ядеръ. Десантъ также уже не былъ страшенъ русскому осадному корпусу: противъ десанта, десанта во всякомъ случаѣ немногочисленнаго, всегда могла быть обращена вся 10,000-ная дивизія князя Аникиты Репнина, стоявшая по западную сторону атакованной крѣпости и не игравшая активной роли въ осадѣ. Другое дѣло, если бы непріятельскій флотъ задался цѣлью воспрепятствовать нашимъ оборонительнымъ работамъ въ устьяхъ Невы. По мѣстнымъ условіямъ — болотистому грунту береговъ и отсутствію удобныхъ путей для подвозки по сухопутью артиллеріи — обезпеченіе работъ съ берега было бы крайне затруднительно. Флотилія же лодокъ не представлялась надежнымъ средствомъ для борьбы съ цѣлою эскадрою.

Первоначальная задача крѣпости въ устьяхъ Невы исчерпывалась загражденіемъ рѣки отъ прохода въ нее непріятельскаго флота. Посему крѣпость, съ одной стороны, должна была господствовать надъ воднымъ фарватеромъ, съ другой стороны — быть обезпеченной отъ штурма съ сухого пути. Въ выборѣ мѣста для крѣпости Петру I давалъ совѣты инженеръ Ламбертъ (Joseph Gaspard Lambert de Guerin), французъ, принятый на русскую службу еще 3-го ноября 1701 года, который и начерталъ первоначальный планъ крѣпости, одобренный Государемъ [1]). Выбранъ былъ, какъ уже сказано, островъ

[1]) «Письма и бумаги П. В.», т. II, стр. 397.

Люстъ-Элантъ, онъ же Веселый островъ, онъ же Янпи-саари или Заячій. Выборъ былъ весьма удачный: съ трехъ сторонъ островъ окружало широкое водное пространство, съ четвертой, сѣверной, неширокій протокъ, а за нимъ топкое болото острова Койвусаари, нынѣшней Петербургской стороны. Отъ атаки открытою силою будущій опорный пунктъ былъ обезпеченъ «крѣпостью натуры»; мимо него, внѣ выстрѣловъ, не могла пройти ни одна шлюпка. Эта-то крѣпость натуры, безусловно необходимая для нарождающагося опорнаго пункта на Балтійскомъ морѣ, пункта, подъ сѣнью котораго долженъ былъ мужать Царскій младенецъ — русскій флотъ, заставила Петра I презрѣть неудобство береговъ для возведенія на нихъ города.

По поводу выбора мѣста для столицы знаменитый исторіографъ Петра I, Голиковъ, разсуждаетъ: «Мѣсто такое, которое одно всякаго бы инаго сильно было отвратить отъ такого предпріятія, ибо было оно болотное, непроходимое, пустое и весьма отдаленное для работниковъ, коими строить оный (Петербургъ) надлежало» [1]).

Сохранилось преданіе, будто еще предшественникъ Карла XII подарилъ знатному шведскому вельможѣ, полагаютъ графу Стенбоку, участокъ земли при устьяхъ Невы. Явившись въ новое владѣніе, графъ прельстился наружнымъ великолѣпіемъ мѣсторасположенія, построилъ тамъ мызу, заселилъ ее и назвалъ Lustholm—Веселымъ островомъ. Но наступила осень съ неизбѣжными наводненіями—мыза была разрушена; пришла зима съ великою стужею — обитатели мызы, лишенные крова, стали вымирать. Забросилъ графъ свое имѣніе и переименовалъ его въ Teufelsholm—Чортовъ островъ [2]).

Преданіе это весьма характерно въ смыслѣ опредѣленія

[1]) Голиковъ, т. II, стр. 77.

[2]) Архивъ Главнаго Инженернаго управленія; формуляръ С.-Петербурга.

климатическихъ условій облюбованной Петромъ I мѣстности. Эти климатическія условія не могли быть ему неизвѣстными; но стратегическое и политическое значеніе устьевъ Невы затмевало все остальное и болота обратились въ глазахъ Монарха въ «парадизъ».

Итакъ мѣсто для возведенія новаго опорнаго пункта было намѣчено Петромъ еще до паденія Ніеншанца и было окончательно установлено на воинскомъ совѣтѣ черезъ нѣсколько дней по взятіи названной крѣпости. Приступить къ работамъ тотчасъ же не представлялось возможнымъ: у устьевъ рѣки появилась эскадра Нумерса. Прибѣгаютъ къ всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы приманить эскадру къ устьямъ Охты, гдѣ можно встрѣтить непріятеля такимъ привѣтомъ, отъ котораго, въ худшемъ случаѣ, пропадетъ у него охота оперировать на Невѣ. Но эскадра остается на взморьѣ, дѣлаетъ попытку раздобыть лоцмановъ, а встрѣтивъ на берегу вмѣсто послѣднихъ русскую заставу, направляетъ въ рѣку лишь два судна низшихъ ранговъ. Очевидно, фарватеръ или извѣстенъ адмиралу плохо, или большинство его кораблей обладаютъ слишкомъ глубокою осадкою для входа въ рѣку. Взятіе двухъ судовъ русскими лодками на глазахъ у бездѣйствующей эскадры еще болѣе убѣждаетъ въ невозможности для наличныхъ шведскихъ плавучихъ средствъ войти въ Неву [1]). Итакъ, къ сооруженію крѣпости приступить возможно, а съ дѣломъ надо поторопиться, надо подготовить крѣпостные валы къ вооруженію раньше прибытія къ устьямъ Невы новой вражеской флотиліи судовъ, болѣе соотвѣтственныхъ размѣровъ и качествъ.

Но и вооруженные бастіоны на Заячьемъ островѣ обезпе-

[1]) По поводу бездѣйствія вице-адмирала Нумерса во время дѣла на Невѣ, Петръ, въ письмѣ своемъ къ нашему вице-адмиралу К. Н. Крейсу, иронизировалъ: «Мню, что вице-адмиралъ не захотѣлъ въ рукахъ нашихъ быть той ради причины, что у насъ ни единаго командира, равнаго его чину, при томъ не было, и того для подъ нашею командою, яко капитана, быти не изволилъ» («Письма и бумаги И. В.», т. II, стр. 173).

чать лишь обладаніе Невою, а не пользованіе ею какъ выходомъ въ море. Для послѣдней цѣли необходимъ флотъ, а для развитія флота необходимы доки на самомъ взморьѣ, гдѣ было бы возможно строить суда вполнѣ мореходныя и благодаря чему была бы избѣгнута необходимость протаскивать суда изъ заладожскихъ верфей черезъ «сухія мѣста»—пороги. Для спокойнаго созданія доковъ необходимо уже обезопасить всѣ подступы къ устьямъ, подступы какъ сухопутные, такъ и водные, въ особенности вторые, какъ болѣе доступные. Сдѣлать это можно лишь при наличности боевыхъ плавучихъ средствъ, хотя бы и несовершенныхъ качествъ. И вотъ нарождается необходимость ускорить дѣятельность нашихъ верфей въ тылу, главнымъ образомъ, верфи въ Лодейномъ Полѣ, какъ наиболѣе оборудованной и важной. Царь безотлагательно направляется туда, гдѣ его присутствіе наиболѣе необходимо. Заложить крѣпость на выбранномъ мѣстѣ и по готовому чертежу дѣло не хитрое; справятся и безъ него. Закладка совершается 16-го мая, когда Царь подплываетъ къ Лодейному Полю.

Къ первоначальной постройкѣ Петербургской крѣпости привлекается масса народа. Въ нѣкоторыхъ источникахъ численность послѣдняго опредѣляется въ 20,000, причемъ указывается, что рабочіе были разбиты на двѣ очереди. Эту цифру оспариваютъ и существуютъ предположенія, что на работахъ не могло быть болѣе 4,000 человѣкъ [1]). Возраженіе это не основательно: подъ Ніеншанцъ явилось съ Шереметевымъ 18 полковъ, общею численностью въ 16,000 человѣкъ. Подошли вскорѣ къ Ніеншанцу и войска Петра Апраксина, у котораго было три драгунскихъ полка, 1,350 человѣкъ низовой конницы, да дворянское конное ополченіе, всего до 7,000. Ко времени заложенія Петербургской крѣпости изъ этого количе-

[1]) П. Н. Петровъ. «Исторія С.-Петербурга», стр. 40.

ства войскъ былъ выдѣленъ отрядъ Шереметева подъ Копорье, состоявшій изъ пяти пѣхотныхъ полковъ и 3,000 конницы. Такимъ образомъ, въ лагерѣ подъ Шлотбургомъ оставалось войска свыше 15,000 человѣкъ. О привлеченіи къ работамъ по Петербургу войскъ имѣются свѣдѣнія положительныя; извѣстно также, что для крѣпостныхъ работъ набирались рабочіе въ Ингерманландіи и даже въ Кореліи, въ Олонецкой и Новгородской областяхъ; заставляли работать и плѣнныхъ шведовъ.

Объ условіяхъ первоначальныхъ работъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія.

Островъ Люстъ-Эландъ былъ низменный, подвергавшійся при западныхъ вѣтрахъ частымъ затопленіямъ. Земляныя работы пришлось производить, не только не углубляясь въ материкъ острова, но возвысивъ послѣдній по всей его площади. Для этого и для сооруженія валовъ крѣпости требовались огромные запасы земли, которую надлежало добыть на сторонѣ. Но ближайшіе берега представляли собою болота и низменности, покрытыя тиной и мхомъ; приходилось привозить землю изъ мѣстъ отдаленныхъ. Доставляли ее въ старыхъ мѣшкахъ и рогожкахъ, доставляли даже въ полахъ платья. За недостаткомъ шанцеваго инструмента, многіе рабочіе копали землю голыми руками. Пристанищъ для рабочихъ не имѣлось почти никакихъ; кровомъ имъ служили ничтожные шалаши, спѣшно сооруженные посреди болотъ съ ихъ сырымъ и злокачественнымъ воздухомъ. Наблюдался крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, усугублявшій ужасное положеніе рабочихъ.

Всѣ эти свѣдѣнія, заимствованныя нами, главнымъ образомъ, изъ описанія С.-Петербурга очевидцемъ, подписавшимся подъ изданною въ 1713 году въ Лейпцигѣ брошюрою буквами H. G., представляютъ собою картину, краски которой сгущены, конечно, чрезмѣрно; но что условія работъ были крайне неблагопріятны, въ этомъ сомнѣваться невозможно. Берхгольцъ,

камеръ-юнкеръ герцога Голштинскаго, посѣтившій въ первый разъ Петербургъ въ 1721 году, говоритъ о крѣпости, на основаніи общераспространеннаго тогда убѣжденія, что «сооруженіе ея, которымъ очень спѣшили, стоило множества народа» и что «при тогдашней необыкновенной дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ и недостаткѣ въ одеждѣ, люди какъ мухи умирали отъ голода и холода и тамъ же хоронились» [1]). Сохранилось и официальное донесеніе Петру I отъ Головкина (Гавріила), относящееся къ августу мѣсяцу, въ которомъ указывается на сильное распространеніе поноса и цынги въ средѣ рабочихъ, занимавшихся усиленіемъ возведенной уже крѣпости [2]).

Но каковы бы ни были условія работъ, успѣхъ ихъ былъ замѣчательный. Вернувшійся къ устьямъ Невы вскорѣ по закладкѣ крѣпости [3]) Петръ собственнымъ своимъ примѣромъ показывалъ образецъ прилежанія. По свидѣтельству Голикова, онъ самъ «возилъ землю къ крѣпостному строенію въ телѣжкѣ, собственными его же руками сдѣланной» [4]). Не мудрено, что работа кипѣла: на одномъ изъ писемъ Ѳ. М. Апраксина къ Петру I имѣется помѣта: «Принята съ почты *въ новопостроенной крѣпости* іюня 28 день 1703 года» [5]). Въ короткій полуторамѣсячный промежутокъ времени была вполнѣ закончена постройка земляной крѣпости о шести бастіонахъ, закончена при весьма тяжелыхъ условіяхъ работъ. Къ 28-му іюня валы были подготовлены къ принятію вооруженія и, въ случаѣ надобности, могли быть вооружены въ короткое время.

29-го іюня, въ день тезоименитства Государя, произошло торжественное освященіе новой, возведенной уже крѣпости, съ приличной событію церемоніей. По свидѣтельству барона

[1]) Берхгольцъ. «Дневникъ». Москва 1859 г., т. I, стр. 142.

[2]) «Письма и бумаги Н. В.», т. II, стр. 625.

[3]) 20-го мая Петръ I былъ уже въ лагерѣ подъ Шлотбургомъ, т. е. на Охтѣ (тамъ же, стр. 168).

[4]) Голиковъ, т. XV, стр. 44.

[5]) «Письма и бумаги Н. В.», т. II, стр. 558.

Гизена, воспитателя Царевича Алексѣя Петровича, на бастіонѣ Меншикова, въ обширныхъ деревянныхъ палатахъ, Царь задалъ пышный пиръ всѣмъ участникамъ въ работахъ, не исключая солдатъ и черноробочихъ [1]). Тогда же крѣпость получила свое названіе: на одномъ изъ писемъ Стрѣшнева къ Петру I имѣется помѣта: «Принята съ почты въ Санктъ-Питербурхѣ. Іюня 30 день 1703 года» [2]). Комендантомъ новой крѣпости былъ назначенъ драгунскій полковникъ Карлъ-Освальдъ Рене и было сдѣлано распоряженіе о разрушеніи шведскихъ укрѣпленій у Шлотбурга. Послѣднія, за исключеніемъ одного бастіона, были взорваны и разрушены, а для памяти о славномъ дѣлѣ на мѣстѣ бывшей крѣпости водрузили четыре высочайшія мачтовыя дерева.

Петербургъ возникалъ на глазахъ у непріятеля, грозившаго ему съ моря и съ сухопутья: на возморьѣ стояла эскадра Нумерса, а у рѣки Сестры стоялъ отрядъ Кроніорта. Опасность со стороны устьевъ, до поры до времени, была невелика; для полнаго обезпеченія работъ съ этой стороны Петръ призналъ достаточнымъ возвести передовой оборонительный пунктъ, батарею на мысу Васильевскаго острова, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится биржа [3]). Болѣе опасенъ былъ Кроніортъ, присутствіе котораго, волей-неволей, заставляло держать у Петербурга значительныя силы въ относительномъ бездѣйствіи. Къ тому же шведскій генералъ началъ постепенно переходить къ активнымъ дѣйствіямъ и 12 іюня, подойдя къ Петербургу на разстояніи 9 верстъ, захватилъ нашу заставу у Лахты [4]).

Избавиться отъ этого непріятнаго сосѣдства Петръ рѣшилъ самолично и выступилъ въ началѣ іюля на встрѣчу къ Кроніорту.

[1]) «Сборникъ Туманскаго», т. III, стр. 343.
[2]) «Письма и бумаги И. В.», II, стр. 561.
[3]) Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 244.
[4]) Бутурлинъ, т. I, стр. 185.

Объ этомъ походѣ въ шведскомъ источникѣ читаемъ слѣдующее:

«Послѣ взятія Нотебурга, Ніеншанца и Ямъ и послѣ закладки крѣпости С.-Петербургъ, Царь, съ частью своей арміи, направился въ Финляндію, чтобы атаковать генералъ-маіора Кроніорта, который располагалъ едва-ли четырехтысячнымъ отрядомъ, пѣхоты и кавалеріи вмѣстѣ. Однако этотъ генералъ сдѣлалъ все, что можно было ожидать отъ опытнаго офицера. Чтобы остановить потокъ столь многочисленной непріятельской арміи, Кроніортъ занялъ протокъ у Систербека (Сестрорѣцкъ), въ девяти миляхъ отъ Выборга, гдѣ и былъ атакованъ 9-го іюля 25,000 русскихъ, которые появились со стороны дефиле и болотъ и лѣсовъ, считавшихся непроходимыми [1]). Сраженіе длилось съ шести часовъ утра, до двухъ дня, при полномъ ожесточеніи съ обѣихъ сторонъ. Все новыя и новыя подкрѣпленія, приходившія къ русскимъ, позволили имъ наконецъ одержать верхъ и заставили генералъ-маіора Кроніорта отступить, дабы не быть отрѣзаннымъ непріятелемъ. Это отступленіе было совершено въ такомъ порядкѣ и съ такою стойкостью, что непріятель не могъ прорвать ни одной линіи нашихъ людей, не могъ отбить ихъ обоза и артиллеріи. Кроніортъ занялъ вторую позицію, въ полумили отъ поля битвы, и отразилъ всѣ попытки непріятеля сбить его и съ этой позиціи. Столь удивительная стойкость смутила русскихъ, не рѣшившихся прибѣгнуть къ новому штурму. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ и покровомъ наступившей ночи, Кроніортъ отступилъ подъ Выборгъ и остановился въ $^3/_4$ мили отъ послѣдняго. Въ продолженіи всего своего отступленія онъ потерялъ только двѣсти человѣкъ съ четырьмя офицерами, не считая (?) однако оставшихся на полѣ сраженія» [2]).

---

[1]) Подъ дефиле вѣроятно подразумѣвается большая Выборгская дорога.

[2]) Adlerfeld, Histoire de Charles XII, t. I, p. 425—426.

Иначе разсказываетъ о дѣлѣ самъ Петръ въ письмѣ своемъ отъ 12 іюля 1703 года къ князю Ѳ. Ю. Ромодановскому [1]).

7-го іюля Петръ выступилъ на Кроніорта изъ Петербурга съ отрядомъ генерала Чамберса, состоявшимъ изъ двухъ пѣшихъ и четырехъ конныхъ полковъ. Принимая во вниманіе, что въ подчиненіи у Чамберса находилась въ это время гвардія, что въ Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ числилось въ маѣ мѣсяцѣ 1703 года около 5,000 человѣкъ и что конные полки заключали въ себѣ, въ среднемъ, 700—800 всадниковъ [2]), численность русскаго отряда должна быть опредѣлена примѣрно въ 8.000 человѣкъ.

Утромъ 8 іюля, въ восьмомъ часу утра, наши подошли «къ жестокой переправѣ»—къ позиціи Кроніорта у рѣки Сестры.

Слѣдуетъ замѣтить, что на одной изъ картъ окрестностей Петербурга, относящейся къ самымъ первымъ годамъ XVIII вѣка, на дорогѣ изъ Петербурга къ Выборгу, неподалеку отъ переправы черезъ рѣку Сестру, изображено сомкнутое четыреугольное укрѣпленіе бастіоннаго начертанія [3]).

Чамберсъ выслалъ впередъ драгунскій полкъ съ полковникомъ Рене, и драгуны, подъ жестокимъ огнемъ 13-ти шведскихъ пушекъ, бросались къ мосту, коимъ и завладѣли послѣ горячей схватки. Видя «нашихъ дерзновеніе», Кроніортъ тотчасъ убралъ орудія въ тылъ и сталъ отступать.

Вслѣдъ за драгунами переправились и остальныя наши войска, но ударить на отступающихъ шведовъ не могли: «дорога была зѣло тѣсна, того для отнюдь фрунтомъ было стать

[1]) Госуд. Арх., Каб. П. В., отд. I, кн. 24-я, л. 47. Этимъ письмомъ монарха, правдивость котораго внѣ всякихъ сомнѣній, мы и пользуемся какъ основнымъ источникомъ для дальнѣйшаго повѣствованія. Вставки сопровождены указаніями на дополнительные источники.

[2]) Документы Сѣверной войны Масловскаго. стр. 328.

[3]) Арх. Гл. Инж. Упр., I разр., сѣверн. часть, № 22.787.

не мочно». Этимъ дефиле пришлось пройти версты съ двѣ, при чемъ драгуны шли спѣшенные. Наконецъ дефиле перешло въ открытую поляну, а впереди нея виднѣлась возвышенность, занятая шведами. Драгуны тотчасъ же сѣли на коней и развернутымъ строемъ кинулись въ атаку на непріятеля, давшаго нашей конницѣ «бой фрунтъ на фрунтъ». Но когда изъ за конницы показалась наша пѣхота, шведы оробѣли и въ безпорядкѣ кинулись къ лѣсу, простиравшемуся въ тылу позиціи. Съ ожесточеніемъ преслѣдовали врага драгуны, гнали шведовъ до самаго лѣса, «гдѣ зѣло много порубили, понеже солдатъ брать живьемъ не хотѣли». Такимъ образомъ въ бою участвовала одна наша кавалерія, «а пѣхота не могла поспѣть, хотя зѣло трудилися; такожъ и пушки».

Потеря шведовъ опредѣляется Петромъ примѣрно въ одну тысячу человѣкъ, «а подлинно знать невозможно, потому что многіе, раненые тяжелыми ранами, разбѣжався, въ лѣсахъ мерли, а знатныхъ увозили». Съ нашей стороны было убито 32 человѣка да ранено 115.

Побѣда была полная, за что «да будетъ хвала Побѣдыдавцу».

Отступивъ къ Выборгу, шведы усиленно принялись за оборонительныя работы, опасаясь штурма крѣпости. Но подобный штурмъ не входилъ въ задачу Петра. Потрепавъ Кроніорта и будучи увѣреннымъ, что у генерала надолго пропадетъ охота тягаться съ русскимъ оружіемъ, Петръ вернулся въ Петербургъ, не преминувъ разорить по дорогѣ Валькисаари и другія попутныя мѣстечки [1]).

Увѣренность въ безопасности со стороны Финляндіи еще болѣе подтвердилась донесеніемъ Ивана Бахметева, посланнаго вскорѣ послѣ того съ отрядомъ конницы подъ Выборгъ, объ удаленіи Кроніорта въ глубь страны [2]).

[1]) Adlerfeld. t. I. p. 427.
[2]) Госуд. Арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 2, л. 543.

Между тѣмъ, разнесся слухъ о намѣреніи Карла XII обратить свое оружіе на сѣверъ и вступить въ Ливонію [1]). Заговорилъ и генералъ Горнъ, комендантъ Нарвы, ударившій на наши драгунскія заставы со стороны р. Луги. Для усмиренія послѣдняго былъ направленъ генералъ Верденъ, разбившій вышедшихъ изъ крѣпости шведовъ и разорившій окрестности Нарвы верстъ на 20—30 въ окружности [2]). Замысламъ-же Карла, вѣрнѣе сказать, опасеніямъ въ таковыхъ замыслахъ, противопоставлены слѣдующія мѣропріятія.

Шереметеву отданъ приказъ двинуться съ конницей въ Эстонію для разоренія края, не останавливаясь у укрѣпленныхъ городовъ [3]), съ выступленіемъ, однако, въ походъ не ранѣе августа мѣсяца, когда будутъ закончены работы по укрѣпленію Ямъ, т. е., когда будетъ сооруженъ опорный пунктъ на границѣ Ингерманландіи на случай отступленія [4]). Оборона западнаго фронта, впредь до возвращенія Шереметева, поручена Петру Апраксину. Здѣсь расположены къ 15-му іюля слѣдующія войска: въ Ямахъ одинъ пѣхотный и два драгунскихъ полка; въ Копорьѣ — три пѣхотныхъ полка; между Копорьемъ и Петербургомъ—два драгунскихъ полка; въ Гдовѣ и Сомерской волости—ополченіе. Послѣдняя мѣстность подготовлялась для зимовки конницы Шереметева, долженствовавшей служить связью между Ямами и Псковомъ, въ которыхъ надлежало расположить на зимнія квартиры большую часть пѣхоты [5]). Дивизія Репнина и гвардія стояла въ Петербургѣ, а къ рѣкѣ Сестрѣ была выслана застава изъ двухъ драгунскихъ и двухъ пѣхотныхъ полковъ; кромѣ того, два драгунскихъ полка были поставлены у развалинъ Нієншанца,

[1]) Бутурлинъ, т. I, стр. 189.
[2]) Журналъ Шереметева, стр. 134—136.
[3]) Adlerfeld, t. II, p. 30.
[4]) Письма и бумаги П. В., т. II, стр. 231.
[5]) Масловскій, 1-я боев. дѣят. П. В., Воен. Сборн. 1890 г., № 11, стр. 26.

гдѣ выходила на Неву большая Выборгская дорога [1]). Были приняты энергичныя мѣры къ ускоренію работъ по укрѣпленію Ямъ и Петербурга.

Чтобы не возвращаться къ вопросу о распредѣленіи войскъ, скажемъ теперь-же, что къ ноябрю, а затѣмъ и всю зиму главнымъ сосредоточеніемъ войскъ были слѣдующіе пункты: Царь съ гвардіей въ Москвѣ, полковникъ Рене въ 4-мя пѣхотными полками въ Петербургѣ, окольничій Петръ Апраксинъ съ 5-ю полками пѣхоты и 2-мя конницы въ Ямахъ, Репнинъ со своею дивизіею у Копорья, наконецъ остатокъ арміи у Пскова [2]).

22-го августа Шереметевъ съ девятью драгунскими полками, общею численностью въ 8,348 всадниковъ, съ 700 рейтаровъ и 1,700 человѣкъ низовой конницы двинулся изъ Ямъ къ Ракобору (Везенбергу), у котораго стоялъ Шлиппенбахъ, тотчасъ-же по выступленіи фельдмаршала отступившій къ Ревелю, ломая за собою мосты и портя пути сообщенія [3]). Это отступленіе Шлиппенбаха — единственнаго отряда шведскихъ войскъ, позволило Шереметеву явиться полнымъ хозяиномъ мѣстности. Вольмаръ, Венденъ, Валкъ, Калкухъ, Феллинъ, Оберпаленъ, Ригенъ, Ментзенъ и Загницъ и всѣ деревни, мызы и поселки между этими городами были выжжены и разорены окончательно [4]). Вся эта операція была произведена въ теченіе одного мѣсяца и 30-го сентября Шереметевъ уже вернулся во Псковъ [5]).

Въ то-же самое время въ Ямахъ и Петербургѣ, въ особенности въ Ямахъ, работы кипѣли. Руководство тѣми и другими было возложено на Меншикова. Въ началѣ августа онъ

[1]) Матеріалы Устрялова (т. IV, ч. II), стр. 290—288; письма Шереметева, т. I, стр. 188.

[2]) Бутурлинъ, т. I, стр. 192.

[3]) Журналъ Шереметева, стр. 136—138.

[4]) Adlerfeld, t. II, p. 30.

[5]) Журналъ Шереметева, стр. 141.

писалъ Петру изъ Ямъ: «Здѣсь на всѣхъ болваркахъ штормъ-палъ (штурмфалы) положены и пушки поставлены; только на одной куртинѣ положено штормъ-палъ половину; чаю, что положится скоро и конечно городовое строеніе совершится, чаю, въ двѣ недѣли».

Вскорѣ, не смотря на трудность работъ въ каменистомъ грунтѣ [1]), крѣпость Ямы была закончена и на ея верки установили: 3-хъ-пудовыхъ мортиръ—двѣ, пудовыхъ—три, 12-ти-фунтовыхъ пушекъ—двадцать, 10-ти-фунтовыхъ—двѣ, 6-ти-фунтовыхъ—двадцать восемь, 4-хъ-фунтовыхъ—двѣ, 3-хъ-фунтовыхъ—двѣ, дробовиковъ—четыре и шмаговницъ—пятьдесятъ [2]).

Какъ на любопытную подробность укрѣпленія Ямъ, укажемъ на устройство тамъ особаго «тайника»—подземнаго хода изъ крѣпости къ водѣ [3]).

Въ С.-Петербургѣ, пунктѣ менѣе угрожаемомъ, работы шли нѣсколько медленнѣе. 25-го іюля Меншиковъ доносилъ отсюда Петру: «Городовое дѣло управляется какъ надлежитъ; работные люди изъ городовъ уже многіе пришли и непрестанно прибавляются. Чаемъ, милостью Божьею, что то предрѣченное дѣло будетъ предъ поспѣшествовать. Только то бѣдно, что здѣсь солнце зѣло высоко ходитъ» [4]).

Въ его-же донесеніи отъ 8-го августа читаемъ: «Я пріѣхалъ изъ Ямъ сюды сего мѣсяца въ шестой день. Городовое здѣсь дѣло безъ меня не таково, какъ при мнѣ было, а дѣло медленно дѣлалось. Впрочемъ, все благополучно» [5]). «Городовое дѣло строится истинно съ великимъ прилежаніемъ», добавляетъ къ этому Головкинъ 17-го августа [6]).

[1]) Письма и бумаги И. В., т. II, стр. 611, 556.
[2]) Журналъ Шереметева, стр. 137.
[3]) Письма Шереметева, т. I, стр. 215.
[4]) Госуд. Арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 2, л. 543.
[5]) Госуд. Арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 2, л. 531.
[6]) Письма и бумаги И. В., т. II, стр. 625.

Работы по крѣпости были прерваны надводненіемъ 10-го августа, причинившимъ земляным валамъ не мало ущерба. «Здѣсь, Государь, у насъ жестокая погода съ моря», писалъ Монарху князь Аникита Репнинъ, «и набиваетъ въ нашемъ мѣстѣ, гдѣ я стою съ полками, воды ажъ до самаго моего станишку, а почесь въ Преображенскомъ полку, въ полночь, и у харчевниковъ много сонныхъ людей и рухлядь ихъ помочило. А жители здѣшніе сказываютъ, что въ нынѣшнемъ времени всегда то мѣсто заливаетъ» [1]).

Въ серединѣ сентября Петербургская крѣпость постройкою была закончена, а на ея валахъ установлена артиллерія — 300 мѣдныхъ и чугунныхъ орудій, взятыхъ у шведовъ и съ верковъ упраздненной Новгородской крѣпости. Внутри нея былъ прорытъ каналъ, значеніе котораго въ формулярѣ крѣпости поясняется необходимостью имѣть для гарнизона, на случай осады, источникъ воды. Само собою разумѣется, этому каналу слѣдуетъ приписать иное значеніе: онъ былъ устроенъ для облегченія выгрузки внутри крѣпости различныхъ строительныхъ матеріаловъ, подвозимыхъ на судахъ; быть можетъ, надо въ немъ видѣть и попытку ослабить дѣйствіе на валы крѣпости прибылыхъ водъ: идея гарантіи Петербурга отъ наводненій путемъ прорытія каналовъ, безспорно, принадлежитъ Петру. По берегамъ канала были выстроены деревянные домики, крытые берестою и дерномъ и предназначавшіеся для коменданта и гарнизона, для священно- и церковнослужителей строившейся церкви, для гарнизонной канцеляріи, гауптвахты, арсенала или цейхауза и провіантскихъ магазиновъ; на бастіонѣ Меншикова была устроена казенная аптека. Тогда-же шли работы по постройкѣ внутри крѣпости церкви во имена Св. Апостоловъ Петра и Павла.

Прикрытый крѣпостью и достаточно защищенный со сто-

[1]) Матеріалы Устрялова (т. IV, ч. II), стр. 290.

роны взморья Березовый островъ (нынѣшняя Петербургская сторона) былъ избранъ для постройки на немъ города. Основаніемъ послѣдняго можно считать первоначальный дворецъ Петра, построенный въ трехстахъ саженяхъ отъ крѣпости и состоявшій всего изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями и кухней. Этотъ дворецъ-домикъ существуетъ и по-нынѣ. По близости отъ него строились обширныя деревянныя хоромы Меншикова—будущая арена ассамблей и царскихъ банкетовъ.

Ежедневно, отъ пробитія утренней зари и до вечерней, на Государевомъ бастіонѣ развивался кейзеръ-флагъ, замѣнявшійся по праздникамъ штандартомъ. На послѣднемъ былъ изображенъ двуглавый орелъ, державшій въ клювѣ два моря: Бѣлое и Каспійское, и ухватившійся цѣпкими когтями за моря Азовское и Балтійское. Поднятіе и спускъ флага служили сигналомъ къ открытію и прекращенію работъ и сопровождались пушечными выстрѣлами, производившимися еще разъ въ обѣденное время, то-есть, въ 11 часовъ утра [1]).

Въ серединѣ августа 1703 года къ устьямъ Невы подошли 12 голландскихъ кораблей и выслали къ Петербургу гонца съ просьбою отпустить имъ запасъ строевого лѣса. Меншиковъ, вѣрный и догадливый исполнитель предначертаній своего царственнаго друга, немедленно потребовалъ входа судовъ въ рѣку: купцамъ необходимо было указать дорогу къ нашей «морской пристани». Однако Нумерсъ, все еще стоявшій на сторожѣ у взморья, воспротивился такой операціи и голландцы должны были уйти назадъ безъ товара. Шведы, какъ доносилъ Меншиковъ царю, опасались, чтобы русскіе не завладѣли голландскими судами, не пробили въ ихъ бортахъ окна и не украсили бы послѣднія жерлами орудій [2]).

Не безъинтересно замѣтить при этомъ, что шведскіе ис-

[1]) Арх. Главн. Инж. Управл., формуляръ Спб.
[2]) Госуд. Арх., Каб. И. В., отд II, кн. 2, л. 564.

точники сообщаютъ о доставкѣ въ 1703 году русскимъ на голландскихъ корабляхъ огромныхъ запасовъ разнаго оружія и аммуниціи [1]). Помимо того, что объ этомъ обстоятельствѣ совершенно умалчиваютъ наши отечественные источники, сообщеніе является маловѣроятнымъ уже потому, что голландцы, какъ мы видѣли, далеко не были заинтересованы возрастаніемъ успѣховъ русскаго оружія. Вѣрнѣе будетъ предположеніе, что слухъ о голландской помощи былъ пущенъ въ оправданіе мало мотивированнаго запрещенія Нумерса получить необходимые для дружественной Швеціи державы матеріалы.

Окарауливаніе устьевъ Невы шведами продолжалось до глубокой осени. Лишь 1-го октября Нумерсъ поднялъ паруса и направился для зимовки въ Выборгъ [2]).

Въ это время Петръ разгуливалъ по Ладожскому озеру на вновь построенномъ фрегатѣ «Штандартъ». Генералъ-губернаторъ Ингерманландіи А. Д. Меншиковъ не замедлилъ увѣдомить Монарха объ уходѣ шведской эскадры и Петръ тотчасъ же явился въ Петербургъ. Необходимо было принять энергичныя мѣры къ болѣе полному обезпеченію подступовъ къ Петербургу съ моря. На яхтѣ, сопровождаемой галіотомъ, царь вышелъ на взморье къ острову Котлину, вымѣряя по дорогѣ фарватеръ [3]).

Сохранилось преданіе, что эта поѣздка была совершена во время сильнаго ледохода, принудившаго Нумерса отойти отъ Невы. Однако преданіе это опровергается письмомъ Меншикова отъ 4-го октября, изъ котораго усматривается, что погода стояла въ то время дождливая и что Петръ далеко не торопился закончить свою прогулку по Ладожскому озеру Сообщая объ уходѣ Нумерса, Меншиковъ писалъ: «Зѣло ми-

[1]) Adlerfeld, t. II, p. 31.
[2]) Госуд. Арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 2-я, л. 540.
[3]) Матеріалы флота, т. I, стр. 24; Журналъ П. В., стр. 71.

лость вашу мы здѣсь ожидаемъ, безъ котораго стало намъ скучно, потому что было солнце, а нынѣ вмѣсто онаго дожди и великіе вѣтры; и для того непрестанно ждемъ васъ, а когда изволите пріѣхать, то чаемъ, что будетъ вёдро. Не вѣдаемъ для чего такъ замѣшкались; намъ кажется, что можно быть потому, что вѣтръ способный. Развѣ затѣмъ медленіе чинится, что рейскаго (вина) у васъ, вѣдаемъ, есть бочекъ съ десять и больше, также и секу не безъ довольства; и потому мнимъ, что, бочки испразднія, хотите сюда пріѣхать, или, которыя изъ нихъ разсохлись, замачиваете или размачиваете; о чемъ сожалѣемъ, что насъ при томъ не случилось» [1]).

По измѣреніи фарватера у Котлина, было намѣчено мѣсто для морского форта, по своему положенію долженствовавшаго явиться полной преградой для прохода вражескихъ кораблей въ Неву [2]). Намъ неизвѣстны подробности тогдашнихъ промѣровъ сѣвернаго и южнаго фарватеровъ у Котлина; но выборъ для форта, нынѣшняго Кронштота, мѣста былъ столь удачнымъ, что не остается сомнѣнія въ тщательности сказанныхъ промѣровъ. Отъ южнаго берега Финскаго залива, вплоть до Кронштота, тянется мель; глубокій фарватеръ къ сѣверу отъ форта до острова былъ полностью въ сферѣ поражаемости тогдашнихъ орудій; сѣверный фарватеръ, по извилистости проходовъ, казался совершенно недоступнымъ, да и считался таковымъ всѣми моряками какъ нашими, такъ и шведскими [3]), до сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка. Лишь констатированіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и можно объяснить рѣшеніе возвести Кронштотъ.

Намѣтивъ мѣсто для форта и поручивъ Меншикову заготовить необходимые для работъ матеріалы, Петръ направился

[1]) Госуд. Арх., Каб. II. В., отд. II, кн. 2-я, л. 539.
[2]) Голиковъ, т. II, стр. 83.
[3]) Adlerfeld, t. II, p. 159.

въ Воронежъ, гдѣ собственноручно изготовилъ модель Кронштота и переслалъ ее для выполненія работъ строителю новаго укрѣпленія—Меншикову [1]). Въ ту же зиму солдаты полковъ Толбухина и Островскаго [2]) начали рубить ряжи для основанія укрѣпленія. Точныхъ свѣдѣній о конструкціи и величинѣ сооруженія мы не имѣемъ. По свидѣтельству Александра Гордона, «сдѣлали огромный ящикъ, 10 футъ въ вышину, изъ бревенъ въ 30 футъ длиною и 15 вершковъ толщиною и опустили его въ воду. На этомъ фундаментѣ воздвигли трехъ-этажную деревянную башню: укрѣпленіе могло вмѣщать въ себѣ до 3,000 человѣкъ гарнизона и до 70 орудій» [3]). Однако свидѣтельство это врядъ-ли можетъ быть признано вполнѣ точнымъ: едва ли вмѣстимость и сила форта достигали такихъ размѣровъ. Болѣе вѣроятнымъ является свидѣтельство другаго современника тогдашнихъ событій, барона Гизена: «Крѣпость Кронштотъ имѣетъ сорокъ косыхъ сажень діаметра и два ряда, одинъ надъ другимъ, для ставленія пушекъ... деревянная и, нагрузя каменьемъ, опущена въ воду и нѣсколько въ ней пушекъ поставлено» [4]). Первоначальное же вооруженіе Кронштота опредѣляется нѣкоторыми изслѣдователями старины въ 14 орудій [5]). Кромѣ того имѣется указаніе, что Кронштотъ былъ сооруженъ «въ видѣ блокгауза» [6]).

Работы по этому форту были закончены къ веснѣ слѣдующаго года, о чемъ мы еще упомянемъ въ своемъ мѣстѣ.

---

[1]) Журналъ Петра Вел., стр. 72; Голиковъ, т. II, стр. 84.
[2]) Веселаго, стр. 161.
[3]) Ласковскій, т. II, стр. 433.
[4]) Сборникъ Туманскаго, т. III, стр. 387.
[5]) Веселаго, стр. 161.
[6]) Арх. Главн. Инжен. упр., дѣло № 26 по оп. 26 Финлянд. д-та.

ГЛАВА VI.

Ингерманландскій театръ войны къ веснѣ 1704 года.—Освященіе Петропавловскаго собора.—Освященіе и вооруженіе Кронштота.—Инструкція коменданту Кронштота.—Дѣйствія Апраксина и Вердена.—Походъ на Кексгольмъ и его отмѣна.—Движеніе на Дерптъ и Нарву.—Силы подъ Петербургомъ.—Первыя боевыя суда Балтійскаго флота.—Движеніе вице-адмирала де-Пруа на Кронштотъ и генерала Майделя на Петербургъ.—Бой 12-го іюля и отступленіе Майделя.—Движеніе Майделя къ Нієншанцу.—Отступленіе шведовъ на Кексгольмъ.

Зима 1703—1704 годовъ прошла на ингерманландскомъ театрѣ войны спокойно. Военныя дѣйствія ограничились небольшими стычками на финляндской границѣ: 10-го февраля шведскія партіи подходили къ нашимъ пограничнымъ карауламъ, забрали на одномъ изъ нихъ четырехъ человѣкъ въ плѣнъ, а 27-го февраля комендантъ Петербурга, полковникъ Рене двинулся съ 2,300 человѣкъ пѣхоты и конницы подъ Выборгъ, оттѣсняя въ глубь страны попадавшія ему на пути шведскія заставы. Вскорѣ этотъ отрядъ натолкнулся на значительныя шведскія силы генералъ-поручика барона Георга Майделя, замѣнившаго Кроніорта, но дѣло не зашло далѣе схватокъ аванпостовъ [1]).

Къ веснѣ взаимное расположеніе нашихъ и шведскихъ силъ было слѣдующее:

Левенгауптъ съ отрядомъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ

---

[1]) Журналъ воинскаго поведенія 1704 года, стр. 17—18; Госуд. Арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 2-я, л. 550.

прикрывалъ отъ русскихъ Курляндію; Шлиппенбахъ съ 1,400 конницы стоялъ у Ревеля; дерптскій гарнизонъ простирался до пяти тысячъ, а нарвскій съ иваньгородскимъ состоялъ изъ 4,683 человѣкъ; на рѣкѣ Амовжѣ (Эмбахъ), при Дерптѣ, снаряжалась эскадра Лешерна, предназначавшаяся для вступленія въ Псковское и Чудское озера съ цѣлью разоренія нашихъ прибрежныхъ селъ; наконецъ, у Выборга стоялъ Майдель съ отрядомъ отъ 8 до 9 тысячъ человѣкъ.

Наша дѣйствующая ингерманландская армія стояла подъ Петербургомъ и заключала въ себѣ два полка гвардіи, дивизію Репнина и пять пѣхотныхъ вновь сформированныхъ полковъ генерала Шенбека, всего до 18,000 человѣкъ.

Псковская армія Шереметева насчитывала въ своихъ рядахъ до 21,000 человѣкъ, въ томъ числѣ около 12,000 пѣхоты и 9,000 конницы.

Близъ Ямъ стоялъ Петръ Апраксинъ съ пятью пѣхотными и двумя конными полками, всего до 5,000 человѣкъ.

Наконецъ для защиты Петербурга предназначался отрядъ въ пять съ половиною тысячъ пѣхоты и иррегулярная конница: татары, казаки и запорожцы [1]).

Планы кампаніи этого года нѣсколько разъ видоизмѣнялись, соотвѣтственно политическимъ обстоятельствамъ и общей обстановкѣ военныхъ дѣйствій всего театра Сѣверной войны.

Карлъ XII, все еще не рѣшавшійся обратить свое оружіе на Петра, былъ занятъ не столько арміей, сколько личностью Августа II. Задавшись цѣлью, во что бы то ни стало, свергнуть съ польскаго престола ненавистнаго ему саксонца и «сострянать другого короля полякамъ», онъ созвалъ въ Варшавѣ сеймъ, который, подъ давленіемъ шведскаго отряда генерала

[1]) Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 255—257, 285, 299, 302; Матеріалы Устрялова (т. IV, ч. II), стр. 477; Журналъ Шереметева, стр. 142, 152; Журналъ воинск. повед. 1704 года, стр. 60; Бутурлинъ, т. I, стр. 192, 283; Веселаго, стр. 151.

Горна, низложилъ 14-го января Августа и объявилъ междуцарствіе [1]). Результатомъ рѣшенія сейма явилось раздѣленіе Польши на два враждебныхъ лагеря, съ преобладаніемъ по численности и силѣ сторонниковъ Карла. Присоединенію къ этой же сторонѣ новыхъ союзниковъ изъ среды польскихъ магнатовъ много способствовали запорожскіе и украинскіе казаки, вновь ополчившіеся, подъ предводительствомъ Палѣя и Самуся, на жидовъ и шляхту: паны видѣли въ дѣйствіяхъ казаковъ происки москалей и присоединялись къ врагу послѣднихъ.

Подобное положеніе вещей являлось для насъ угрожающимъ. Карлъ могъ оставить въ Польшѣ лишь незначительные отряды для подбадриванія своихъ новыхъ союзниковъ и обрушиться главными силами своей арміи на сѣверъ. Принятіе отъ шведовъ «генеральнаго боя» совершенно не входило въ планы Петра, а тѣмъ болѣе на ингерманландскомъ театрѣ, недостаточно еще подготовленномъ для встрѣчи страшнаго гостя. Великій и осторожный стратегикъ упорно и систематично прилагалъ усилія къ тому, чтобы успѣхъ его важнѣйшихъ операцій былъ поставленъ въ возможно меньшую зависимость отъ неблагопріятнаго исхода боя. Надлежало слѣдовательно принять мѣры къ удержанію Карла въ Польшѣ.

Болѣе или менѣе соотвѣтственный планъ дѣйствій подсказывали Петру изъ Варшавы. Нашъ тамошній резидентъ Долгорукій и знаменитый лифляндскій дворянинъ Паткуль настаивали, чтобы Петръ перенесъ оружіе въ Польшу. Первый хотѣлъ укрѣпить за нами помощь Рѣчи Посполитой; второй опасался главнымъ образомъ укрѣпленія Россіи въ Ливоніи и Эстоніи, въ провинціяхъ, долженствовавшихъ по договору перейти къ Польшѣ. Паткуль писалъ Петру о желаніи Августа II знать, какія послѣдуютъ распоряженія относительно завоеван-

[1]) Соловьевъ, кн. III, стр. 1291; Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 346.

ныхъ уже и могущихъ быть завоеванными въ будущемъ гаванеи Балтійскаго моря, для оцѣнки таковыхъ распоряженій въ томъ смыслѣ, не возбудятъ ли они опасеній въ «прочихъ потентатахъ», владѣнія которыхъ соприкасаются съ названнымъ моремъ. Характеренъ отвѣтъ Петра: Война произошла отъ оскорбленія, нанесеннаго въ Ригѣ не только русскимъ посламъ, но и самой особѣ царя, и Господь Богъ, посредствомъ оружія, возвратилъ монарху бо́льшую часть дѣдовскаго наслѣдства, неправедно похищеннаго шведами. Умноженіе русскаго флота имѣетъ единственною цѣлью обезпечить русскую торговлю и завоеванныя уже пристани. Пристани эти останутся за Россіей во первыхъ потому, что онѣ издревле ей принадлежали, а во вторыхъ потому, что пристани необходимы для государства, «ибо черезъ сихъ артеріи можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть». Петръ объявлялъ Августу, что не желаетъ получить ни единой деревни дѣйствительно шведской, дабы не быть причиною озлобленія всѣхъ сосѣднихъ владѣтелей, и что исполнитъ свое намѣреніе на дѣлѣ [1]).

Однако письма Паткуля и Долгорукова были приняты къ свѣдѣнію и планъ лѣтнихъ военныхъ дѣйствій 1704 года былъ установленъ въ такомъ видѣ:

Шереметевъ получилъ приказаніе двинуться съ конницей на Динабургъ и промышлять надъ Курляндіей, приближаясь къ границамъ Польши. Въ Кіевѣ приказано Голицыну сформировать вспомогательный корпусъ въ 11 пѣхотныхъ полковъ и 5,000 казаковъ и двинуться на Волынь. Части пѣхоты псковской арміи повелѣно сѣсть на мелкія суда и идти, подъ начальствомъ генерала Вердена, въ устье Эмбаха, дабы запереть выходъ въ озера эскадрѣ Лешерна. Петру Апраксину предложено перейти рѣку Лугу и стать у устья Наровы, чтобы изолировать Нарву отъ моря. Дѣйствующая ингерманландская ар-

[1]) Соловьевъ, кн. III, стр. 1295.

мія, съ самимъ монархомъ, предназначалась для осады крѣпостей Финляндіи и Эстляндіи, начиная съ Кекгольма. Наконецъ гарнизонъ Петербурга, съ новымъ комендантомъ крѣпости, полковникомъ Романомъ Вильгельмовичемъ Брюсомъ, имѣлъ задачею оборонять Петербургъ и Кронштадтъ, а также и подступы къ устьямъ Невы со стороны Балтійскаго моря вообще и Выборга въ частности [1])

Въ то время, когда войска готовились къ выступленію въ походъ, на устьяхъ Невы совершались знаменательныя событія:

1 апрѣля митрополитъ Іовъ Новгородскій, съ подобающею случаю торжественностью, освятилъ въ Петербургской крѣпости соборную церковь во имени Св. Апостоловъ Петра и Павла. Эта церковь была крестообразнаго расположенія, деревянная, при чемъ наружныя ея стѣны были расписаны подъ желтый мраморъ. Церковь воздымалась кверху тремя шпицами, украшавшимися по праздникамъ корабельными вымпелами. Средній шпицъ, наиболѣе высокій, имѣлъ видъ башни въ голландскомъ вкусѣ, особенно любимомъ Петромъ. На колокольнѣ подъ этимъ шпицомъ было повѣшено нѣсколько колоколовъ различныхъ тоновъ, на которыхъ нарочно для того приставленный мастеръ вызванивалъ ежечасно музыкальныя пьесы, по окончаніи которыхъ, ударами въ большой колоколъ, давали знать жителямъ о часѣ.

Одновременно съ постройкою православнаго храма, въ крѣпости шли и работы по устройству лютеранской церкви Св. Анны и производилась отдѣлка внутренности различныхъ домовъ, а внѣ крѣпости возводились частные дома [2]).

На ряду съ этими работами мирнаго характера, съ помпой отпраздновано и торжество боеваго значенія. Мая въ 7-й день,

---

[1]) Журналъ Шереметева, стр. 142; Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 282, 298, 393; Бутурлинъ, т. I, стр. 206, 282; Карцевъ, стр. 53; Арх. Главн. Инжен. управл., формуляръ С.-Петербурга.

[2]) Арх. Гл. Инж. Упр., формуляръ Спб.

Великій Государь, со всѣми ближними людьми, новгородскимъ митрополитомъ и прочими властьми, вышелъ изъ Петербурга въ судахъ на взморье, къ острову Котлину. Петръ везъ артиллерію на новый морской фортъ, вполнѣ подготовленный уже къ принятію вооруженія. «И въ прибытіе его, Великаго Государя, тогда нарѣчена оная крѣпость Кроншлосъ, сирѣчь коронный замокъ, и торжество въ ней было тридневное» [1]).

Предусмотрительный монархъ, еще до освященія Кронштота, 3 мая, составилъ инструкцію для коменданта форта—полковника Трейдена. Инструкціей предписывалось «содержать сію цитадель, съ Божьею помощью, аще (что) случится, хотя до послѣдняго человѣка». При приближеніи непріятельскаго флота, задавшагося цѣлью форсировать проходъ въ устья Невы, рекомендовалось избѣгать торопливости и напрасной потери снарядовъ: слѣдовало выжидать подхода кораблей на близкія дистанціи и тогда уже открывать огонь навѣрняка, по орудійно, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ каждый моментъ имѣть прозапасъ добрый подарокъ врагу, готовое ядро въ жерлѣ наведенной пушки. Подробно предусмотрѣнъ и порядокъ для предупрежденія опасности нечаяннаго нападенія на фортъ. Корабли подъ нейтральнымъ флагомъ разрѣшалось подпускать къ форту лишь на пушечный выстрѣлъ, послѣ чего надлежало требовать спуска парусовъ и отдачи якоря. Для сего рекомендовалось стрѣлять изъ пушки холостымъ зарядомъ; въ случаѣ замедленія въ исполненіи требованія—стрѣлять вторично ядромъ мимо корабля и лишь третій разъ мѣтить по кораблю какъ по вражескому. Но между первымъ и вторымъ выстрѣлами слѣдовало выжидать до четверти часа, дабы дать судовой командѣ время выполнить предъявленное требованіе. По остановкѣ корабля надлежало вызывать на фортъ его шки-

[1]) Голиковъ, т. II, стр. 91; Журналъ Петра Велик., стр. 76; Юрналъ 1704 г., стр. 21.

пера, коего, также какъ и другихъ, съ нимъ прибывшихъ людей, слѣдовало «удержать за карауломъ честно» и тогда уже, но никакъ не раньше, необходимо было высылать на корабль шлюпку съ форта для осмотра, нѣтъ-ли на суднѣ чего подозрительнаго, при чемъ предписывалось «осмотрѣть вездѣ, и подъ нижнею палубою, нѣтъ-ли какихъ людей, тайно скрытыхъ, также и ружья, и иныхъ воинскихъ припасовъ». При полномъ благополучіи въ результатахъ осмотра разрѣшалось шкипера съ людьми отпустить, дать имъ лоцмановъ и пропустить корабль мимо форта, требуя при этомъ салюта крѣпости и отвѣчая на салютъ двумя выстрѣлами меньше. Рекомендовалось наконецъ слѣдить зоркимъ окомъ и за безопасностью форта въ пожарномъ отношеніи: «Зѣло надлежитъ стеречься непріятельскихъ брандеровъ.... также и своего огня подобаетъ опасатись, множество ради дерева» [1]).

Въ то время, когда Петръ праздновалъ въ Кронштотѣ готовность морской заставы близъ устьевъ Невы, въ Петербургѣ были получены радостныя извѣстія: 26 апрѣля окольничій Петръ Апраксинъ заставилъ шведскую эскадру вице-адмирала де-Пруа отказаться отъ попытки войти въ Нарову и усилить гарнизонъ Нарвы 1200 человѣками, взятыми изъ отряда генерала Майделя [2]), а 3 мая, въ устьяхъ Эмбаха, генералъ Верденъ уничтожилъ «великій флотъ съ пушки» Лешерна, завладѣвъ двѣнадцатью шкутами при 86 орудіяхъ и заставивъ начальника эскадры взорвать свое судно на воздухъ [3]).

Въ половинѣ мая дѣйствующая Ингерманландская армія выступила въ походъ на Кексгольмъ. Вверхъ по Невѣ, плавнымъ путемъ, тронулись полки генерала Шепбека; за ними

---

[1]) Письма и бумаги П. В., т. III, стр. 55, 615.

[2]) Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 299; Бутурлинъ, т. I, стр. 288. Эти 1200 человѣкъ были затѣмъ высажены въ Ревелѣ и поступили въ отрядъ генерала Шлиппенбаха (Adlerfeld, t. II, p. 115).

[3]) Журналъ Шереметева, стр. 143.

слѣдовалъ баталіонъ преображенцевъ; вскорѣ выступила и дивизія князя Репнина: наконецъ 19 мая поплылъ тѣмъ же путемъ и самъ Петръ съ остальною гвардіей. Но не отплылъ монархъ и пяти верстъ отъ Петербурга, какъ на берегъ Невы прискакалъ гонецъ отъ Петра Апраксина съ серьезною вѣстью: вице-адмиралъ де-Пруа вновь появился у устья Наровы съ флотомъ уже въ 35 вымпеловъ, а вѣрные люди сообщили окольничему о движеніи къ Нарвѣ изъ подъ Ревеля отряда Шлиппенбаха. Это извѣстіе заставило Петра перемѣнить фронтъ; всѣ полки ингерманландской арміи повернули кругомъ и двинулись къ Нарвѣ [1]).

Между тѣмъ пришли и другія вѣсти. Въ отвѣтъ на рѣшеніе Варшавскаго сейма о низложеніи Августа II, новый сеймъ въ Сендомирѣ объявилъ варшавянъ «врагами ойчизны». Выставленная Карломъ кандидатура на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, человѣка не популярнаго и не родовитаго, произвела цѣлый переполохъ въ средѣ магнатовъ, а упрямая настойчивость Карла призвала подъ знамена Августа массу новыхъ сторонниковъ, разочаровавшихся въ шведской политикѣ [2]). Вѣсти эти снова придали Петру увѣренность въ томъ, что Карлъ не покинетъ Польши и не помѣшаетъ намъ еще болѣе обезпечить владѣніе Ингерманландіей путемъ отобранія отъ шведовъ западныхъ крѣпостей. Шереметеву отданъ приказъ перемѣнить операціонную линію и осадить Дерптъ; тогда же приступлено къ осадѣ Нарвы, а на встрѣчу къ Шлиппенбаху высланъ подъ Везенбергъ полковникъ Рене съ восьмитысячнымъ отрядомъ [3]).

Въ то время подъ Петербургомъ стояло семь пѣхотныхъ полковъ, общею численностью до 5,000 [4]) и до 2,000 прегу-

[1]) Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 255—257.
[2]) Соловьевъ, кн. II, стр. 1292; Бутурлинъ, т. I, стр. 282.
[3]) Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 285, 305.
[4]) Устряловъ. «Матеріалы», т. IV, ч. II, стр. 477.

лярной конницы, казаковъ, запорожцевъ и татаръ [1]). Начальникомъ этихъ войскъ былъ Петербургскій комендантъ, полковникъ Романъ Виллимовичъ (Вильгельмовичъ) Брюсъ. Для содѣйствія-же форту Кронштлоту въ задачѣ обороны водныхъ подступовъ къ Петербургской крѣпости, предназначалась новорожденная русская эскадра [2]).

9-го іюля къ Петропавловской крѣпости причалилъ ботъ съ гонцомъ Кронштлотскаго коменданта, съ сыномъ его, поручикомъ Трейденомъ. Петербургскому коменданту Брюсу дано было знать о появленіи на горизонтѣ Кронштлота значительной эскадры непріятеля [3]).

[1]) «Журналъ воинскаго поведенія» 1704 г., стр. 61.

[2]) Установить съ точностью силу Балтійскаго флота къ открытію навигаціи 1704 года затруднительно. Въ письмахъ своихъ отъ 7-го мая къ Паткулю и 19-го мая къ нашему резиденту въ Лондонѣ А. А. Матвѣеву, генералъ-адмиралъ Головинъ опредѣлялъ численность флота, могущаго войти въ Балтійское море, въ 20 кораблей и фрегатовъ, въ 78 галеръ и въ 100 бригантинъ («Письма и бумаги Петра Великаго». С.-Петербургъ, 1889 г., т. III, стр. 61: «Матеріалы» Устрялова, т. IV, ч. II, стр. 307). Безспорно, въ данныхъ этихъ нельзя не заподозрить нѣкотораго преувеличенія. Однако, извѣстно достовѣрно, что къ указанному сроку Сясьская верфь изготовила три фрегата, а Олонецкая — шесть фрегатовъ, четыре шнявы, гальотъ, накеботъ, четыре галеры и 24 полугалеры, что тогда же на рѣкѣ Лугѣ имѣлось 44 бригантины, а у Новой Ладоги, въ Селецкомъ рядкѣ, двѣ шнявы, 10 шкутъ и тартана (Веселаго, «Очеркъ русской морской исторіи». С.-Петербургъ, 1875 г., стр. 152, 162 и 163). Извѣстно также, что еще въ маѣ 1703 г. вице-адмиралъ Крейсъ нанялъ за границей въ русскую службу 10 капитановъ, 81 морского офицера и 94 матросовъ («Письма и бумаги Петра Великаго»; т. II, стр. 169), что въ декабрѣ того-же года велѣно было прислать въ Петербургъ изъ Воронежа 400 матросовъ (тамъ-же, стр. 299) и что осенью того-же года Петръ писалъ Ромодановскому изъ Петербурга: «Добрыхъ людей довольно имѣемъ; нынѣ-же зѣло нужда есть, дабы нѣсколько тысячъ воровъ приготовить къ будущему лѣту» (тамъ-же, стр. 250). Въ послѣднемъ письмѣ, несомнѣнно, вопросъ шелъ о судовыхъ командахъ, о готовности таковыхъ для паруснаго флота и о необходимости озаботиться организаціей командъ гребцовъ для галеръ. Таковыми командами, рабочею силою въ тяжеломъ трудѣ, являлись именно «воры»: въ «Разсужденіи о начинающемся флотѣ на Балтійскомъ морѣ», относящемся къ концу 1703 г., находимъ фразу: «На галерахъ такожъ имѣетъ милостивое призрѣніе надъ невольниками быть» (тамъ-же, т. III, стр. 164).

[3]) «Птенцы Петра Великаго». Собраніе писемъ сподвижниковъ Петра. «Русская Старина», т. V, стр. 909.

Брюсъ, имѣя положительныя свѣдѣнія о тѣсной связи, поддерживавшейся между эскадрой адмирала де-Пруа и отрядомъ генерала Майделя, и вполнѣ резонно опасаясь совокупныхъ дѣйствій шведскаго флота и сухопутныхъ силъ, тотчасъ-же распорядился высылкою впередъ по Выборгской дорогѣ 2,000-наго развѣдывательнаго отряда казаковъ, запорожцевъ и татаръ. Отрядъ этотъ вскорѣ и наткнулся на кавалерійскіе аванпосты Майделя, расположившіеся у Черной рѣчки. Сбить непріятельскіе аванпосты, забравъ въ плѣнъ нѣсколькихъ шведскихъ офицеровъ и драгунъ, было дѣломъ минуты; но, увлекшись преслѣдованіемъ, наша конница наскочила у Каменной кирки, не доѣзжая 8-ми верстъ до р. Сестры, на весь отрядъ Майделя, встрѣтившій русское воинство жестокимъ пушечнымъ огнемъ. Конницѣ нашей пришлось отступить подъ защиту крѣпости, но отступленіе было совершено въ относительномъ порядкѣ, чему много способствовало то обстоятельство, что шведы не преслѣдовали нашихъ. При этомъ отступленіи не преминули татары прирѣзать всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ.

Вернулась конница подъ Петербургъ 11-го іюля и вступила, по приказанію коменданта, въ таборы свои на правомъ берегу Невы съ тѣмъ, чтобы тотчасъ-же по появленіи шведовъ переправиться на другой берегъ.

Не желая подпускать шведовъ на слишкомъ близкую дистанцію къ крѣпости и тѣмъ позволить имъ явиться хозяевами Березоваго острова (нынѣшняя Петербургская сторона), уже частью къ тому времени застроеннаго, Брюсъ спѣшно насыпалъ на островѣ въ ту-же ночь, на 12-е іюля, «линію у самаго берега (надо полагать, обращеннаго къ нынѣшней Выборгской сторонѣ) съ батареями», на которыя «довольное число пушекъ поставилъ». Тогда-же онъ отдалъ приказаніе поставить всѣ наличныя боевыя плавучія средства

на Большой Невѣ «въ удобномъ мѣстѣ къ непріятельскому отпору» [1]).

Тѣмъ временемъ, согласно указанію шведскаго источника, эскадра адмирала де-Пруа, состоявшая всего изъ одного линейнаго корабля, пяти фрегатовъ, пяти бригантинъ и одного брандера, задалась цѣлью разрушить Кронштотъ и овладѣть проходомъ въ устье Невы. Но у Кронштота она неожиданно встрѣтила 42 русскихъ галеры, семь фрегатовъ и другія суда, и подверглась, кромѣ того, и главнымъ образомъ, ожесточенному огню береговыхъ батарей острова Котлина. Эскадра отступила и, войдя въ связь съ генераломъ Майделемъ, стоявшимъ недалеко отъ р. Сестры, приняла на борты 1,000 человѣкъ пѣхоты для производства десанта на Котлинъ [2]).

О дѣлѣ этомъ, славномъ для русскихъ, происходившемъ до 12-го іюля, отечественные источники умалчиваютъ, надополагать не изъ скромности. Во всякомъ случаѣ можно сказать съ увѣренностью, что особаго вреда шведамъ наши береговыя Котлинскія батареи нанести не могли по той простой причинѣ, что таковыхъ батарей въ то время не имѣлось вовсе.

Нападеніе шведовъ на Петербургъ и Котлинъ было произведено 12-го іюля.

Утромъ этого дня на нынѣшней Выборгской сторонѣ появился генералъ Майдель съ отрядомъ до 8,000 человѣкъ и, установивъ орудія противъ позиціи Брюса, открылъ артилерійскій бой. Наши батареи и боевыя суда дружно отвѣчали на огонь противника. Четыре часа продолжалась перестрѣлка и привела Майделя къ убѣжденію, что не такъ-то легко сбить русскихъ съ занимаемыхъ ими позицій и что будетъ благо-

[1]) «Журналъ воинскаго поведенія» 1704 г., стр. 61, 142, 143 и 144. «Сборникъ документовъ» «Русской Старины», т. V, стр. 919.

[2]) Adlerfeld, t. II, pp. 159 и 160.

разумнѣе убраться изъ сферы поражаемости нашихъ пушекъ. Майдель отступилъ по той же дорогѣ, по которой пришелъ къ Петербургу [1]).

Въ этотъ же самый день шведы атаковали Котлинъ. По шведскому источнику дѣло это было для шведскаго оружія удачнымъ. Высланный съ ихъ кораблей на мелкихъ судахъ десантъ въ 1,000 человѣкъ съ лейтенантъ-полковникомъ Розе и маіоромъ Леіономъ, смѣлымъ натискомъ на 1,500 человѣкъ защитниковъ русскихъ батарей, одержалъ полную побѣду: всѣ русскія пушки стали трофеями шведовъ, а всѣ русскіе воины, до послѣдняго человѣка, сдались въ плѣнъ [2]).

Иначе повѣствуютъ о событіи источники русскіе.

12-го іюля въ виду Кронштлота стояла шведская эскадра, численностью до 40 большихъ судовъ: военныхъ и другихъ кораблей, между которыми имѣлись и суда бомбардирскіе, т. е. вооруженные мортирами. При этой эскадрѣ состояло и значительное количество судовъ мелкихъ. Вначалѣ непріятель ограничивался лишь спокойнымъ наблюденіемъ за Кронштлотомъ. Но вотъ на берегу, вблизи Петербурга, Майдель началъ стрѣлять «шведскимъ лозунгомъ»: онъ увѣдомлялъ де-Пруа о своемъ прибытіи и о намѣреніи немедленно атаковать новорожденную вражескую крѣпость. Тотчасъ же было отдано приказаніе о посадкѣ на мелкія суда десанта, и 50 лодокъ отдѣлилось отъ бортовъ эскадры, направляясь къ Котлину. Наши солдаты, оборонявшіе островъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи ничего кромѣ ружей, терпѣливо выжидали приближенія непріятеля. Лодки не могли пристать къ самому берегу; прибрежная мель заставила шведовъ начать высадку еще на водѣ, но уже на дистанціи, вполнѣ достижимой для русскихъ пуль. Дружный залпъ нашихъ солдатъ, причинившій

[1]) «Журналъ воинскаго поведенія» 1704 г., стр. 60.
[2]) Adlerfeld, t. II, p. 161.

серьезную убыль въ рядахъ десанта, а быть можетъ и неожиданность таковаго со стороны острова, казавшагося издали пустынным, произвелъ полное замѣшательство среди шведовъ. Высадившіеся люди бросились снова на лодки и десантъ вернулся къ своимъ кораблямъ.

Неудачу на островѣ шведы думали выместить на Кронштотѣ. Двое сутокъ бомбардировали они фортъ, «но ни единая бомба въ Кронштотъ не попала, понеже та крѣпость малая, а шведскіе бомбардирные корабли стояли въ дальнемъ разстояніи, и невозможно никакимъ образомъ бомбамъ съ корабля въ него трафить».

Подняли шведы паруса и скрылись съ горизонта [1]).

Не можетъ быть сомнѣнія, что источникамъ отечественнымъ надлежитъ придать бо́льшую вѣру. Если бы шведы явились обладателями Котлина хотя на время, врядъ ли бы они ушли оттуда, а выжить ихъ съ острова было бы болѣе нежели затруднительно, даже и не при тогдашнихъ силахъ Петербурга, находившагося къ тому же подъ давленіемъ Майделя. Оставаясь же на Котлинѣ и возведя батареи противъ Кронштота и водныхъ подступовъ къ нему изъ устьевъ Невы, они отрѣзали бы этотъ фортъ отъ Петербурга, тѣмъ самымъ заставили бы его сдаться и явились бы на извѣстное время полными хозяевами окна, столь любовно прорубленнаго Петромъ въ Европу. Удачный десантъ могъ бы перевернуть вверхъ дномъ всю кампанію 1704 года, т. е. задача, которую преслѣдовали де-Пруа и Майдель, была бы разрѣшена блестящимъ образомъ.

Отступленіе Майделя отъ Петербурга было результатомъ не только сознанія шведскимъ генераломъ безплодности по-

---

[1]) «Журналъ воинскаго поведенія» 1704 г., стр. 60; Голиковъ, т. II, стр. 495; «Журналъ П. В. барона Гизена—Сборникъ Туманскаго», С.-Петербургъ, 1787 г., т. III, стр. 431; «Журналъ 1704 года», стр. 145.

нытокъ къ овладѣнію крѣпостью, но и опасенія за собственную свою цѣлость. Шведы боялись перехода русскихъ отъ обороны къ наступленію: 24-го іюля Брюсъ писалъ Меншикову, что конный разъѣздъ изъ 200 астраханцевъ, посланный имъ на развѣдки о шведахъ, принесъ извѣстіе о нахожденіи Майделя за рѣкою Сестрою и о томъ, что «мосты всѣ, которые до рѣки Сестры, порублены, а иные разметаны» [1]).

Но опасенія шведовъ не оправдались, да и оправдаться не могли: въ распоряженіи Брюса было слишкомъ мало войскъ для активныхъ дѣйствій.

Не видя за собою погони, шведы воспрянули духомъ. Пробывъ нѣкоторое время около рѣки Сестры, они снова задумали потревожить русскихъ, но уже съ другой стороны. Въ точности планы ихъ неизвѣстны; имѣются, однако, основанія предположить, что Майдель думалъ укрѣпиться въ устьяхъ рѣки Охты, на развалинахъ уничтоженной русскими шведской крѣпости Ніеншанца. Отсюда онъ могъ угрожать Петербургу, Шлиссельбургу и переправою на лѣвый берегъ Невы. Правда, угрозы названнымъ пунктамъ не являлись особенно страшными, а переправа за Неву была операціей, сопряженной съ большою рискованностью. Но Майдель отлично сознавалъ, что занятіе его отрядомъ Ніеншанца и укрѣпленіе послѣдняго не могло бы не произвести переполоха въ средѣ русскихъ. Къ удаленію шведовъ отъ устьевъ Охты навѣрное были бы приняты энергичныя мѣры, для чего потребовалось бы отозвать часть войскъ съ западной границы Ингерманландіи. А къ этому только и стремился шведскій генералъ, выполняя возложенную на него миссію.

Въ первыхъ числахъ августа Майдель расположился «засадами» въ лѣсу, недалеко отъ Невы, приблизительно въ верстѣ ниже Ніеншанца. Попасть въ послѣдній онъ не могъ,

[1]) Собраніе документовъ «Русской Старины», т. V, стр. 911.

не располагая средствами для переправы черезъ Охту. 5-го августа къ нему прибылъ обозъ, телѣгъ съ сорокъ, «знатно, что съ запасомъ». Въ тотъ же день, передъ вечеромъ, прислалъ онъ къ Брюсу барабанщика съ письмомъ, въ которомъ требовалъ, чтобы комендантъ тотчасъ сдалъ ему Петербургскую крѣпость.

Цѣль этого страннаго посланія ясна: надо было отвлечь вниманіе Брюса отъ Ніеншанца, чтобы спокойно устроить переправу черезъ рѣку Охту и приспособить къ оборонѣ валы разрушенной крѣпости.

«Не угодно ли господину генералъ-поручику удалиться въ свою землю, а меня такимъ писаніемъ пощадить», отвѣчалъ Брюсъ, выступая къ Ніеншанцу съ частью гарнизона и пушками [1]).

По прибытіи къ мѣсту назначенія, Брюсъ тотчасъ же возвелъ батареи «гдѣ старый окопъ» [2]).

Указаніе мѣста расположенія этихъ батарей порождаетъ недоразумѣніе. Какъ понимать слово «старый», что значитъ «окопъ»? Если подъ опредѣленіемъ «старый» подразумѣвается *долголѣтній*, а подъ терминомъ «окопъ» — фортификаціонная насыпь вообще, то мѣсто таковой у Ніеншанца—это *старый валъ* къ востоку отъ крѣпости, на правомъ берегу Невы, за которымъ укрылись части нашего осаднаго корпуса при появленіи своемъ передъ Ніеншанцемъ въ 1703 году. Такъ и думаютъ многіе изслѣдователи петербургской старины; но мы придерживаемся другаго мнѣнія.

Болѣе нежели сомнительно, чтобы Брюсъ, при тогдашнихъ слабыхъ силахъ подъ Петербургомъ, рискнулъ занять позицію въ этомъ мѣстѣ. Попасть сюда, до появленія шведовъ у Охты, онъ конечно могъ; но выбраться отсюда обратно, послѣ под-

[1]) Устряловъ. «Матеріалы», т. IV, ч. II, стр. 317.
[2]) Тамъ же.

хода непріятеля, было бы ему болѣе нежели затруднительно, и не только на глазахъ у всего отряда Майделя, но и при наличности на правомъ берегу Охты, у Невы, хотя бы незначительной шведской партіи съ пушками. Это обратное движеніе могло быть троякаго рода: переправа на лѣвый берегъ Невы и движеніе тѣмъ берегомъ; переправа черезъ Охту и движеніе правымъ берегомъ Невы; наконецъ, движеніе водою на судахъ. Какъ переправы черезъ названныя рѣки, такъ и амбаркація вообще подъ близкими пушками шведовъ могли быть прямо пагубны для русскихъ. Такимъ образомъ, если бы Брюсъ занялъ позицію за крѣпостью Ніеншанцъ, на правомъ берегу Невы, онъ тѣмъ самымъ добровольно отрѣзалъ бы себя отъ Петербурга и далъ бы возможность Майделю, оставивъ небольшой наблюдательный отрядъ у Охты, вновь обрушиться на Петербургъ, страшно ослабленный гарнизонъ котораго, конечно, заперся бы въ крѣпости и предоставилъ бы шведамъ хозяйничать на нынѣшней Петербургской сторонѣ по желанію.

Гораздо правильнѣе не придавать въ разбираемомъ случаѣ опредѣленію «старый» характера долголѣтняго, а терминъ «окопъ» не смѣшивать съ терминомъ «валъ». «Старый окопъ» — это тотъ окопъ, который былъ возведенъ шведами въ 1702 году на лѣвомъ берегу Невы, противъ устья Охты, на мѣстѣ древнерусскаго посада Спасовщины. Расположеніемъ Брюса именно на лѣвомъ берегу Невы поясняются и дальнѣйшія дѣйствія тѣхъ дней.

Въ ночь на 6-е августа шведы приблизились къ Охтѣ и стали строить мостъ, вѣрнѣе готовить приспособленія для переправы, черезъ рѣку «за тѣмъ бастіономъ, который не разоренъ». Хотя бастіонъ этотъ и находился на другой отъ шведовъ сторонѣ Охты, все же благодаря излучинѣ рѣки, онъ прикрывалъ, вѣроятно, ихъ отъ нашихъ батарей лѣваго берега Невы. Вѣсть о томъ, что непріятель «работаетъ топорами», принесъ

нашъ секретъ, переправившійся черезъ Неву и засѣвшій въ развалинахъ Ніеншанца [1]).

Мы не нашли свѣдѣній о томъ, что происходило въ послѣдующіе затѣмъ три дня. Безспорно, что шведамъ удалось перебраться черезъ Охту; но обосноваться на развалинахъ Ніеншанца, совершенно открытыхъ для ядеръ Брюса, надо полагать, оказалось невозможнымъ. 9-го августа Майдель отступилъ по Корельской (Кексгольмской) дорогѣ, т. е. лѣвою стороною Охты [2]).

Тотчасъ по удаленіи Майделя, Брюсъ самолично направился въ покинутые шведами таборы въ Ніеншанцѣ, гдѣ нашелъ нѣсколько порубленныхъ плотовъ и гдѣ убѣдился, что отъ его батарей «было шведамъ не безъ урона» [3]).

Тѣмъ и окончилась попытка Майделя овладѣть въ 1704 году Петербургомъ или, по крайней мѣрѣ, вниманіемъ нашихъ операціонныхъ войскъ. За описанныя дѣла Брюсъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры [4]) и назначенъ петербургскимъ оберъ-комендантомъ.

---

[1]) Устряловъ. «Матеріалы», т. IV, ч. II, стр. 317.
[2]) Тамъ же, стр. 320.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, ч. I, стр. 261.

ГЛАВА VII.

Шведскія извѣстія о походѣ Арнфельда на Котлинъ въ зиму на 1705 годъ.—Сомнительность ихъ достовѣрности.—Слухи о блокадѣ береговъ Ингерманландіи.—Оборонительныя средства Петербурга.—Раздѣленіе этихъ средствъ на сухопутныя и морскія съ самостоятельными начальниками.—Обособленность адмиралтейства отъ флота.—Результаты шаткости административнаго устройства.—Выходъ флота къ Кронштоту.—Организація обороны Котлина.—Появленіе шведскаго флота.—Бои 4, 5, 6, 7 и 10 іюня.

Неудача 1704 года видоизмѣнила взгляды шведовъ на наши мѣропріятія въ устьяхъ Невы. Въ Стокгольмѣ начали сознавать, что пора, давно пора обратить серьезное вниманіе на «финское захолустье» и приложить тщательныя старанія къ возвращенію устьевъ Невы. Въ зиму съ 1704 на 1705 годъ въ Карльскронѣ производились дѣятельныя подготовленія для отпуска въ Финскій заливъ, тотчасъ по открытіи навигаціи, сильнаго военнаго флота. Тогда же были приняты мѣры къ усиленію корпуса Майделя.

Въ исторіи Ингерманландіи 1705 годъ особо знаменателенъ попытками шведовъ вновь утвердиться въ этомъ краѣ, оборонительныя средства котораго, благодаря движенію нашей арміи на выручку къ Августу II, къ тому времени значительно уменьшились.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію военныхъ дѣйствій весны и лѣта этого года, считаемъ не лишеннымъ интереса привести нижеслѣдующее свидѣтельство шведскаго историка—камергера Карла XII, Густава Адлерфельда, свидѣ-

тельство, признанное многими нашими историками за достовѣрное.

«На зиму съ 1704 на 1705 годъ, по удаленіи русской арміи за границы Ливоніи, Петръ оставилъ корпусъ войскъ, достаточно сильный для того, чтобы противопоставить его генералу Майделю, который командовалъ нашими (шведскими) войсками въ Финляндіи. Царь имѣлъ основаніе опасаться дѣятельности и отваги этого офицера, храбрость котораго была ему извѣстна со времени прошлой кампаніи. Хотя Майдель и не былъ въ состояніи дѣйствовать наступательно, все же онъ не хотѣлъ безполезно терять времени со своими войсками на зимнихъ квартирахъ и посему рѣшился произвести нѣкоторую операцію противъ врага. Царь, какъ мы уже говорили въ предыдущемъ году, приказалъ построить на островѣ Ретусааари (Котлинѣ), въ устьяхъ Невы, замокъ, названный Кронслотомъ, который сообщался съ городомъ, образовавшимся на острову и получившимъ наименованіе Кронштадта. Рѣшившись сдѣлаться обладателемъ этого мѣста и прекрасно понимая всѣ выгоды внезапныхъ дѣйствій, Майдель, въ концѣ января, отрядилъ Карла Арнфельда съ партіей войскъ, приказавъ ему слѣдовать неизвѣстными дорогами, дабы не быть обнаруженнымъ преждевременно.

«Арнфельдъ двинулся ночью, по льду, черезъ рукавъ моря, простиравшійся между Финляндіей и островомъ. Особенно темная ночь была причиною тому, что проводникъ заблудился на этой обширной, покрытой снѣгомъ равнинѣ, и провелъ отрядъ значительно позади замка, безъ обнаруженія послѣдняго. То же обстоятельство явилось причиною освѣдомленія русскихъ о нашемъ планѣ и дало имъ возможность подготовиться къ оборонѣ и направить въ замокъ 500 человѣкъ подкрѣпленія. Тогда же вся кавалерія и пѣхота, оставшаяся на островѣ, построилась въ боевой порядокъ въ новомъ городѣ Кронштадтѣ и во дворцѣ царя для отраженія нашего штурма.

«Арнфельдъ, зашедшій слишкомъ далеко для возвращенія безъ результатовъ, не смутился отъ плохого начала операціи и, повернувъ къ острову, атаковалъ на послѣднемъ врага съ такою смѣлостью, что заставилъ его очистить городъ. Непріятельская кавалерія спаслась бѣгствомъ, но пѣхота не могла избѣжать пораженія: бросившаяся къ замку, она была настигнута на льду и изрублена въ куски подъ самыми пушками форта. Гарнизонъ послѣдняго сдѣ-

лалъ вылазку на выручку своей пѣхоты, но былъ встрѣченъ не хуже, и его преслѣдовали въ рукопашномъ бою до рогатокъ и проруби во льду, которою, шириною въ три тоаза, непріятель окружилъ фортъ.

«Арнфельдъ хорошо видѣлъ, что не можетъ ничего предпринять противъ замка; онъ вернулся въ городъ, гдѣ сжегъ два затертые льдомъ портовые корабля, вооруженные 20—30 орудіями, и гдѣ захватилъ множество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ и фуража, обративъ въ пепелъ магазины, дворецъ царя, значительное количество домовъ, судовъ и другихъ построекъ русскихъ.

«Вскорѣ послѣ этого дѣйствія, генералъ Майдель отрядилъ къ сторонѣ Петербурга другую партію, которая сожгла нѣсколько кораблей, задержанныхъ льдомъ, и разорила большое пространство, предавая огню все, что возможно.

«Причиненный ущербъ могъ быть на дѣлѣ легко исправленъ русскими; но Майделю все-таки удалось опустошеніе, произведенное съ цѣлью стѣснить дѣйствіе непріятельскихъ войскъ въ ихъ собственной странѣ и помѣшать имъ предпринимать нашествія на наши провинціи, рискуя быть застигнутыми врасплохъ въ своихъ собственныхъ» [1]).

Итакъ, въ зиму 1704—1705 гг. шведы одержали надъ русскими серьезную побѣду и причинили намъ на Котлинѣ ущербъ великій: пожгли зимовавшіе тутъ корабли и другія суда, уничтожили портовыя сооруженія съ ихъ запасами, разграбили и предали огню городъ Кронштадтъ и даже самый дворецъ русскаго монарха.

Наши источники объ этомъ дѣлѣ умалчиваютъ; все же не подлежитъ никакому сомнѣнію, что камергеру Карла XII, вѣроятно находившемуся въ то время при особѣ короля и никогда не бывшему въ нигерманландскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, были сообщены свѣдѣнія, не имѣвшія ничего или очень мало общаго съ истиной.

Русскіе корабли, въ первые годы основанія Петербурга, никогда не зимовали у Кронштота: они отводились подъ защиту пушекъ Петербургской крѣпости [2]). Къ постройкѣ порта и портовыхъ сооруженій у Котлина было приступлено лишь

[1]) Adlerfeld, t. II, p. p. 387—391.
[2]) «Юрналъ 1705 года», стр. 26 и др. источники.

въ 1712 году [1]). Имя собственное Кронштадтъ впервые было произнесено 7-го октября 1723 года [2]). Появленіе шведовъ на Котлинѣ зимою не устрашало Петра не только въ разсматриваемый промежутокъ времени, но и годъ спустя: монархъ указывалъ въ концѣ 1705 года, что врагу нечего дѣлать на островѣ, почему нечего заботиться и объ оборонѣ послѣдняго въ зимнее время [3]).

Говоримъ съ твердою увѣренностью, что въ зиму 1704—1705 гг. Котлинъ представлялъ собою голую пустыню. Единственнымъ сооруженіемъ, которое могло быть возведеннымъ къ тому времени на островѣ, является лишь батарея противъ Кронштлота, которая, во всякомъ случаѣ, на зиму была разоружена и заброшена, подобно всѣмъ батареямъ, устроеннымъ въ слѣдующемъ году [4]). Есть основаніе предполагать, что эта батарея была построена лѣтомъ 1704 года, послѣ попытки де-Пруа форсировать проходъ въ устье Невы. Да и это основаніе зиждится лишь на томъ, что въ періодъ лѣтнихъ работъ 1705 года по укрѣпленію береговъ Котлина указанная батарея именуется иногда «старой» [5]).

Но оставимъ въ сторонѣ полемику со шведскимъ историкомъ и обратимся къ дѣйствительнымъ событіямъ той эпохи.

Первымъ извѣстіемъ угрожающаго для насъ характера явился пущенный шведами слухъ о намѣреніи ихъ блокировать берега Ингерманландіи и подорвать въ корнѣ зарождавшіяся тогда торговыя сношенія Россіи съ иностранными государствами.

Слухъ этотъ не могъ не смутить Петра, лелеявшаго идею

[1]) Елагинъ «Начало Кронштадта», стр. 10 и др. источники.
[2]) «Дневникъ Берхгольца». Москва, 1859 г., т. III, стр. 231.
[3]) «Письма и бумаги П. В.», т. III, стр. 467.
[4]) «Госуд. арх., каб. П. В.», отд. II, кн. 4, л. 144.
[5]) «Матеріалы для исторіи русскаго флота». С.-Петербургъ, 1865 г., т. I, стр. 67.

о приданіи новымъ морскимъ пристанямъ комерческаго значенія. «Царь до того горячо стремится, положить начало торговли Петербурга», доносилъ въ началѣ 1705 года своему правительству англійскій посланникъ въ Москвѣ, Чарльсъ Витвортъ, «что я надѣюсь обезпечить флотъ ея величества (англійской королевы Анны) всевозможными запасами на все время настоящей войны (изъ-за испанскаго наслѣдства) безпошлинно или за самую незначительную пошлину и притомъ безъ всякихъ обязательствъ съ нашей стороны, если Англія получитъ отъ Швеціи разрѣшеніе торговать съ однимъ изъ портовъ Балтійскаго моря, не осаждаемымъ и не блокируемымъ съ суши и съ моря въ данную минуту» [1]).

«Царю хотѣлось бы», читаемъ у того же корреспондента, «развить торговлю этого порта Балтійскаго моря; въ прошломъ году на Гудфело (англійскаго консула въ Москвѣ) дѣйствовали всѣми возможными средствами съ цѣлью склонить табачную компанію къ торговлѣ черезъ Петербургъ» [2]).

Но шведы были тверды въ своемъ рѣшеніи: они объявили во всеобщее свѣдѣніе, что будутъ захватывать всѣхъ купцовъ, которые направятся къ Петербургу или къ Нарвѣ.

«Не знаю», писалъ все тотъ-же Витвортъ, «насколько это поведеніе шведовъ можетъ быть оправдано статьей 11-й договора 1661 года, исключающею изъ раіона свободной торговли осажденные порты и мѣста. Можно усомниться, слѣдуетъ-ли признать осажденными только мѣста, атакуемыя или блокируемыя съ суши и съ моря въ надеждѣ вынудить ихъ сдачу голодомъ, или для примѣненія правъ, выговоренныхъ противъ осажденныхъ мѣстностей, достаточно присутствіе нѣсколькихъ кораблей, имѣющихъ цѣлью не разрушеніе или сдачу мѣстности, а только помѣху торговли нейтральныхъ державъ? Я

[1]) «Сборн. русск. истор. общ.», т. XXXIX, стр. 83.
[2]) Тамъ же, стр. 68.

еще менѣе способенъ рѣшить, какъ эскадра въ двадцать кораблей можетъ считаться блокирующею морской берегъ, который тянется, приблизительно, на шестьдесятъ англійскихъ миль, какъ берегъ Ингерманландіи» [1]).

Но угроза блокадою не исчерпывала опасности. Не оставалось сомнѣнія, что шведы не преминутъ перейти и къ болѣе активнымъ операціямъ. Петербургу грозила опасность быть атакованнымъ и слѣдовало принять надлежащія мѣры предосторожности.

Оборонительныя средства Петербурга находились въ то время въ рукахъ двухъ лицъ: средства сухопутныя, во всей ихъ совокупности и всецѣло, подчинялись Петербургскому оберъ-коменданту Роману Вильгельмовичу Брюсу; средства морскія, вѣрнѣе, собственно флотъ, былъ подчиненъ вице-адмиралу Корнилію Ивановичу Крейсу.

По званію оберъ-коменданта Брюсъ вѣдалъ всѣми крѣпостями Ингерманландіи, имѣя постоянное мѣстопребываніе въ Петербургѣ. Кромѣ гарнизоновъ крѣпостей, въ его распоряженіи находились и всѣ войска, расположенныя у новой столицы, на материкѣ и на островѣ Котлинѣ. Численность послѣднихъ можно опредѣлить къ лѣту 1705 года въ 9,000 пѣхоты и 4,000 конницы [2]). Въ Петербургской-же крѣпости имѣ-

[1]) Тамъ-же, стр. 98.

[2]) Установить съ точностью численность войскъ, находившихся подъ Петербургомъ къ лѣту 1705 года, затруднительно: прямыхъ для того указаній не имѣется. Основаніемъ-же для нашего вывода послужили слѣдующія руководящія данныя. По официальной справкѣ того времени, находящейся въ дѣлахъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, хранимыхъ въ архивѣ артиллерійскаго историческаго музея, 1-го іюля 1705 года навстрѣчу шведамъ, переправившимся черезъ Неву, была отправлена кавалерія и три пѣхотныхъ полка. Въ то-же самое время у Котлина было сосредоточено шесть пѣхотныхъ полковъ. Такимъ образомъ пѣхотныхъ полковъ было не менѣе девяти; думаемъ, именно девять, такъ какъ врядъ-ли при переправѣ шведовъ черезъ Неву ограничились направленіемъ противъ нихъ лишь части полевыхъ войскъ, стоявшихъ у крѣпости, которая располагала собственнымъ гарнизономъ. Численность каждаго полка неизвѣстна; но 14-го іюля у Толбухина на Котлинской косѣ было

лась значительная по численности резервная артиллерія и запасы шанцеваго инструмента.

Вице-адмиралъ Крейсъ былъ начальникомъ собранной въ устьяхъ Невы эскадры, сила которой опредѣляется къ веснѣ 1705 года англійскимъ посланникомъ Витвортомъ, лицомъ вообще всегда хорошо освѣдомленнымъ, въ 12 фрегатовъ, каждый съ 30-ю — 24-мя пушками, въ четыре бригантины, четыре брандера, семь галеръ и восемь судовъ болѣе мелкихъ [1]). Къ этой эскадрѣ, въ теченіе лѣта, прибывали разновременно новыя суда съ заладожскихъ верфей, частью поступавшія въ строй, частью остававшіяся у петербургскаго адмиралтейства для окончательнаго вооруженія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Крейсъ явился организаторомъ и обороны морскихъ подступовъ къ устьямъ Невы съ берега и, до нѣкоторой степени, начальникомъ береговой обороны Котлина. Говоримъ—до нѣкоторой степени, ибо разобраться въ вопросѣ о разграниченіи въ то время власти сухопутнаго и морского начальства представляется болѣе нежели затруднительнымъ [2]).

три полка, составлявшіе отрядъ въ 2,200 человѣкъ. Посему для пѣхотнаго полка мы беремъ среднюю численность въ 750 человѣкъ. Тогда въ полкахъ получится 6,750 человѣкъ. Собственно гарнизонъ крѣпости Петербурга все время разсматривается независимо отъ полковъ пѣхоты. Численность его также неизвѣстна. Знаемъ только, что на оборонительную линію по Аптекарскому острову къ 23-му іюня было выставлено, кромѣ нѣкоторыхъ пѣхотныхъ полковъ, еще 1,000 человѣкъ изъ гарнизона. Допуская, что изъ послѣдняго была взята половина, получимъ гарнизонъ въ 2,000 человѣкъ пѣхоты. Всего-же пѣхоты, вмѣстѣ съ гарнизономъ Кронштота, будетъ до 9,000 человѣкъ. Конницу составляли: Ингерманландскій драгунскій полкъ, выборная дворянская рота, татары, астраханцы, запорожцы и яицкіе казаки. Какова была ихъ численность, неизвѣстно. Однако, знаемъ, что 19-го іюня, въ двѣ недѣли, въ конницѣ пало 832 лошади—обнаружился «надежъ великій» на коней. Допускаемъ, что въ двѣ недѣли пало 20% всего наличнаго числа лошадей. Тогда получимъ конницы 4,000 (Архивъ артилл. музея, дѣла штаба ген.-фельдц., св. 4, л. 275; «Журналъ или поденная записка П. В.», Петербургъ, 1770 г., стр. 101—107; «Матеріалы» Устрялова, т. IV, ч. II, стр. 335, 336, 341).

[1]) «Сборн. русск. истор. общ.», т. XXXIX, стр. 58.

[2]) Подтвержденіемъ того обстоятельства, что Крейсъ не былъ въ 1705 году начальникомъ обороны острова Котлина въ томъ смыслѣ, какъ это мы пони-

Какъ мы уже видѣли, наиболѣе серьезная опасность грозила Петербургу съ моря. Уже въ февралѣ мѣсяцѣ Крейсъ освѣдомился, что шведы готовятъ въ Выборгѣ нѣкоторое количество прамовъ—плоскодонныхъ судовъ, предназначавшихся для вооруженія крупнокалиберною артиллеріею, средствъ, подобныхъ позднѣйшимъ плавучимъ батареямъ. Столь ранніе приготовленія непріятеля заставили вице-адмирала опасаться появленія шведовъ у Кронштота вскорѣ по открытіи навигаціи, заставили его озаботиться и принятіемъ соотвѣтственныхъ мѣръ къ предупрежденію опасности. Но въ послѣдней дѣятельности Крейсу пришлось считаться съ различными обстоятельствами крайне неблагопріятнаго характера: функція начальника эскадры точно выяснена не была; эскадра съ одной стороны, адмиралтейство съ другой, крѣпостное управленіе съ третьей, являлись учрежденіями, другъ отъ друга независимыми; взаимныя ихъ отношенія, права и обязанности не были установлены никакими правилами. Результаты шаткости административной организаціи, усугубленной отсутствіемъ объединяющаго начала—отъѣздомъ въ дѣйствующую армію главнаго начальника всѣхъ военныхъ силъ Ингерманландіи, мѣстнаго генералъ-губернатора, князя А. Д. Меншикова, не замедлили обнару-

маемъ теперь, могутъ послужить хотя бы слѣдующія его строки къ одному изъ пріятелей: «При семъ письмѣ до вашего благородія прилагаю экстрактъ принципіально, которое было отъ насъ противъ шведа 1705 г., изъ чего можно видѣть, что не Толбухина или другихъ въ то время работа была, но мой къ тому трудъ и счастіе нашего великаго монарха; о всѣхъ малыхъ дѣлахъ, какъ о фашинахъ и о другомъ не пишу, кромѣ главнаго о семъ дѣлѣ. Въ то время хотя мой особливый къ тому трудъ былъ, однакожъ, черезъ нѣкоторыхъ господъ украдя, мой респектъ отдали другому, который былъ полковникъ, а за мой трудъ повышенъ генераломъ-маіоромъ (намекъ на сухопутнаго начальника въ устьяхъ Невы—Брюса и на оборону Петербурга и Котлина въ 1704 году, намекъ пристрастный и несправедливый), который только видѣлъ шведа за нѣсколькое разстояніе, а въ дѣйство нимало не вступалъ. Можно видѣть изъ моего журнала, что полковникъ Толбухинъ и другіе ничего не чинили собою безъ моего указу, но все исполняли на сухомъ пути и на водѣ по даннымъ моимъ письменнымъ и словеснымъ указамъ». («Матеріалы флота», т. I, стр. 67).

житься. Горько жаловался Крейсъ, въ письмѣ своемъ отъ 2-го февраля къ генералъ-адмиралу Головину, на различные недочеты какъ въ средствахъ для подготовленія надлежащей обороны, такъ и въ отношеніяхъ къ нему со стороны мѣстныхъ органовъ. На 1,500 человѣкъ судовыхъ командъ, писалъ онъ, имѣется лишь 600 ружей, изъ которыхъ можно было бы стрѣлять, но и тѣ не въ порядкѣ: требуютъ починки, не имѣютъ кремней. Пошлетъ вице-адмиралъ ружья въ крѣпость—тамъ починять ихъ отказываются; надумаетъ привести ихъ въ порядокъ собственными силами, мастеровыми судовыхъ командъ—новое препятствіе: подъячіе адмиралтейства, въ отвѣтъ на требованія о выдачѣ «спастей для починки», «надъ тѣми офицерами, которые посылаются, въ смѣхъ притворяютъ». Невозможно достать и кремней для ружей; ни крѣпость, ни адмиралтейство таковыхъ не отпускаютъ.

Вице-адмиралу, проникнутому строгими порядками голландскаго флота, въ особенности претило чиновничество новорожденнаго адмиралтейства: «Нечестивое воздаяніе отъ пребывающихъ на адмиралтейскомъ дворѣ ко мнѣ, такожъ и къ офицерамъ», докладывалъ онъ Головину, «надобно вскорѣ премѣнить. Чаю я, что твоему превосходительству въ досажденіе, что я много жалуюся въ письмахъ, однакожъ мнѣ нельзя то покинуть, покамѣстъ на все, по статейно, противъ моихъ писемъ, въ намѣреніе положено будетъ: что дѣлу надлежитъ и для того, чтобы я впредки о томъ во осужденіи не былъ» [1]).

Но, несмотря на препятствія, Крейсъ съ трудной задачей справился: 22-го мая флотъ, состоявшій изъ восьми фрегатовъ, каждый съ 24-мя шестифунтовыми пушками, двухъ брандеровъ, пяти шнявъ, каждая съ 12-ю трехфунтовыми пушками, и нѣсколькихъ бригантинъ, съ вице-адмиральскимъ флагомъ на фрегатѣ «Дефамъ», вышелъ изъ Петербурга и сталъ

[1]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 48.

на якорь у Кронштлота въ слѣдующемъ порядкѣ (см. чертежъ) [1]). Поперекъ фарватера къ сѣверу отъ Кронштлота и вдоль послѣдняго къ западу, параллельно къ берегу Котлина, въ 250-ти саженяхъ отъ него, стали фрегаты; поперекъ-же фарватера, сзади фрегатовъ — шнявы; на правомъ флангѣ фрегатовъ, а также въ верстѣ отъ Кронштлота къ юго-западу отъ него — по одному брандеру; за правымъ флангомъ фрегатовъ, а также между лѣвофланговымъ брандеромъ и Кронштлотомъ — по двѣ галеры; наконецъ, въ тылу фланговъ и центра расположены были бригантины. Впереди фрегатовъ, поперекъ фарватера были установлены на якоряхъ плавучія рогатки [2]), то-есть, боны. Установка этого препятствія характерна въ отношеніи указанія на то обстоятельство, что въ оборонѣ подступовъ къ Петербургу наши суда наибольшихъ ранговъ были обречены на пассивную дѣятельность, почему самые фрегаты представляли собою ни что иное, какъ восполненіе пробѣловъ фортификаціонной обороны.

Численность судовыхъ командъ, не считая командъ бригантинъ и экипажа на галерахъ, простиралось до 1,400 человѣкъ; на галерахъ-же находилось до 1,500 человѣкъ, думаемъ два пѣхотныхъ полка [3]). Въ Кронштлотѣ имѣлся свой

[1]) Предлагаемый нами планъ, въ смыслѣ расположенія судовъ, представляетъ схематическую копію съ плана-рисунка, изданнаго въ Голландіи. Такая-же копія имѣется у Устрялова, у Ласковскаго, у Невѣжина и точная копія рисунка у Веселаго. Въ отношеніи-же расположенія береговыхъ укрѣпленій, мы позволили себѣ отступить отъ подлинника. Не ручаемся за вѣрность своего плана, но во всякомъ случаѣ утверждаемъ, что онъ ближе къ истинѣ, чѣмъ планъ голландскій.

[2]) «Журналъ Петра Великаго», стр. 101—107.

[3]) Въ дальнѣйшіе періоды Сѣверной войны, на галерахъ обыкновенно плавала пѣхота сухопутныхъ войскъ. Къ 23-му іюня у Котлина было пять полковъ. Толбухина, Петра...?, Мякишина, Трейдена и Гамильтона. Изъ нихъ полки Трейдена и Гамильтона были въ началѣ іюня у Петербурга и направлены для усиленія полковника Толбухина на Котлинѣ между 15-мъ и 20-мъ іюня; остальные-же три полка были у Кронштлота съ начала лѣта. Въ началѣ іюня, собственно на Котлинѣ былъ одинъ полкъ Толбухина; къ 23-му — изъ

постоянный гарнизонъ, а на островъ Котлинъ, собственно на косу этого острова, былъ высаженъ пѣхотный полкъ Толбухина съ тремя полковыми пушками [1]).

Первою мѣрою Крейса по прибытіи къ Котлину была организація сторожевой службы: въ юго-западную сторону отъ Кронштота высылались брантвахты, назначеніе которыхъ состояло, главнымъ образомъ, въ обереганіи флота отъ брандеровъ «или зажигательныхъ кораблей». На брандвахты высылались галеры и шнявы, мелкая осадка которыхъ дозволяла имъ становиться на якорь на глубинахъ мѣста въ 12—13 футовъ, недоступныхъ для большихъ парусныхъ судовъ противника. Кромѣ того, впереди брантвахтъ устанавливались на днѣ «ножныя остроги», задача которыхъ опредѣлялась Крейсомъ, въ письмѣ его къ царю, тѣмъ, «что буде кто похочетъ къ нимъ (брантвахтамъ) приближиться и такой можетъ себѣ ногу наколоть» [2]). Какого рода была эта искусственная преграда—сказать трудно. Но принимая во вниманіе расположеніе острогъ на глубинахъ въ 12—13 футовъ, думаемъ, что опредѣленіе «ножный» происходитъ не отъ слова *нога*, а отъ слова *ножъ* и что въ поясненіи Крейса о значеніи преграды кроется каламбуръ: игра словами проглядываетъ во многихъ письмахъ самого Петра, а сподвижники монарха нерѣдко стремились подражать ему и въ этомъ.

Управившись съ флотомъ, Крейсъ тотчасъ же высадился на Котлинъ съ цѣлью выбора береговыхъ артиллерійскихъ позицій. Въ то время на островѣ имѣлась лишь одна старая батарея, разоруженная и вѣроятно заплывшая, расположенная

пяти полковъ, на островѣ три. Такимъ образомъ, полки Петра...? и Мякинина очевидно все время были на галерахъ («Журналъ Петра Великаго», стр. 101—107; Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 261; «Матеріалы» Устрялова (т. IV, ч. II, стр. 335, 336 и 341).

[1]) «Журналъ Петра Великаго», стр. 101—107.

[2]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 60.

почти противу Кронштота. По расположенію этой батареи, ея роль исчерпывалась ближайшею обороною прохода между Кронштотомъ и берегомъ, почему особаго значенія ей придано не было. Являлось несравненно болѣе важнымъ обезпечить нашу эскадру и Кронштотъ отъ безнаказаннаго пораженія съ непріятельскихъ бомбардирскихъ судовъ, кои могли занять позицію на дистанціяхъ, плохо обстрѣливаемыхъ шестифунтовыми ядрами фрегатовъ. Съ этою цѣлью на западномъ флангѣ оборонительной линіи, на выдающемся съ берега «каменномъ мысу», тамъ, гдѣ находится нынѣ Цитадельская пристань, велѣно было «взметать» новую батарею. Къ работамъ по сооруженію послѣдней приступили 26-го мая, а завѣдываніе таковыми было поручено сыну вице-адмирала, молодому Ивану Крейсу [1]). Вѣроятно въ честь строителя, батарея получила названіе Ивановской. Въ то же самое время Толбухинъ возвелъ батарею для своихъ трехъ полковыхъ пушекъ на выдающейся части южнаго берега, около косы, фронтомъ на западъ (планъ-батарея Толбухина № 1-й [2]).

1-го іюня послѣдовало вооруженіе старой батареи и Ивановской. Сколько было установлено орудій на первой — не знаемъ; вооруженіе же второй исчерпывалось четырьмя шестифунтовыми пушками [3]).

Въ то время шведская эскадра была уже недалеко. По показаніямъ, даннымъ впослѣдствіи каютъ-юнгой шаутбенахта (контръ-адмирала) Шпара и другими плѣнными, въ воскресенье, 3-го іюня, шведскіе генералы рѣшили атаковать Кронштотъ на слѣдующій день, то есть 4-го числа, и двинуть въ 4 часа пополудни всѣ свои боевыя суда болѣе мелкой осадки, фрегаты и бомбардирскія, вверхъ по Невѣ, на приступъ къ

[1]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 59, 62.
[2]) «Журналъ Петра Великаго», стр. 101—107.
[3]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 60 и 62.

Петербургской крѣпости [1]). Тогда же и ту же крѣпость долженъ былъ атаковать съ сухого пути Майдель, также уже находившійся въ окрестностяхъ столицы. Шведскіе военачальники въ успѣхѣ не сомнѣвались: адмиралъ Анкерштернъ и генералъ-поручикъ Майдель «по рукамъ бились», что 4-го числа будутъ другъ друга чествовать въ Петропавловской крѣпости [2]).

Въ понедѣльникъ, 4-го іюня, въ седьмомъ часу утра, шведскій флотъ въ 22 вымпела бросилъ якоря въ пяти верстахъ отъ Кронштота [3]). Эскадра состояла изъ семи 64-хъ—54-хъ пушечныхъ фрегатовъ, двухъ шнявъ, двухъ бомбардирскихъ судовъ, двухъ брандеровъ, одного судна съ провизіей и двухъ 40 пушечныхъ прамовъ или плоскодонныхъ судовъ [4]); главное вооруженіе послѣднихъ составляли 24-хъ-фунтовыя пушки [5]). На бортахъ эскадры находилось 2,340 человѣкъ судовыхъ командъ; были здѣсь и рекруты, взятые изъ Ревеля [6]). На мачтахъ развивалось три флага: адмирала Анкерштерна, вице-адмирала де-Пруа и шаутбенахта Шпара.

Спускъ якорей былъ дѣломъ непредусмотрѣннымъ заранѣе. Эскадра, пользуясь попутнымъ WNW, шла на всѣхъ парусахъ и лишь «въ милѣ небольшой» отъ Кронштота усмотрѣла панораму и крайне неожиданную, и крайне непріятную: «ордеръ де-баталія» нашего флота заставила спѣшно убрать паруса и погрузить якоря.

Около 10-ти часовъ утра непріятель оживился. Шесть фрегатовъ, поднявъ паруса, двинулись на Кронштотъ и подошли къ самымъ плавучимъ рогаткамъ. Гостей встрѣтила Ивановская батарея и артиллерія галеръ, заставивъ фрегаты по-

[1]) Государственный Архивъ, Каб. П. В., Отд. II, кн. 4-я, л. 132.
[2]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 69.
[3]) Государ. Арх., Каб. П. В., Отд. II, кн. 4, л. 116.
[4]) «Журналъ Петра Великаго», стр. 101—107.
[5]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 69.
[6]) Adlerfeld, t. III, pp. 334, 535.

вернуть къ своему флоту [1]). Огонь былъ открытъ только съ Ивановской батареи и съ галеръ, во-первыхъ, по расположенію батареи на крайнемъ флангѣ; во-вторыхъ, по наличности крупной артиллеріи, преимущественно 24-хъ-фунтовыхъ пушекъ, только на галерахъ. Не долго продолжался бой, но все же у насъ успѣло раздуть одну галерную 24-хъ-фунтовую пушку. О замѣнѣ послѣдней усиленно просилъ Крейсъ Брюса, указывая, что на галеры «надежда великая» [2]).

Къ полудню непріятельская эскадра раздѣлилась на три отдѣленія: де-Пруа съ фрегатами и сотнею мелкихъ судовъ взялъ курсъ на капорскій (ораніенбаумскій) берегъ; Шпаръ съ тремя кораблями и нѣсколькими ботами приблизился къ западному мысу Котлина и сталъ засыпать снарядами рифъ Котлинской косы; Анкерштернъ двинулся съ остальнымъ флотомъ къ серединѣ нашей боевой линіи. Подалъ было Крейсъ сигналъ: галерамъ атаковать вражескіе фрегаты; но опасеніе въ возможности для шведовъ отрѣзать галерамъ путь отступленія, заставило нашего вице-адмирала отмѣнить приказаніе. Къ тому же Крейсъ сообразилъ, что операція де-Пруа имѣетъ лишь характеръ демонстраціи съ цѣлью вызвать наши суда изъ узкости и принять бой въ открытыхъ водахъ. Да и въ дѣйствительности шведскій десантъ ограничился на Копорскомъ берегу захватомъ нѣсколькихъ штукъ рогатаго скота и преданіемъ огню двухъ чухонскихъ усадьбъ. Къ солнечному закату непріятельскій флотъ вновь соединился на старой якорной стоянкѣ [3]).

Во вторникъ 5-го іюня, была изрядная погода при легкомъ W. Около 8-ми часовъ утра всѣ непріятельскіе корабли подняли якоря и одновременно распустили паруса. Анкер-

[1]) «Журналъ Петра Великаго», стр. 101—107.

[2]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 79.

[3]) «Журналъ Петра Великаго», стр. 101—107; «Матеріалы флота», т. I, стр. 62 и 63.

штернъ и де-Пруа стали приближаться къ нашей эскадрѣ; Шпаръ занялъ позицію съ юго-запада Котлинской косы, подойдя къ берегу столь близко, какъ то позволяла глубина мѣста.

На косѣ, какъ уже было сказано, стоялъ Толбухинъ съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ и тремя полковыми, 3-хъ-фунтовыми пушками. Жаркая артиллерійская канонада съ моря его не смутила, да и вреда принесла мало. Толбухинъ приказалъ своимъ людямъ залечь на берегу за естественными укрытіями и въ полномъ спокойствіи выжидалъ дальнѣйшихъ дѣйствій врага.

Въ 11-мъ часу отъ кораблей Шпара отдѣлилось до 80-ти плоскодонныхъ судовъ съ десантомъ и пошли на веслахъ къ берегу. Нѣкоторыя шлюпки стали уже приставать къ берегу; 128 шведскихъ гренадеръ, съ начальникомъ десанта, полковникомъ Нирodомъ, уже высадились на косу; за ними спѣшили прочіе люди десантнаго отряда съ рогатками. Но вотъ встали на ноги люди Толбухина; бѣглый огонь изъ ружей и картечь изъ трехъ пушекъ посыпалась на шведовъ почти въ упоръ; «непріятель пришелъ въ конфузію» и бросился стремительно и въ безпорядкѣ къ своимъ судамъ, нѣкоторыя изъ которыхъ были опрокинуты. Шведы оставили на берегу 40 человѣкъ убитыхъ и 31 плѣнныхъ; достался русскимъ и призъ въ видѣ одной шлюпки и восьми чухонскихъ ботовъ съ грузомъ рогатокъ, ручныхъ гранатъ, провіанта и проч. [1]).

Въ то время, какъ на косѣ происходила ожесточенная схватка, подъ Кронштотомъ, ни съ нашей, ни съ вражеской стороны, ничего особеннаго предпринято не было. На вопросъ, предложенный Крейсомъ шведскимъ плѣннымъ, «почему они избрали безоборонительное мѣсто» на косѣ, а не ата-

[1]) Государ. Арх., Каб. П. В., отд. I, кн. 19-я, л. 349; «Журналъ П. В.», стр. 101—107; «Матеріалы флота», т. I, стр. 69.

ковали Кронштотъ и нашу эскадру, шведы отвѣчали, что Анкерштернъ не рѣшался идти въ фарватеръ, казавшійся загражденнымъ потопленными судами: наши плавучія рогатки были приняты непріятелемъ за изломанныя мачты [1]).

Послѣ дѣла на косѣ Анкерштернъ обратился къ Майделю съ просьбою подкрѣпить его людьми для повторенія десантной операціи, но просьба эта уважена не была [2]).

Въ тотъ же день, т. е. 5-го іюня, на Ивановской батареѣ были установлены еще три 12-ти-фунтовыя пушки [3]).

6-го іюня, въ среду, шведы приступили къ ожесточенному бомбардированію нашей эскадры, Старой и Ивановской батарей. Отвратить опасность было бы трудно «потому», занесъ Крейсъ въ свой отчетъ, «что ихъ бомбардирные корабли не токмо въ линіи, но и позади ихъ воинскихъ кораблей стоятъ, до которыхъ мы нашими 6-ти-фунтовыми пушками, къ тому еще слабымъ порохомъ, не можемъ достать или имъ какой знатный вредъ приключить» [4]). Но «истинно надлежитъ то сказать, что Господь Богъ, дивнымъ дѣломъ, былъ» при защитникахъ Кронштота. День 6-го іюня начался тихою погодою и легкомъ N. Погода эта вполнѣ благопріятствовала развитію грознаго для насъ огня изъ мортиръ и тяжелыхъ пушекъ непріятельскихъ бомбардирскихъ судовъ. Одна вражеская бомба уже упала на палубу галеры «Св. Петръ», но трубка ея погасла сама собою, и снарядъ не причинилъ ни галерѣ, ни ея командѣ никакого вреда. Но вотъ мѣткость шведскаго огня стала все болѣе и болѣе ухудшаться. Причиною тому была рѣзкая перемѣна направленія и характера вѣтра: изъ слабаго N онъ перешелъ въ весьма свѣжій W, «и вода почала жестоко волновать и непріятелямъ многую помѣху

[1]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 69.
[2]) Adlerfeld, t. III, p. 536.
[3]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 69.
[4]) Тамъ же, стр. 78.

чинить». Бомбардирскія суда раскачались и приданіе орудіямъ необходимыхъ угловъ возвышенія перешло изъ рукъ артиллеристовъ на произволъ Нептуна. Значительные недолеты бомбъ чередовались съ неменьшими же перелетами, и шведы принуждены были спасовать передъ разыгравшейся стихіей, не причинивъ обороняющемуся особаго вреда. Вся наша убыль за этотъ день ограничилась однимъ убитымъ и шестью ранеными.

По поводу послѣдняго дѣла Крейсъ писалъ Роману Брюсу: «Мой господинъ! Здѣсь довольно есть куражу или смѣльства, но есть токмо недостатокъ въ способахъ. Ежели бъ я еще шесть добрыхъ 18-ти-фунтовыхъ пушекъ да двѣ добрыя гаубицы на моихъ батареяхъ имѣлъ, то чаялъ бы непріятеля принудить вскорѣ отъ бомбардированія своего престать» [1]).

Желаніе Крейса было исполнено: на другой же день, 7-го іюня, ему были присланы двѣ мортиры и двѣ 18-ти-фунтовыя пушки для установки ихъ на Ивановской батареѣ, а 9-го іюня изъ Петербурга выслали еще шесть большихъ пушекъ и двѣ мортиры. Вѣроятно, въ тотъ же промежутокъ времени къ Котлину было направлено нѣсколько новыхъ галеръ, прибывшихъ съ верфей. Во всякомъ случаѣ къ 10-му іюня галеръ было не менѣе семи [2]). Всѣ привезенныя орудія устанавливались на береговыхъ батареяхъ безъ помѣхи со стороны непріятеля: три дня, съ 7-го по 10-е число, шведы ничего не предпринимали; въ это время «непріятельскіе флагманы имѣли консиліи» [3]).

10-го іюня, въ воскресенье, шведы повторили атаку на защитниковъ Кронштота. Погода въ этотъ день стояла чудная, а легкій WNW вполнѣ благопріятствовалъ непріятельскимъ ма-

[1]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 78.

[2]) «Журналъ Петра Великаго», стр. 101—107; «Матеріалы флота», т. I, стр. 66, 70.

[3]) «Журналъ Петра Великаго», стр. 101—107.

неврамъ. Въ восьмомъ часу утра на нашемъ флотѣ и на шведскомъ, одновременно, шло богослуженіе. По окончаніи послѣдняго, въ 10-мъ часу, шведы подняли якоря и на всѣхъ парусахъ двинулись впередъ на нашу позицію. Корабль вице-адмирала де-Пруа держалъ курсъ прямо на фрегатъ нашего вице-адмирала «Дефамъ», показывая видъ, что хочетъ сразиться съ послѣднимъ на абордажъ. Но до этого дѣло не дошло. Подойдя къ нашему флоту и батареямъ на пушечный выстрѣлъ, шведы паруса убрали и бросили якоря. Середину ихъ боевой линіи заняли суда адмирала Анкерштерна, вице-адмиралъ де-Пруа занялъ позицію противу Кронштлота, а шаутбенахтъ Шпаръ—противу Ивановской батареи. Тотчасъ-же непріятель открылъ пушечный огонь, не принесшій, однако, нашимъ никакого вреда. Да и вообще атака шведовъ была уже для насъ не такъ страшна, какъ 6-го іюня, ибо на батареяхъ стояла болѣе сильная артиллерія, которая «жестоко докучала» противнику. Отбитые отъ Ивановской батареи, шведы направили фрегаты Шпара къ нашимъ рогаткамъ у Кронштлота, подвезли сюда-же свои бомбардирскіе корабли [1]) и открыли въ первомъ часу жестокій пушечный и мортирный огонь по Кронштлоту [2]).

Стрѣляли шведы неважно. Лучшими ихъ выстрѣлами были слѣдующіе: одну бомбу разорвало надъ фрегатомъ Крейса, но «черепья по обѣ стороны корабля пали»; двѣ бомбы упали у носовой части того-же корабля, но разорвались въ водѣ, давъ въ результатѣ лишь «великое качанье корабля»; наконецъ, одна бомба попала въ срубъ Кронштлота, недалеко отъ воды,

[1]) Въ эту эпоху въ береговой войнѣ бомбардирскіе корабли играли роль наиболѣе существенную. Они вооружались мортирами и 18-ти-фунтовыми пушками, огонь которыхъ позволялъ имъ бороться съ береговыми укрѣпленіями. Та-же задача была почти недоступна для кораблей и фрегатовъ, наибольшимъ калибромъ вооруженія которыхъ былъ 6-ти-фунтовый.

[2]) «Журналъ Петра Великаго», стр. 101—107; «Матеріалы флота», т. I, стр. 70.

и дала полный взрывъ «таково, что весь Кронштотъ потрясся».

Иначе характеризуетъ Крейсъ судовой огонь русскихъ: «Наши пушки съ кораблей таково мѣтко стрѣляли, будто изъ мушкетовъ, и намъ часто и многожды было мочно слышать, какъ ядра въ корабли непріятельскіе щелкали» [1]).

Между тѣмъ совершенно заштилѣло, то-есть погода обратилась въ наиболѣе благопріятную для развитія активныхъ дѣйствій помощью галеръ, передвигавшихся на веслахъ. Крейсъ распустилъ на своемъ кораблѣ красный флагъ — боевой сигналъ [2]) и приказалъ галерамъ атаковать непріятельскія бомбардирскія суда. Сталъ поднимать красный флагъ и Анкерштернъ, но, «не дотянувъ до топа, накижъ спустилъ» [3]). Смутили шведскаго адмирала результаты атаки галеръ: отъ огня послѣднихъ съ бомбардирскихъ судовъ стала летѣть вверхъ щепа и надо было озаботиться объ ихъ своевременномъ спасеніи; не до новаго боя было шведамъ. Едва спасъ непріятель названныя суда, отбуксировавъ ихъ къ большому флоту шлюпками со всѣхъ кораблей; да и то эта операція увѣнчалась успѣхомъ лишь благодаря тому обстоятельству, что мѣткости огня нашихъ галеръ сильно препятствовалъ страшный дымъ отъ пушечной пальбы съ фрегатовъ Шпара [4]).

По уходѣ бомбардирскихъ судовъ, наши галеры обратились на корабль вице-адмирала де-Пруа, «для чего принужденъ онъ съ своимъ кораблемъ завозомъ (якоря) выбираться и вся его эскадра отступить» [5]).

Къ $3^1/_2$ часамъ шведы совершенно прекратили огонь, «аки

[1]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 66.
[2]) «Госуд. арх., каб. П. В.», отд. I, кн. 38, л. 153.
[3]) «Журналъ П. В.», стр. 101—107.
[4]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 71 и 67.
[5]) «Журналъ П. В.», стр. 101—107.

бы вся и храбрость и великосердіе рукою отняло» [1]), но наши галеры продолжали обстрѣливать непріятеля до самаго вечера, пока не спущенъ былъ красный флагъ съ мачты фрегата Крейса [2]).

На ночь шведы отошли на свою старую позицію, въ пяти верстахъ отъ Кронштота. Всю ночь корабль ихъ вице-адмирала лежалъ на одномъ боку, залѣчивая раны борта, сильно поврежденнаго нашими галерами. Чинились и другіе непріятельскіе корабли; съ рифа Котлинской косы видѣли, какъ на одномъ только шведскомъ кораблѣ поставили семь заплатъ.

Починка эта, а также выгрузка мортиръ съ бомбардирскихъ судовъ — «для того, что оныя (суда) отъ нашихъ пушекъ разбиты» — продолжалась и весь день 11-го іюня [3]).

Наши потери 10-го іюня были не особенно значительны. Потеряли мы 13 человѣкъ убитыми, да ранеными 19; раздуло у насъ одну 18-ти-фунтовую пушку на берегу, да одну большую пушку на галерѣ [4]).

---

[1]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 71.
[2]) «Журналъ П. В.», стр. 101—107.
[3]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 67 и 66; «Журналъ П. В.», стр. 101—107.
[4]) «Журналъ П. В.», стр. 101—107; «Матеріалы флота», т. I, стр. 67.

ГЛАВА VIII.

Дальнѣйшія военныя дѣйствія у Котлина.—Бои 14-го и 15-го іюня и дѣйствіе Лѣсной батареи.—Прибытіе къ Кронштлоту нашихъ бомбардирскихъ шмаковъ и отступленіе шведскаго флота. — Атака Петербурга съ сухого пути. — Бой 23-го іюня.—Движеніе Майделя къ Шлиссельбургу.—Стычка у Ніеншанца.—Переправа шведовъ черезъ Неву.—Бой у устья Тосны.—Отступленіе Майделя къ Выборгу.—Посадка части шведской пѣхоты на суда эскадры.—Мѣры предосторожности на Котлинѣ.—Бой у Кронштлота 14-го іюля.—Окончательное отступленіе шведскаго флота.

11-го іюня къ Кронштлоту пришла вѣсть о движеніи на Петербургъ отряда Майделя, стоявшаго съ 4-го іюня въ пяти верстахъ отъ города. Тотчасъ-же въ Неву были отправлены двѣ шнявы и семь галеръ. Но дѣла имъ до поры до времени не представлялось: шведскій военачальникъ не рискнулъ атаковать крѣпость, да и самая тревога, вѣроятно, была фальшивая [1]).

Тѣмъ временемъ у Кронштлота царило относительное спокойствіе. Попробовали было шведы вновь подойти къ нашей оборонительной линіи въ четвергъ, 14-го іюня, но были встрѣчены такимъ жаркимъ огнемъ съ батарей «Старой» и Ивановской, что весьма скоро начали отступать на парусахъ и буксировкой [2]).

На какую достанцію шведы отступили, мы съ точностью

[1]) «Матер. Устрялова», т. IV, ч. II, стр. 335; «Журн. П. В.», стр. 101—107.
[2]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 67.

сказать не можемъ. Во всякомъ случаѣ указаніе нѣкоторыхъ источниковъ на занятіе ими старой стоянки, той, гдѣ находились они при приходѣ къ Котлину, другими словами, въ пяти верстахъ отъ Кронштлота, не вѣрно. Послѣдующія боевыя дѣйствія заставляютъ предполагать, что непріятельскій флотъ расположился въ непосредственной близости отъ Кронштлота, въ разстояніи дальняго орудійнаго выстрѣла отъ послѣдняго, отъ нашей эскадры и нашихъ батарей.

Пользуясь спокойными днями, Крейсъ дѣятельно распоряжался оборонительными работами на островѣ. Приказалъ онъ, между прочимъ, соорудить новую батарею на островѣ «тайно, въ лѣсу, къ водѣ, противъ корабля адмирала». На эту «Лѣсную» батарею поставили одну гаубицу, двѣ мортиры и шесть 6-ти-фунтовыхъ пушекъ, доставленныя еще 11-го іюня изъ Петербурга. Въ прикрытіе батареи былъ назначенъ баталіонъ пѣхоты, а ея начальнику данъ строгій приказъ не открывать огня до тѣхъ поръ, пока съ Ивановской батареи не раздастся два послѣдовательныхъ выстрѣла, по одному изъ пушки и изъ гаубицы; толко послѣ этого сигнала Лѣсная батарея должна была открыть непрерывный огонь, по-очередно изъ пушекъ и изъ мортиръ, и поддерживать его до тѣхъ поръ, пока снаряды будутъ достигать до цѣли [1]).

Въ тоже самое время нѣсколько усилено и вооруженіе другихъ батарей Котлина [2]).

Іюня 15-го, въ пятницу, въ десятомъ часу утра, въ гости къ вице-адмиралу Корнелію Ивановичу Крейсу пріѣхалъ петербургскій оберъ-комендантъ Романъ Вилимовичъ Брюсъ. Къ полудню «стала быть тишь великая, погода чистая». Непріятель «всѣ свои паруса распустилъ для сушенья», а ихъ адмиральскіе флагманы съѣхались на корабль шаутбенахта

[1]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 71.
[2]) «Журналъ П. В.», стр. 101—107.

Шпара. Тамъ шелъ, очевидно, миръ: «на литаврахъ и трубахъ довольно играли». Предложилъ своему гостю чарку водки и Крейсъ, на своемъ фрегатѣ, пригласивъ къ завтраку и нѣкоторыхъ офицеровъ. Откушавъ, вице-адмиралъ обратился къ Брюсу съ просьбой сѣсть съ нимъ въ лодку. Здѣсь крылся умыселъ показать генералу, «что шведскій адмиралъ свои марсъ-зейльсы спуститъ, респекту ради россійскаго флага».

Подъ звуки шведскихъ литавръ и трубъ отъ нашего флагманскаго фрегата отчалило нѣсколько шлюпокъ съ генераломъ, вице-адмираломъ, сыномъ послѣдняго и офицерами, бывшими на завтракѣ. Шлюпки направились къ Ивановской батареѣ и скоро достигли послѣдней.

Непріятель, по-прежнему, былъ «въ великой прохладѣ и увеселеніи»; но во вражескій адмиральскій корабль уже наводились одна пушка да гаубица, наводились по приказанію Крейса, отдавшаго этотъ приказъ по секрету отъ гостей, посѣтившихъ батарею. Раздалось два послѣдовательныхъ выстрѣла, обратившихъ взоры офицеровъ на море. Пушечное ядро не дошло до цѣли, но «изъ гаубицы трафило такъ, что съ адмиральскаго корабля рѣзныя галдареи сшибло». Эти два выстрѣла были лишь сигналомъ для Лѣсной батареи, о существованіи которой, какъ уже сказано, шведы не знали. Частый и мѣткій огонь пушекъ и мортиръ послѣдней, направленный по адмиральскому и шаутбенахтскому (контръ-адмиральскому) кораблямъ, не замедлилъ привести непріятеля «въ непзрѣченную конфузію и алтерацію (волненіе)». Стремглавъ спустивъ паруса, шведы тотчасъ-же приняли мѣры, чтобы отбуксировать свои суда изъ сферы поражаемости нашихъ батарей: «тринадцать шлюпокъ и ботовъ пришло къ адмиралу Анкерштерна кораблю, а не буксировали его: ни впередъ, ни назадъ тащили. Адмиралъ былъ принужденъ канаты свои отпустить и трудились всѣми мѣрами, чтобъ имъ отъ нашихъ пушекъ и гаубицъ отступить свободно, чтобъ до

нихъ не доносило». Наконецъ, труды непріятеля увѣнчались успѣхомъ: недолеты снарядовъ побудили прекратить огонь.

«Комендантъ Брюсъ», писалъ Крейсъ, «зѣло радостенъ и доволенъ былъ о такой малой, однакожь, благополучной акціи» [1].

Съ 16-го по 21-е іюня, непріятель, стоя поперекъ фарватера, отъ нашей линіи въ трехъ верстахъ, занимался починкою своихъ кораблей и не тревожилъ защитниковъ Котлина [2].

Въ этотъ промежутокъ времени на косу Котлина, къ полковнику Толбухину, было отправлено 12 шестифунтовыхъ пушекъ съ запасомъ въ 150 картечей и 300 ядеръ на орудіе и съ командою артиллерійской прислуги — 120-ю матросами при поручикѣ Гильсонѣ. Изъ этихъ орудій двѣ пушки были установлены на батареѣ № 1, а для остальныхъ десяти возведена была новая батарея № 2-го, противу мѣста десанта 5-го іюня. Всѣ вообще орудія положены на лафеты «въ родѣ саней» для возможности перетаскивать ихъ съ мѣста на мѣсто [3], и есть основаніе предполагать, что батарея № 2-го была устроена на два фронта: однимъ фронтомъ батарея, разсчитанная на десять орудій, дѣйствовала по южному фарватеру, вмѣстѣ съ батареей № 1-го; другимъ фронтомъ, на пятнадцать перемѣщенныхъ орудій—10 своихъ и пять съ батареи № 1-го—по сѣверному фарватеру.

Тогда-же, по распоряженію петербургскаго оберъ-коменданта, на Котлинѣ и у Котлина (на галерахъ) было сосредоточено шесть пѣхотныхъ полковъ [4].

21-го іюня, въ четвергъ, въ устьяхъ Невы показались шедшіе по теченію рѣки изъ Петербурга два новые бомбар-

[1]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 73; «Журналъ П. В.», стр. 101—107.
[2]) «Журналъ П. В.», стр. 101—107.
[3]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 74.
[4]) «Арх. Артиллер. музея», св. 4, л. 275.

дирскіе шмака [1]). Крейсъ тотчасъ-же выслалъ имъ на встрѣчу шлюпки, для буксированія ихъ къ флоту, а по прибытіи шмаковъ къ эскадрѣ, далъ сигналъ галерамъ, вынимать якоря. Всѣ эти маневры были своевременно замѣчены шведами, не пожелавшими, однако, принять атаку русскихъ судовъ. Распустивъ паруса и пользуясь вполнѣ попутнымъ вѣтромъ (фордевиндъ), они пошли по направленію къ рейду БіоркъЭ (Березовые острова). Лишь одинъ плоскодонный фрегатъ непріятеля, вооруженный 24-хъ-фунтовыми пушками (прамъ), нѣсколько отдѣлился отъ эскадры, приблизился къ батареѣ Толбухина № 1-й, далъ залпъ изъ орудій праваго борта, повернулся, далъ второй залпъ лѣвымъ бортомъ, снова повернулся и пошелъ за флотомъ, пустивъ на прощаніе въ батарею снаряды изъ своихъ двухъ кормовыхъ пушекъ [2]).

Потерпѣвъ неудачу на водѣ, шведы рѣшили сдѣлать попытку къ овладѣнію Петербургомъ съ суши.

Какъ мы упоминали уже, сухопутный отрядъ генерала Майделя предназначался для атаки Петербургской крѣпости 1-го іюня, въ день, когда верки послѣдней должны были бомбардироваться эскадрой Анкерштерна, вошедшей въ Неву съ моря и разрушившей, по пути, Кронштлотъ. Но, вслѣдствіе неудачныхъ результатовъ дѣйствій этого адмирала, Майдель ограничился высылкою на Каменный островъ отряда въ 1,000 человѣкъ пѣхоты и 900 конницы, который сжегъ тамъ три деревни, и въ тотъ-же день, 4-го іюня, вернулся обратно. Послѣ этого Майдель отступилъ отъ Петербурга на 25 верстъ [3]), гдѣ и простоялъ двѣ недѣли. Лишь однажды выслалъ онъ впередъ рекогносцировочный отрядъ конницы, дошедшій до

[1]) Шмакъ—судно, собственно грузовое, длиною въ 74—90 футовъ, двухмачтовое; по иногда, какъ и въ разсматриваемомъ случаѣ, шмаки вооружались крупно-калиберною артиллеріею.

[2]) «Журналъ П. В.», стр. 101—107; «Матеріалы флота», т. I, стр. 73.

[3]) «Юрналъ 1705 года, стр. 22.

Ніеншанца. Съ нашихъ батарей, «гдѣ стоятъ черкасы», т. е. съ батарей лѣваго берега Невы противъ устья Охты, гостей встрѣтили ядрами. Дѣло было кратковременное и незначительное, но характерное въ смыслѣ указанія на организацію матеріальной части нашей тогдашней артиллеріи: тотчасъ по открытіи огня «олонецкаго литья двѣ пушки разорвало и пушкаря убило».

Въ этотъ самый день Майдель двинулся впередъ, но, не дойдя до Невы версть на пять, остановился въ лѣсу [1]).

По полученіи извѣстія о движеніи шведовъ, Брюсъ, стремясь обезпечить отъ врага городъ, спѣшно закончилъ работы по устройству непрерывной передовой оборонительной линіи по ингерманландской сторонѣ, отъ погребовъ Меншикова «мало, что не до морского устья», т. е. отъ угла, составляемаго Невой и Большой Невкой по линіи береговъ нынѣшнихъ Петербургской стороны и Аптекарскаго острова, лежащихъ противъ Выборгской стороны, противъ Каменнаго и противъ Крестовскаго острововъ. На линіи этой были установлены орудія и размѣщены три пѣхотныхъ полка, 1,000 человѣкъ изъ крѣпостнаго гарнизона, четыре сотни драгунъ и выборная драгунская рота. Остальные драгуны и иррегулярная конница, которой командовалъ Бахметевъ, была поставлена на лѣвомъ берегу Невы, противъ Ніеншанца, съ приказаніемъ «разъѣзды чинить до Шлютенбурга». Въ Ніеншанцѣ-же былъ поставленъ секретъ изъ нѣсколькихъ запорожскихъ казаковъ [2]).

23-го іюня, въ субботу, шведы, построивъ мосты и собравъ въ окрестностяхъ лодки, переправились черезъ Большую Невку на Каменный островъ, а ночью подошли къ Малой Невкѣ съ цѣлью переправиться на Аптекарскій островъ. Уви-

---

[1]) Устряловъ. «Матеріалы», т. IV, ч, II, стр. 335.

[2]) Арх. Артиллер. музея, св. 8, л. 264; Устряловъ. «Матеріалы», т. IV, ч. II, стр. 336.

дѣвъ на противоположной сторонѣ Малой Невки русскіе окопы, Майдель приказалъ насыпать у берега четыре батареи и вооружилъ ихъ орудіями. Завязалась артиллерійская и ружейная перестрѣлка, продолжавшаяся цѣлую ночь. «Черезъ многую нашу стрѣльбу, на утренней зарѣ непріятеля съ Каменнаго острова сбили и съ великимъ поспѣшеніемъ ушелъ онъ на Выборгскую сторону», т. е. къ сторонѣ Выборга, за Большую Неву.

По уходѣ шведовъ съ Каменнаго острова, туда переправился самъ Брюсъ для осмотра работъ непріятеля. Послѣдній оставилъ на островѣ нѣсколько тысячъ туровъ и фашинъ, вѣроятно, предназначавшихся для осадныхъ работъ подъ Петербургомъ, а «по признакамъ онъ ушелъ не безъ урону» [1]). Впослѣдствіи отъ переметчиковъ узнали, что въ одномъ полку Майделя убито шесть офицеровъ и 30 солдатъ, да и въ другихъ не малое количество [2]). Шведскіе батареи, туры и фашины были уничтожены и на Каменномъ островѣ оставили крѣпкій караулъ [3]).

Сбитый съ Каменнаго острова, Майдель перешелъ къ Ніеншанцу, гдѣ оставилъ часть своего отряда, двинувшись съ остальнымъ войскомъ по направленію къ Шлиссельбургу. У Ніеншанца, «не въ одномъ мѣстѣ», шведы насыпали батареи, вооружили ихъ [4]) и, надо полагать, построили наплавной мостъ черезъ Охту.

По полученіи извѣстія о занятіи шведами развалинъ Ніеншанца и объ укрѣпленіи окрестностей послѣдняго, Брюсъ, оставивъ Петербургъ на попеченіе его гарнизона, перевелъ всѣ остальныя войска въ бывшій посадъ Спасовщину, противъ устья Охты, направилъ сюда-же двѣ шнявы, присланныя

[1]) «Госуд. арх., каб. II. В.», отд. I, кн. 19, л. 351.
[2]) Устряловъ. «Матеріалы», т. IV, ч. II, стр. 342.
[3]) Тамъ-же, стр. 337.
[4]) Тамъ-же, стр. 341.

Крейсомъ, усилилъ вооруженіе батарей у названнаго посада и выслалъ вверхъ по Невѣ, лѣвымъ ея берегомъ, часть низовой конницы съ Бахметевымъ. 1-го іюля онъ приказалъ переправиться на правый берегъ Невы, надо полагать, западнѣе рѣки Охты, тысячѣ человѣкъ пѣхоты и отряду конницы Путятина. Тотчасъ по высадкѣ нашихъ, шведы зажгли въ Ніеншанцѣ маякъ и шесть ротъ ихъ кавалеріи двинулись рысью на нашу конницу, нѣсколько отдѣлившуюся отъ пѣхоты. Отъ взоровъ Брюса не укрылся и другой маневръ противника: въ обходъ нашему отряду двинулось значительное количество шведской пѣхоты, скрытнымъ образомъ, черезъ лѣсъ. Путятину былъ посланъ приказъ отступить къ пѣхотѣ; нашимъ батареямъ и шнявамъ — изготовиться къ открытію огня тотчасъ по приближеніи шведской кавалеріи на пушечный выстрѣлъ. Мѣткій артиллерійскій огонь привелъ шведскую конницу въ замѣшательство, а новый маякъ, запылавшій у Ніеншанца, былъ сигналомъ къ возвращенію отрядовъ за Охту [1]).

Но и нашему отряду пришлось возвратиться на ингерманландскую сторону: гонецъ отъ Бахметева привезъ Брюсу извѣстіе о переправѣ Майделя черезъ Неву, въ 12-ти верстахъ отъ Шлиссельбурга, «съ знатною частью войска» и объ устройствѣ имъ у мѣста переправы новыхъ батарей на правомъ берегу и окопа на лѣвомъ [2]).

Извѣстіе это, въ связи съ бездѣйствіемъ шведскаго флота, стоявшаго въ то время на рейдѣ въ БіоркъЭ и ограничивавшагося повременными высылками къ Котлину развѣдочныхъ судовъ, крайне смутило Петербургскаго оберъ-коменданта. «Признаваю», доносилъ онъ Меншикову, «что съ флота у него

[1]) Устряловъ. «Матеріалы», т. IV, ч. II, стр. 342.
[2]) «Госуд. арх., каб. II. В.», отд. I, кн. 19, л. 352.

(Майделя) будетъ прибавокъ, для того, что такъ смѣло и пушками раздѣлился, и наступаетъ смѣло» [1]).

Одновременно съ высылкою на встрѣчу къ врагу всѣхъ наличныхъ воинскихъ силъ, о дѣйствіяхъ которыхъ скажемъ ниже, Брюсъ принялъ цѣлый рядъ зависѣвшихъ отъ него мѣръ предосторожности, значеніе которыхъ можетъ быть пояснено лишь опасеніемъ движенія Майделя въ глубь страны.

Съ Котлина былъ вытребованъ полкъ пѣхоты [2]); къ Мирону Бошневу, которому велѣно было еще въ началѣ іюня выступить къ Петербургу изъ Новгорода со своимъ стрѣлецкимъ полкомъ и шестью стами рекрутъ, посланъ гонецъ съ приказомъ о перемѣнѣ маршрута съ прямаго на болѣе кружный, но и болѣе безопасный; изъ Ладоги велѣно «пороховую казну» перевести на судахъ въ Новгородъ; запасную артиллерію, имѣвшуюся въ томъ же пунктѣ, приказано «убрать в воду или землю» [3]); посланъ гонецъ даже въ Лодейное Поле съ предупрежденіемъ, чтобы жили тамъ на сторожѣ [4]).

Не меньшее впечатлѣніе произвела демонстрація Майделя и на самого Петра. Освѣдомившись о послѣдней, Царь немедленно отдалъ повелѣніе о высылкѣ въ Ингерманландію возможно большаго числа войскъ изнутри страны и о разсылкѣ всѣхъ плѣнныхъ шведовъ по городамъ «въ крѣпкія мѣста»; людей начальныхъ велѣно было заточить, а рядовыхъ перековать. Мѣру эту монархъ мотивировалъ затянувшимися переговорами о картели (обмѣнъ плѣнныхъ) [5]), но, думается, цѣль столь жестокой мѣры заключалась въ устрашеніи шведовъ и въ отбитіи у нихъ охоты тягаться съ русскимъ оружіемъ въ областяхъ, гдѣ успѣхи послѣдняго обратили уже въ

[1]) Устряловъ. «Матеріалы», т. IV, ч. II, стр. 341.
[2]) Тамъ же.
[3]) Архивъ артил. музея, св. 4, л. 274.
[4]) Устряловъ. «Матеріалы», т. IV, ч. II, стр. 271.
[5]) «Письма и бумаги И. В.», т. III, стр. 371.

плѣнныхъ не одну сотню врага и гдѣ воинскій духъ противника и безъ того уже не могъ не быть потрясеннымъ [1]).

Но не такъ страшны были дѣйствія Майделя, какъ то казалось по началу.

Черезъ Неву переправилось до 8,000 шведской конницы и пѣхоты, а на встрѣчу къ нимъ были высланы ингерманландскіе драгуны, низовая конница Дмитрія Бахметева, казаки Михаила Зажарскаго и три полка пѣхоты [2]); конница шла сухимъ путемъ, пѣхота плыла въ лодкахъ [3]). Подойдя къ рѣкѣ Тоснѣ, наша конница увидѣла непріятельскую кавалерію на другомъ берегу этой рѣки. Завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся до прибытія нашей пѣхоты, послѣ чего шведская кавалерія отступила [4]). Брюсъ, прибывшій съ пѣхотой, дви-

[1]) Слѣдуетъ, между прочимъ, замѣтить, что вообще обхожденіе русскихъ съ плѣнными шведами было въ то время крайне гуманное, рѣзко отличавшееся отъ таковаго же обхожденія шведовъ съ нашими плѣнными. Такъ, 16-го сентября 1705 года Крейсъ доносилъ царю, что получилъ письмо отъ Аникерштерна съ благодарностью за хорошее обращеніе съ плѣнными. (Устряловъ. «Матеріалы», стр. 355). Заботы о соотвѣтственномъ ихъ размѣщеніи и продовольствіи составляютъ тему не одного современнаго документа. (Архивъ артилл. музея, св. 4, л. 297 и др.). Наконецъ характернѣе всего данный вопросъ освѣщается донесеніемъ своему правительству англійскаго чрезвычайнаго посланника въ Москвѣ въ маѣ 1705 года.

Какъ-то Петру доложили, пишетъ Витвортъ, что въ кампанію 1704 года шведы захватили въ плѣнъ, вмѣстѣ съ саксонцами, 45 человѣкъ русскихъ, обрѣзали имъ по два пальца на правой рукѣ и отпустили на родину. «Глубоко взволнованный такимъ поступкомъ, царь публично заявилъ, что хотя шведы и стараются выставить его и русскій народъ варварами и плохими христіанами, онъ можетъ призвать весь міръ и преимущественно тысячи шведовъ, находящихся въ плѣну въ Россіи, свидѣтелями, что никогда, ни съ однимъ изъ непріятелей не обращался такъ недостойно. Онъ прибавилъ, что бѣдныхъ солдатъ ему, конечно, жаль; но поступокъ шведовъ выгоденъ для него: онъ намѣренъ зачислить въ каждый полкъ по одному изъ пострадавшихъ, какъ живой образецъ товарищамъ, что можно ожидать отъ безпощаднаго врага въ случаѣ плѣна или пораженія». («Сборникъ русск. истор. общ.», т. XXXIX, стр. 80).

[2]) Архивъ артилл. музея, св. 4, л. 275.

[3]) Государ. Арх., Каб. П. В., отд. I, кп. 19, л. 352.

[4]) Устряловъ. «Матеріалы», т. V, ч. II, стр. 342.

нулся далѣе, атаковалъ непріятельскій окопъ въ мѣстѣ переправы на лѣвомъ берегу Невы, принудилъ шведовъ спѣшно перебраться обратно за рѣку и самъ приступилъ къ переправѣ на Корельскую сторону.

И эта операція, надо полагать, поддержанная двумя находившимися въ распоряженіи Брюса шнявами, удалась блистательно; согласно нашимъ официальнымъ источникамъ, русскіе одержали полную побѣду надъ Майделемъ и на правомъ берегу рѣки, воздержавшись, однако, отъ преслѣдованія противника.

Шведскій генералъ, оставивъ поле битвы, двинулся подъ Шлиссельбургъ, натолкнулся здѣсь, у Пильной мельницы на рѣкѣ Черной, на малый «транжементъ», гдѣ засѣло 200 человѣкъ русскихъ, три дня билъ послѣдній изъ пушекъ, пробовалъ штурмовать окопъ, но не одолѣлъ нашей заставы и отступилъ на шесть миль къ Выборгу.

«Видя, что ничего не можетъ противъ Петербурга сухимъ путемъ сдѣлать», Майдель послалъ свою пѣхоту въ распоряженіе адмирала Анкерштерна и успокоился на все дальнѣйшее время кампаніи 1705 года [1]).

Между тѣмъ «отъ пойманныхъ мужиковъ» увѣдомились наши на Котлинѣ, что въ непріятельскомъ флотѣ, стоявшемъ на якорѣ въ Біоркъ'Э, идутъ приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ: много мелкихъ судовъ набрано, много плотовъ навязано [2]); очевидно, новый десантъ грозитъ острову.

Ожидая со дня на день прибытія въ Петербургъ съ верхнихъ верфей различныхъ судовъ, «которыя уже сухія мѣста (мелководье) прошли», судовъ, надо полагать, еще не вооруженныхъ и въ достаточной степени не снаряженныхъ, но имѣвшихъ судовыя команды, Крейсъ отдалъ приказаніе вы-

[1]) Государ. Арх., Каб. П. В., отд. I, кн. 19, л. 352, 345.
[2]) «Журналъ П. В.», стр. 100—107.

слать послѣднія, численностью въ тысячу человѣкъ, къ Котлину [1]). Это позволило освободить часть сухопутной пѣхоты отъ службы на галерахъ и усилить полковника Толбухина на Котлинской косѣ: въ его распоряженіи оказалось уже три пѣхотныхъ полка, общею численностью въ 2,200 человѣкъ [2]). Высланъ былъ ему же и шанцевый инструментъ, съ приказаніемъ соорудить «транжаментъ» [3]). Усилено было также вооруженіе батареи Толбухина № 2 до 15-ти 6-ти-фунтовыхъ пушекъ [4]).

Готовясь къ отраженію десанта, не забывалъ Крейсъ и своей морской позиціи. Въ ста саженяхъ передъ Кронштотомъ, вице-адмиралъ «нѣкакихъ машинъ подъ воду приказалъ утопить», какъ средство противъ непріятельскихъ брандеровъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы надъ этою искусственною преградою оставалось воды до 4-хъ футовъ; два бомбардирскихъ корабля, каждый съ тремя мортирами, поставилъ ниже Кронштота, т. е. мористѣе [5]); на сѣверномъ и южномъ фарватерахъ велѣлъ установить массу фальшивыхъ вѣхъ, «чтобы непріятеля тѣмъ приманить, какъ бы посадить ихъ на мель» [6]).

«Тако мы нынѣ въ добромъ уставѣ», донесилъ Крейсъ царю, «что можемъ водяной ходъ поперекъ и вдоль изъ пушекъ бить и бомбами метать съ батареи Санктъ-Янъ (Ивановской), такожъ изъ тѣхъ (бомбардирскихъ) двухъ кораблей довольно» [7]).

10-го іюля, во вторникъ, на сѣверный фарватеръ пришли три непріятельскіе фрегата и двѣ шнявы. То былъ рекогносцировочный отрядъ, явившійся для осмотра косы Котлина и

[1]) Государ. арх., каб. П. В., отд. II, кн. 4, л. 136.
[2]) Тамъ же, отд. I, кн. 19, л. 345; «Журналъ П. В.», стр. 101—107.
[3]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 74.
[4]) Госуд. арх., каб. П. В., отд. II, кн. 4, л. 136.
[5]) Тамъ же.
[6]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 74.
[7]) Госуд. арх., каб. П. В., отд. II, кн. 4, л. 136.

ограничившійся передъ уходомъ двумя залпами по батареѣ Толбухина № 2. «Имъ добрый отвѣтъ назадъ чинили», причемъ у насъ разорвало одну 6-ти-фунтовую пушку, однако, безъ вреда для артиллерійской прислуги [1]).

Шнявы вновь вернулись на то же мѣсто и 12-го іюля производили промѣры сѣвернаго фарватера, со стороны котораго шведы задумали совершить вторичную попытку къ овладѣнію Котлиномъ съ цѣлью, какъ показали впослѣдствіи плѣнные, атаковать нашу позицію у Кронштадта одновременно съ берега и съ моря [2]).

14-го іюля, въ субботу, съ первыми признаками разсвѣта, защитники Котлина услышали сигнальные выстрѣлы стоявшихъ на брандвахтѣ нашихъ шнявъ, предупреждавшіе о появленіи шведской эскадры. Вскорѣ послѣ этого между Котлиномъ и финляндскимъ берегомъ, ближе къ послѣднему, появился весь непріятельскій флотъ, въ количествѣ 24-хъ вымпеловъ.

Въ 5-мъ часу утра 20 судовъ атакующаго выстроились въ линію противъ батареи Толбухина № 2, къ сѣверу отъ послѣдней, а четыре корабля пошли на южный фарватеръ для дѣйствія по той же батареѣ съ тыла [3]).

Какъ мы уже упоминали, батарея Толбухина № 2 была, повидимому, сооружена на два фронта, изъ коихъ главнымъ являлся фронтъ южный, обращенный, подобно батареѣ № 1, къ позиціи шведовъ при десантѣ ихъ 5-го іюня; сѣверный ея фронтъ былъ, такъ сказать, запасный и на немъ предполагалось установить 15 орудій обѣихъ батарей на случай атаки косы съ сѣвера. Но къ 14-му іюля на батареѣ № 2 было уже 15 своихъ орудій [4]) и, надо полагать, что орудія

[1]) Тамъ же.

[2]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 74, 76.

[3]) Государ. арх., каб. II. В., отд. II, кн. 5, л. 150, 152.

[4]) Вѣрнѣе 14 орудій, такъ какъ одну пушку разорвало 10-го іюля.

батареи № 1 были оставлены на мѣстѣ. Такимъ образомъ защитой противъ эскадры, расположившейся на сѣверномъ фарватерѣ, явилась батарея № 2, а противъ четырехъ кораблей, высланныхъ на южный фарватеръ, боролись пять орудій батареи № 1. У тѣхъ же батарей къ 14-му іюля былъ уже сооруженъ «траншаментъ» на три пѣхотныхъ полка, общею численностью въ 2,200 человѣкъ [1]), представлявшій, надо полагать, сомкнутое укрѣпленіе траншейной профили.

Вскорѣ по приходѣ, всѣ непріятельскіе корабли, кромѣ бомбардирскихъ, двинулись впередъ и подошли съ двухъ сторонъ къ косѣ столь близко, какъ то позволяла глубина мѣста. Однимъ изъ передовыхъ былъ адмиральскій корабль, давно уже намѣченный съ батареи первою цѣлью. Грянулъ залпъ изъ пяти пушекъ по ватерлиніи корабля и эфектъ получился превосходный: забѣгали по палубѣ адмиральскаго судна матросы и стали перетаскивать орудія «для наклоненія корабля на штюръ-бортъ».

Въ 6-мъ часу «непріятель началъ всею своею силою, изъ верхнихъ и нижнихъ пушекъ, съ обѣихъ сторонъ, съ кораблей противъ острова стрѣлять», на что «наши, какъ добрые солдаты, имъ ничѣмъ должны не остались».

Судовая канонада не принесла особаго вреда нашимъ батареямъ, не оказалась болѣе опасной и для нашей пѣхоты, укрывшейся въ укрѣпленіи и не принимавшей, до поры до времени, никакого участія въ дѣлѣ. Огонь береговыхъ батарей оказался дѣйствительнѣе судового, и въ 8-мъ часу непріятель принужденъ былъ податься назадъ, занявшись, между прочимъ, починкою адмиральскаго корабля, которая продолжалась $2^1/_2$ часа. Впередъ выставили лишь главную силу флота противъ берега — бомабрдирскіе корабли, метавшіе на косу бомбы до $11^1/_2$ часовъ утра [2]).

[1]) «Журналъ П. В.», стр. 101—107.

[2]) «Государ. Арх., каб. П. В.», отд. II, кн. 5, л. 150, 152; «Журналъ П. В.», стр. 101—107.

Около полудня отъ непріятельской эскадры, стоявшей на сѣверномъ фарватерѣ, отдѣлились мелкія суда и, пользуясь вполнѣ благопріятной тихой погодой, быстро пошли къ берегу [1]). Неудачу операціи 5-го іюня, предпринятой съ южнаго фарватера, хотѣли поправить новой попыткой съ другой стороны, въ раіонѣ еще неизвѣданномъ и оказавшемся совершенно неподходящимъ для десанта. Дѣло въ томъ, что по сѣверную сторону косы, въ извѣстномъ разстояніи отъ берега, простиралась естественная банка, препятствовавшая приставанію къ берегу и отдѣленная отъ послѣдняго глубиною, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно значительной.

По мѣрѣ приближенія десантныхъ судовъ къ берегу, огонь шведскаго флота совершенно прекратился, какъ со стороны сѣвернаго, такъ и со стороны южнаго фарватеровъ. Это обстоятельство позволило батареѣ Толбухина безпрепятственно поражать лодки ядрами, а гарнизону укрѣпленія покинуть закрытія. У банки, находившейся въ ружейномъ выстрѣлѣ, лодкамъ пришлось остановиться, десантный отрядъ вышелъ изъ нихъ въ воду и кинулся на штурмъ берега. Вначалѣ вода была всѣмъ по колѣно; но вотъ стало глубже: иные шведы оказались въ водѣ по горло, иные, побросавъ оружіе, принуждены были спасаться вплавь, иные тонули; безпорядокъ получился полный. А тѣмъ временемъ наша пѣхота, «вышедъ строемъ, дала непріятелю полный залпъ», а на батареѣ ядра замѣнили картечью. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что непріятель снова «пришелъ въ полную конфузію», что нѣко-

[1]) Опредѣлить численность десанта затруднительно. Въ «Юрналѣ» 1705 г. таковая показана въ 1,630 человѣкъ (стр. 24); въ отчетѣ Крейса — въ 2,000 человѣкъ («Государ. арх., каб. П. В.», отд. II, кн. 5, л. 150 и 152). Но тотъ же Крейсъ доносилъ 16-го іюля царю, что потеря шведовъ при десантѣ выражается 420 убитыми—«для того можно истинно вѣрить, что больше половины ихъ, непріятелей, которые были въ лодкахъ, тутъ на мѣстѣ остались побиты», другими словами, весь десантный отрядъ не достигалъ даже одной тысячи человѣкъ. (Госуд. Арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 4, л. 138).

торые отдѣльные смѣльчаки, достигшіе было берега, были въ мигъ опрокинуты и что единственнымъ стремленіемъ шведовъ явилась задача, какъ можно поскорѣе убраться подальше отъ русскихъ. Всѣ кинулись къ лодкамъ, въ торопливости опрокинули нѣкоторыя изъ нихъ, отсталыхъ не поджидали и спѣшно поплыли къ флоту, который во второмъ часу также сталъ подаваться назадъ [1]).

Потери шведовъ въ этомъ дѣлѣ были тяжкія. По шведскому же источнику выбыло изъ строя 400 человѣкъ убитыми и 170 ранеными [2]). Въ плѣнъ было взято семь офицеровъ, семь унтеръ-офицеровъ и 21 рядовой. Въ нашей пѣхотѣ убито 29 человѣкъ, да ранено 50. Въ числѣ трофеевъ этого дня, русскимъ досталось 500 шведскихъ ружей, найденныхъ на берегу и въ водѣ, «которыя заряжены пулями, разсѣченными на четверо и обвитыми лошадиными волосами, да сверхъ обыкновенной пули еще четыре пули небольшихъ» [3]).

По поводу дѣла 14-го іюля интереснымъ является донесеніе своему правительству англійскаго посланника въ Москвѣ Витворта: «Дѣло», пишетъ онъ, «предпринято было адмираломъ вопреки мнѣнію всѣхъ офицеровъ; при отступленіи же, шведскій адмиралъ приказалъ стрѣлять съ кораблей въ собственныхъ людей, но это только усугубило безпорядокъ и потери» [4]).

Адлерфельдъ также свидѣтельствуетъ, что шведскій инженеръ, капитанъ Лаваль, который почью, накануѣ дѣла, осматривалъ берега косы, усиленно отговаривалъ Анкерштерна отъ атаки острова [5]).

[1]) «Государ. арх., каб. П. В.». Отд. I, кн. 19, л. 345; «Юрналъ 1705 г.», стр. 24; «Матеріалы флота», т. I, стр. 75; «Журналъ П. В.», стр. 101 — 107.
[2]) «Adlerfeld», t. Ш, p. 538.
[3]) «Журналъ П. В.», стр. 101—107.
[4]) «Сборн. Русск. Истор. Общ.», т. XXXIX, стр. 147.
[5]) «Adlerfeld», t. Ш, p. 539.

15-го іюля шведы снова было подошли къ косѣ, но съ батареей Толбухина наши люди, «зѣло вступя въ задоръ», открыли столь жестокій огонь, что корабль вице-адмирала де Пруа не могъ поднять якоря и долженъ былъ отрубить канатъ послѣдняго, что сдѣлали вскорѣ и другіе корабли. Въ два часа по полуночи «непріятельскій флотъ пошелъ прочь», напутствуемый съ косы бомбами двухъ мортиръ, въ тотъ же день доставленныхъ Толбухину по распоряженію Крейса [1]).

Такъ закончилась вторая и послѣдняя серьезная попытка шведовъ завладѣть устьями Невы при посредствѣ флота.

«Я тебѣ, великому государю, истинно сказываю и подтверждаю», доносилъ Петру Крейсъ 16-го іюля, «что непріятель до сего времени еще отъ насъ ни единую кошку или собаку, не только что человѣка досталъ языкомъ, отъ которыхъ имъ мочно про нашъ «Уставъ» вѣдомо быть; токмо мы отъ ихъ полоненниковъ зѣло довольно можемъ выпрашивать и слышать, что нынѣ въ послѣднемъ дѣлѣ было у нихъ мысленно. Непріятели все такое чинили, какъ подлежитъ и возможно добрымъ солдатамъ, чтобы твою, великаго государя, флоту разорить для обовладѣнія острова Рычерта и Кронслота. Однакожъ Господь Богъ намъ, видно, заступникъ и помощникъ былъ, что непріятель до сего времени видно отперся и отлученъ не безъ знатнаго изъяну» [2]).

---

[1]) «Государ. арх. каб. П. В.», отд. II, кн. 4, л. 138; «Журналъ П. В.», стр. 101—107.

[2]) «Государ. арх., каб. П. В.», отд. II, кн. 4, л. 138, 116.

ГЛАВА IX.

Оборонительныя работы на Котлинѣ конца лѣта 1705 г. — Проектъ Крейса. — Мнѣніе Петра.—Шведскій флотъ вновь у Котлина.—Конецъ кампаніи 1705 г. Сооруженіе Адмиралтейской крѣпости. — Оборонительныя работы 1706—1708 гг.— Описаніе С.-Петербургской крѣпости и гор. С.-Петербурга по плану 1706 г. - Перестройка С.-Петербургской крѣпости изъ земляной — въ каменную.—Пожаръ въ крѣпости и наводненіе.— Приведеніе крѣпости въ оборонительное состояніе въ ожиданіи прихода шведовъ. — Закладка Кронверка.— Работы на Котлинѣ. — Фортификаціонныя сооруженія въ окрестностяхъ С.-Петербурга.

Двукратная неудача шведскаго флота у Котлина могла породить увѣренность въ томъ, что водные подступы къ Петербургу не скоро явятся ареной новыхъ наступательныхъ дѣйствій со стороны непріятеля. Однако, предположеніе это не остановило работъ по дальнѣйшему укрѣпленію Котлина.

21-го іюля Крейсъ доносилъ Царю, что въ Петербургѣ погружены уже на суда двѣнадцать 12-ти-фунт. пушекъ съ соотвѣтственнымъ количествомъ зарядовъ и снарядовъ и что орудія эти будутъ отправлены для установки на батареяхъ Котлина при первой хорошей погодѣ [1]). Доносилъ онъ и о томъ обстоятельствѣ, что «узрѣвъ, что непріятель нашимъ бомбамъ честь воздалъ, для того отъ острова Рычарда отсталъ», приказалъ онъ, Крейсъ, передѣлать два лучшіе буера въ бомбардирскіе корабли, за каковое распоряженіе разсчитывалъ не подвергнуться гнѣву Государя [2]).

[1]) Государ. Арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 4, л. 128.
[2]) Тамъ-же, л. 116.

Около того-же времени вице-адмиралъ представлялъ на усмотрѣніе Петра проектъ дальнѣйшаго укрѣпленія Петербурга съ моря, въ общихъ чертахъ заключавшійся въ слѣдующемъ:

Крейсъ считалъ необходимымъ возвести новый морской фортъ у Кронштлота или-же имѣть вблизи послѣдняго плавучія батареи—три плоскодонныя судна (прамы), вооруженныя мортирами, и столько-же судовъ съ пушками. Второй мѣрѣ вице-адмиралъ отдавалъ даже предпочтеніе, указывая на то обстоятельство, что «такое-бъ дѣло ко услугованью было», подобно тому, какъ въ Копенгагенѣ, гдѣ «прамы или плоскодонные суды сдѣланы и могутъ вездѣ службу чинить лучше, какъ батареи». На самомъ Котлинѣ, невдалекѣ отъ косы, слѣдовалобы возвести крѣпкій шанецъ, который явился бы надежнымъ препятствіемъ противу попытокъ непріятеля высадиться на западной оконечности острова и распространиться къ востоку для овладѣнія береговыми батареями съ горжи и для борьбы съ Кронштлотомъ и нашей эскадрой съ берега. Въ шанцѣ этомъ надлежало бы имѣть постоянный гарнизонъ, численностью въ 1,500 человѣкъ, долженствовавшій оставаться тамъ и на зиму. На батареяхъ острова слѣдовало бы имѣть артиллерію, по возможности, крупныхъ калибровъ. Слѣдовало приложить всѣ старанія къ содержанію бомбардирскихъ судовъ и галеръ въ полномъ порядкѣ и имѣть у Котлина значительный запасъ мелкихъ судовъ. На всѣ послѣднія пловучія средства Крейсъ смотрѣлъ, по видимому, какъ на принадлежность крѣпости, не составляющую части эскадреннаго флота. Было бы также крайне полезно возвести два небольшихъ укрѣпленія, на 16—18 пушекъ и 200 человѣкъ гарнизона, гдѣ-то «въ устьяхъ Невы», «гдѣ съ моря корабли приходятъ». Указать точно, гдѣ облюбовалъ вице-адмиралъ мѣсто для послѣднихъ укрѣпленій, мы не можемъ; сбивчивымъ является то указаніе Крейса, что необходимость укрѣпленій вызывается, между прочимъ, и тѣмъ соображеніемъ, что «здѣсь также въ рѣку Сестру въѣздъ есть».

Предлагая очерченный проектъ, Крейсъ развивалъ также мысль, что надлежащее укрѣпленіе Котлина и южнаго около этого острова фарватера дастъ возможность совершенно освободить корабельный флотъ отъ исключительной обязанности оборонять подступы въ устья Невы и выведетъ тѣмъ эскадру изъ пассивнаго ея положенія [1]).

Намъ неизвѣстно, какъ отнесся Петръ къ проекту Крейса во всемъ его объемѣ. Имѣются основанія предполагать, что мѣры, предложенныя вице-адмираломъ, были признаны преждевременными. «Шанцы на устьѣ къ морю дѣлать не для чего; что же на Котлиномъ, то можно исправиться въ будущее лѣто; а зимою непріятелю дѣлать никакой крѣпости нельзя», читаемъ въ одномъ изъ писемъ Петра, относящемся къ осени 1705 года [2]).

Въ концѣ іюля до свѣдѣнія защитниковъ Кронштота дошло извѣстіе о томъ, что адмиралъ Апкеритернъ получилъ «подкрѣпленный» указъ завладѣть, во что бы то ни стало, островомъ Котлиномъ [3]). Это извѣстіе побудило снова приняться за оборонительныя работы. 7-го августа Крейсъ доносилъ Царю: «Батареи кругомъ острова Рычарта приказалъ я всѣ переправить и къ лучшему учинить, и больше пушками установить съ кораблей. Изъ нѣкаго стараго будернаго (буернаго) днища сдѣлалъ прамаръ (прамъ), на которую поставлено двѣ пушки 12-ти-фунтовыхъ, пять пушекъ 6-ти-фунтовыхъ» [4]).

18-го августа шведскій флотъ вновь показался въ виду Котлина. Крейсъ приказалъ шаутбенахту Бодису, командовавшему нашими галерами, выйти со своимъ отрядомъ судовъ впередъ на полмили отъ нашей эскадры. Шведы остановились, выславъ на встрѣчу галерамъ лишь одно сторожевое судно;

[1]) Государ. Арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 4, лл. 116, 118, 119, 130 и 131.
[2]) Собр. писемъ П. В. Берха, т. I, стр. 52.
[3]) Государ. Арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 4, л. 130.
[4]) Тамъ-же, л. 115.

остановились и наши галеры. Въ такомъ положеніи простояли цѣлый день. 19-го числа, рано утромъ, Крейсъ самъ направился къ галерамъ и тотчасъ-же подалъ сигналъ къ наступленію. Къ 8½ часамъ утра многія наши галеры приблизились къ шведскому флоту на пушечный выстрѣлъ, выстроились въ прямую линію и открыли огонь. Атаковать непріятеля тотчасъ-же не рѣшались: поджидали запоздавшія суда. Между тѣмъ, не далѣе какъ черезъ ½ часа, поднялся весьма свѣжій вѣтеръ съ моря. Опасаясь шторма и полной въ такомъ случаѣ невозможности благополучно уйти въ море подъ парусами, шведы начали отступать къ Финляндскому берегу. Наши галеры пустились за ними въ погоню и гнались на протяженіи 6 верстъ, почти до устья рѣки Сестры. Но гребцы стали изнемогать и разстояніе между атакующимъ и отступающимъ все увеличивалось. Пришлось преслѣдованіе прекратить.

Въ этомъ дѣлѣ сильно пострадалъ лишь одинъ шведскій корабль, высланный непріятелемъ на развѣдки: по отчету Крейса судно это было выведено изъ строя на всю кампанію [1]).

Въ промежутокъ времени до 24-го августа шведы двукратно высылали подъ Кронштотъ по одному кораблю съ очевидною цѣлью выманить наши суда въ открытое море; этотъ вызывъ не былъ, однако, принятъ осторожнымъ Крейсомъ [2]).

Весь сентябрь прошелъ спокойно. Шведовъ не видѣли, если не считать прибытія къ Крейсу на небольшомъ суднѣ посланца отъ адмирала Анкерштерна — поручика Арнфельда, который привезъ шведскимъ офицерамъ, попавшимъ въ плѣнъ во время ихъ десантовъ на Котлинъ, «пожитки и рухлядь» [3]). Лишь 30-го сентября «съ нашей дальней заставы для вѣдомости стрѣляли, что непріятель ближится» и вскорѣ увидѣли

[1]) Государ. Арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 4, л. 145.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же, л. 125.

9 вражескихъ кораблей, изъ нихъ 8 появились на сѣверномъ, а 1—на южномъ фарватерѣ. Послѣдній корабль направился къ нашему флоту, сталъ на якорь въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ нашей брантвахты и началъ подавать сигналы, что имѣетъ письмо отъ Анкерштерна къ Крейсу. Подозрѣвая, что этотъ маневръ непріятеля клонится лишь къ тому, чтобы высмотрѣть наши укрѣпленія и расположеніе судовъ, наши стали готовиться къ бою. Но осмотръ береговыхъ батарей убѣдилъ вѣроятно шведовъ въ опасности наступленія: на укрѣпленіяхъ кругомъ острова стояло уже 60 орудій. Шведы ушли въ море безъ выстрѣла и это было ихъ послѣднее появленіе передъ Кронштотомъ [1]).

Спокойные дни конца кампаніи 1705 года наша эскадра проводила въ совершенномъ бездѣйствіи. Презрѣлъ вице-адмиралъ Крейсъ даже настоятельныя требованія Петра объ учиненіи на водѣ «экзерциціи» для обученія морской службѣ судовыхъ командъ, отговариваясь впослѣдствіи тѣмъ, что суда нашего флота слишкомъ плохи для производства на нихъ маневровъ. Когда узналъ объ этомъ Петръ, то сильно разгнѣвался, что «то главное дѣло—ради младыхъ матрозовъ—забвенію предано». Указаніе на негодность судовъ было признано Царемъ простою отговоркою наемнаго адмирала и Петръ рѣшилъ разобрать дѣло самъ: «аще не такъ найдется, то не легко плачено будетъ, ибо не добро есть брать серебро, а дѣла дѣлать свинцовыя» [2]). Чѣмъ кончилось это неудовольствіе Монарха—мы не знаемъ.

Передъ окончаніемъ кампаніи 1705 года возникъ вопросъ о томъ, оставлять-ли на зиму батареи Котлина вооруженными или убрать орудія въ Петербургскую крѣпость. Вице-адмиралъ Крейсъ настаивалъ на первомъ рѣшеніи, но Петербургскій

[1]) Госуд. Арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 4, л. 143 и 144.
[2]) Тетради записныя, стр. 37.

оберъ-комендантъ Брюсъ приказалъ перевезти всѣ пушки въ крѣпость. Это приказаніе было обжаловано Крейсомъ Царю, что не помѣшало, однако, приведенію его въ исполненіе. Къ ноябрю мѣсяцу на Котлинѣ не было ни одного орудія; вооруженнымъ остался лишь одинъ Кронштотъ. Петръ вполнѣ одобрилъ распоряженіе оберъ-коменданта [1]).

Къ тому-же времени ушелъ изъ-подъ Кронштота и весь нашъ флотъ. Зиму съ 1705 по 1706 годъ онъ провелъ въ Петербургѣ [2]).

Военныя дѣйствія подъ Петербургомъ втеченіи лѣта 1705 г. не могли не отразиться на успѣшности оборонительныхъ работъ по Петербургской крѣпости. Отвлеченіе отъ послѣднихъ войскъ и необходимость для начальствующихъ лицъ глядѣть въ оба глаза за дѣйствіями непріятельскихъ силъ, съ другой стороны «неприходъ работныхъ посошныхъ людей» привели къ тому, что «городовая работа шла зѣло медленно», какъ доносилъ о томъ Брюсъ Меншикову.

Съ бо́льшимъ успѣхомъ шли работы по сооруженію адмиралтейства и адмиралтейской крѣпости.

Какъ уже сказано было выше, адмиралтейство было заложено 5 ноября 1704 года. Согласно первоначальному проекту сооруженія, хранящемуся въ архивѣ адмиралтействъ-совѣта, подъ адмиралтейство былъ отведенъ участокъ земли, длиною въ 120 и шириною въ 61 сажень, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположено С.-Петербургское Старое Адмиралтейство. Будущую верфь предполагалось окружить съ трехъ сторонъ одноэтажнымъ мазанковымъ зданіемъ, передній фасъ котораго имѣлъ бы въ ширину 23 фута, а боковые 30 футовъ. Передній фасъ предназначался для различныхъ мастер-

[1]) Письма П. В., т. III, стр. 467; Госуд. Арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 4, л. 111; Тетради записныя, стр. 36.

[2]) Юрналъ 1705 г., стр. 26.

скихъ; въ боковомъ фасѣ, расположенномъ, считая по теченію Невы, выше, предполагалось устроить сарай въ 350 фут. длины для спуска канатовъ и такелажа и для помѣщеній канатнаго и смоляного мастеровъ; въ другомъ боковомъ фасѣ проектировались амбары для мастеровъ мачтоваго, блоковаго, паруснаго и др. Наружныя стѣны этихъ строеній не имѣли никакихъ проемовъ, а всѣ окна и двери выходили внутрь адмиралтейскаго двора, при чемъ въ 15-ти футовомъ отъ нихъ разстояніи проектировалась отрывка канала, по длинному фасу въ 45, а по короткимъ въ 25 футовъ шириною. Пространство внутри этого канала, длиною въ 100 и шириною въ 19 саженей, составляло собственно верфь, гдѣ надлежало устроить 13 эллинговъ для сооруженія кораблей, три сарая для постройки болѣе мелкихъ судовъ и двѣ кузницы.

На планѣ этомъ сохранилась слѣдующая собственноручная надпись Петра:

«Сей верфъ дѣлать государственными работниками или подрядомъ, какъ лучше; и строить по сему: жилья дѣлать мазанками прямыми безъ кирпича; кузницы обѣ каменныя въ $^1/_2$ кирпича; амбары и сараи дѣлать основу изъ брусья и амбары додѣлать мазанками, а сараи обить досками тако, какъ мельницы вѣтряныя обиты, доска на доску и у каждой доски нижній край обдорожить и потомъ писать красною краскою. Отъ рѣки обить паженными сваями» [1]).

Общее руководство работами по адмиралтейству было поручено Петромъ А. Д. Меншикову, при чемъ ближайшими его помощниками въ этомъ дѣлѣ были Брюсъ и Яковлевъ. Брюсъ, С.-Петербургскій оберъ-комендантъ, завѣдывалъ работами по устройству вокругъ адмиралтейства крѣпостныхъ верковъ, начертанія которыхъ, къ сожалѣнію, на помянутомъ выше планѣ не имѣется; Яковлевъ, Олонецкій комендантъ, руководилъ ра-

[1]) Паженная свая, отъ слова пазъ-шпунтовая.

ботами по устройству собственно адмиралтейскаго двора, для чего и наѣзжалъ повременно въ Петербургъ.

Работы производились, подрядным способомъ, патріаршими дворянами князьями Мещерскими, Романомъ и Борисомъ, изъ коихъ первый находился при работахъ, а второй занимался заготовкою лѣсного матеріала.

Къ лѣту 1705 года работы по адмиралтейству подвинулись значительно: находились въ работѣ амбары, заложенные Меншиковымъ, были заложены Яковлевымъ внутри адмиралтейства «приказная горница, амбаръ, гдѣ пеньку класть, кузницы и канатопрядильный дворъ», а внѣ адмиралтейства, въ 60 саж. отъ него «мастеровыхъ 30 избъ». Однако, послѣднія Меншиковъ велѣлъ разобрать, перенесть дальше и впредь ближе 150 саж. отъ адмиралтейства построекъ не возводить въ видахъ безопасности въ пожарномъ отношеніи.

26 іюня князья Мещерскіе получили строгій указъ изготовить вполнѣ, подъ страхомъ штрафа, не позже какъ къ іюлю мѣсяцу «50 или 60 свѣтлицъ для поклажи корабельныхъ всякихъ нужныхъ припасовъ, такожъ хоромы, которыя строятся для мастеровыхъ людей», ибо къ указанному сроку должны были прійти изъ Архангельска различные ремесленные люди.

Около того же времени Меншиковъ увѣдомлялъ Яковлева: «А нынѣ, для прихода непріятельскаго, велѣно сдѣлать около адмиралтейскаго двора палисады и валъ земляной, противъ образца, каковъ посланъ къ Роману Брюсу». Однако, приказаніе это приведено было въ исполненіе далеко не быстро: 26 августа Яковлевъ доносилъ Меншикову, что къ оборонительнымъ работамъ еще не приступлено, такъ какъ Брюсъ, по его словамъ, до сего времени не получилъ утвержденнаго чертежа, и что всѣ работы по адмиралтейской крѣпости исчерпываются заготовкою палисадовъ.

Затянулись въ серединѣ лѣта и работы по адмиралтей-

скому двору. Переправившіеся въ началѣ іюля черезъ Неву шведы пожгли на порогахъ у Тосны кирпичные заводы, доставлявшіе кирпичъ къ работамъ, и навели такую панику на рабочихъ Бориса Мещерскаго, занимавшагося рубкою лѣсовъ около тѣхъ же мѣстъ, что таковые разбѣжались [1]).

Однако дѣятельными стараніями Меншикова и его помощниковъ удалось преодолѣть всѣ препятствія. Въ концѣ сентября Яковлевъ доносилъ Меншикову, что всѣ начатыя постройки заканчиваются и что къ 1 октября будетъ готова и крѣпость.

Крѣпостной валъ, бастіоннаго начертанія, обнималъ адмиралтейство съ трехъ сторонъ, со стороны сухопутья.

Передъ валомъ былъ вырытъ сухой ровъ и въ немъ были установлены палисады. «За опозданіемъ времени» валъ пришлось одѣть не дерномъ, какъ то было предположено вначалѣ, а фашинами. Всего бастіоновъ было пять: три изъ нихъ находились на серединѣ и по концамъ длиннаго, южнаго фаса, а два остальные у самой рѣки, на обѣихъ оконечностяхъ коротких фасовъ. По поводу послѣднихъ двухъ бастіоновъ Брюсъ доносилъ Меншикову: «Противъ чертежа, около вышепомянутаго двора вымѣряли и по размѣру два бастіона далеко въ рѣкѣ будутъ, гдѣ $3^1/_2$ саж. глубины, которое нынѣшнимъ позднимъ временемъ и за великими непогодами строить зѣло трудно и поспѣть невозможно, а какъ скоро замерзнетъ рѣка, то зачнемъ строить, а до того времени, какъ тѣ бастіоны станемъ строить, будутъ сдѣланы два маленькихъ бастіона». Кромѣ того Брюсъ предлагалъ Меншикову устроить зимою еще шестой бастіонъ, въ рѣкѣ, впереди адмиралтейства, но проектъ этотъ одобренъ не былъ.

По серединѣ южнаго длиннаго фаса крѣпости были устро-

[1]) Матеріалы для исторіи флота т. I, стр. 83 и т. III, стр. 434, 550, 553 и 554; Веселаго, стр. 500.

ены ворота съ воздымавшимся надъ ними шпицомъ, обитымъ жестью, а черезъ ровъ былъ перекинутъ подъемный мостъ. На бастіонахъ срубили избы для помѣщенія гарнизона, а всю крѣпость обнесли снаружи, со стороны сухопутья, рогатками.

Къ вооруженію крѣпостныхъ верковъ приказали было приступить 17 октября; но такъ какъ свободныхъ орудій не имѣлось, то пришлось позаимствовать таковыя у флота, уже закончившаго тогда кампанію; орудія эти подлежали возврату при первой необходимости.

Къ 7 ноября 1705 года на валахъ адмиралтейской крѣпости уже стояло 100 пушекъ 12-ти, 6-ти и 3-хъ фунтоваго калибра [1]).

Такимъ образомъ къ зимѣ 1705 — 1706 гг. всѣ необходимыя для верфи сооруженія были закончены, а самое адмиралтейство оказалось защищеннымъ со стороны сухопутья верками, судя по спѣшности постройки, хотя и не особенно сильной профили, однако вполнѣ достаточной для воспрепятствованія проникновенію въ адмиралтейскій дворъ тѣхъ отдѣльныхъ и незначительныхъ партій непріятеля, которыя только и могли появиться подъ Петербургомъ тою зимою.

Въ послѣдующіе два года работы по Петербургской крѣпости оживились значительно.

Не смотря на тревожное положеніе, въ которомъ находилась Россія, начиная съ 1706 года, не смотря на полную неопредѣленность грядущихъ событій, Петръ все-таки смотрѣлъ на Ингерманландію какъ на страну, всецѣло уже принадлежащую Россіи, объ уступкѣ которой не могло быть и рѣчи. Лишь подобнымъ взглядомъ монарха можно объяснить рѣшеніе его приступить въ 1706 году къ капитальной перестройкѣ Петербургской крѣпости, къ обращенію ея изъ земляной въ «каменную».

[1]) Матеріалы флота, т. I, стр. 107 и т. III, стр. 555 и 556; Веселаго, стр. 501.

У Голикова читаемъ: «Вся Европа удивилась, говоритъ писатель исторіи его величества, изданной въ Венеціи, столь отважному предпріятію его; да и не безъ основанія, продолжаетъ писатель сей, онъ началъ дѣло толь великой важности въ самое то время, когда казалось, что настоящая война имѣетъ одна занять все его попеченіе, употребить всѣхъ его подданныхъ на отраженіе толь сильнаго непріятеля и истощитъ всю его казну и всѣ его доходы, бывшіе тогда еще малыми» [1]).

Но ранѣе приведенія свѣдѣній о работахъ по перестройкѣ Петербургской крѣпости, считаемъ необходимымъ посвятить нѣсколько строкъ поясненію прилагаемаго плана земляной крѣпости и первоначальныхъ построекъ города, представляющаго собою точную копію съ современнаго плана, выполненнаго въ 1706 году.

Какъ мы уже видѣли, Петербургская крѣпость была бастіоннаго начертанія, о шести бастіонахъ. Послѣдніе носили слѣдующія наименованія: № I—Государевъ, № II—Нарышкина, № III—Трубецкаго, № IV—Зотова, онъ же Патріаршій, № V—Головкина и № VI—Меншикова, онъ же Губернаторскій. Бастіоны: Государевъ, Нарышкина и Головкина имѣли двойные фланки, приспособленные къ артиллерійской оборонѣ; фланки прочихъ бастіоновъ, обращенные къ финляндскому берегу, были также двойными, а фланки, обращенные къ ингерманландскому берегу — одиночные. На бастіонѣ Головкина былъ возведенъ «ковалiеръ», приспособленный къ артиллерійской оборонѣ, дававшій второй ярусъ огня со стороны фасовъ и третій ярусъ со стороны фланковъ. По фасамъ бастіоновъ и по куртинамъ были расположены деревянныя казармы для гарнизона. Мы не знаемъ, простирались-ли эти казармы по всей оградѣ крѣпости; знаемъ однако на-

[1]) Голиковъ. «Дѣянія П. В.», т. II, стр. 216.

вѣрно, что онѣ имѣлись по фасамъ Зотова и Головкина и по куртинѣ между ними. Вдоль всей крѣпости былъ прорытъ каналъ, служившій въ 1706 и въ послѣдующіе года для болѣе удобнаго доставленія внутрь крѣпости строительныхъ матеріаловъ, подвозившихся на судахъ; черезъ каналъ, во многихъ мѣстахъ, были перекинуты деревянные мостики. Въ куртинѣ между Государевымъ и Губернаторскимъ бастіонами имѣлись ворота, выходившія на мостъ, соединявшій крѣпость съ равелиномъ, постройка котораго и вооруженіе 8-ю орудіями были однако закончены лишь къ самому концу строительнаго періода 1706 года. Равелинъ сообщался въ свою очередь съ финляндскимъ берегомъ посредствомъ разводнаго «Краснаго» моста, прикрытаго съ сухопутья системой рогатокъ.

Противу крѣпости, къ востоку отъ нея, на нынѣшней Петербургской сторонѣ, были расположены дома Государя и Меншикова (№№ 2 и 3), торговые ряды (№ 4), австерія (№ 6), дома чиновниковъ и частныхъ лицъ (№ 7), наконецъ домики и шалаши для рабочихъ (№ 8).

Петръ прилагалъ всѣ старанія къ быстрѣйшей застройкѣ этой части новаго города, настаивая однако, чтобы новыя зданія возводились по прямымъ линіямъ—будущимъ улицамъ, «ибо едина работа: прямо или криво дѣлать».

На ингерманландской сторонѣ, у адмиралтейства были возведены дома для чиновниковъ и служителей морского вѣдомства (№ 15); жили здѣсь и различные принятые на русскую службу иностранцы (№ 16). Нѣсколько выше по Невѣ, показано на планѣ двухъ-этажное зданіе—надо полагать новый дворецъ Государя. Недалеко отъ лѣваго берега истока р. Фонтанки былъ расположенъ бивачный лагерь, гдѣ стояли войска, не входившія въ составъ гарнизона крѣпости (№ 17). По правому берегу Фонтанки были расположены строенія частныхъ лицъ (№ 22).

Наконецъ на Васильевскомъ островѣ стояла вѣтренная мельница (№ 13) и амбары при ней (№ 12) [1]).

Каменныя работы по Петербургской крѣпости начались съ бастіона Меншикова. Закладка была отпразднована торжественнымъ образомъ 3-го мая 1706 года, въ день рожденія Петра Великаго. Послѣ богослуженія, первый камень былъ положенъ митрополитомъ Рязанскимъ, Стефаномъ Яворскимъ, во фланкѣ бастіона; второй камень—мраморный кубъ, съ высѣченнымъ на немъ именемъ царя, годомъ и днемъ закладки, положилъ самъ Петръ. Торжество было закончено блестящимъ банкетомъ, даннымъ Петромъ въ своемъ дворцѣ. Въ память событія была выбита медаль [2]).

Перестройка крѣпости заключалась главнымъ образомъ въ устройствѣ каменныхъ эскарповъ и каменныхъ жилыхъ построекъ и складовъ, въ усиленіи профили ограды и въ видоизмѣненіи фланковъ бастіоновъ: фланки, обращенные къ финляндскому берегу, дѣлались одиночными дугообразными, съ небольшими орліонами; прочіе фланки — одиночными, прямыми, безъ орліоновъ. Работы производились въ извѣстной постепенности, при чемъ главное вниманіе было обращаемо на фронты, наиболѣе доступные пораженію съ суши. Чтобы не утомлять читателя перечисленіемъ всѣхъ имѣющихся свѣдѣній объ успѣхѣ работъ, ограничимся указаніемъ, что въ теченіе разсматриваемаго нами періода времени работы производились по слѣдующимъ веркамъ и въ слѣдующемъ порядкѣ: бастіонъ Меншикова (съ 3-го мая 1706 г.), бастіонъ Головкина (съ весны 1707 г.), бастіонъ Зотова (тоже), бастіонъ Трубецкаго (съ осени 1707 г.), куртина Меншиковъ—Головкинъ (тоже)

[1]) Государ. арх., каб. II. В., отд. II, кн. 5-я, л. 194; «Матеріалы» Устрялова, стр. 124; Голиковъ, т. II, стр. 278 и 279 и т. XIV, стр. 444; Картины жизни Меншикова, стр. 308; Тетради Записныя, стр. 269; атласъ Устрялова,

[2]) Государ. арх., каб. II. В., отд. I, кн. 20, л. 4; Юрналъ 1706 г., стр. 4; Сборн. Рус. Ист. Общ., т. XXXIX, стр. 279 и 280.

и куртина Головкинъ—Зотовъ (съ зимы 1708 г.). Къ концу же 1708 года окончательно были готовы лишь бастіонъ Меншикова съ фланкомъ при орильонѣ, куртина Меншиковъ—Головкинъ и фланки Головкина и Зотова. Всѣ прочія начатыя работы находились въ различной степени готовности, но далеко не были закончены [1]).

Передъ приступомъ къ каменнымъ работамъ, прежде всего срывалась часть земляного вала, прилегавшая къ мѣсту будущаго каменнаго эскарпа на всемъ протяженіи перестраиваемаго участка крѣпостной ограды. Подъ фундаментъ эскарпа, который располагался далѣе отъ линіи огня, нежели подошва бывшей наружной отлогости земляпаго вала и при томъ почти всюду въ водѣ, по примѣру видѣнныхъ царемъ работъ въ Амстердамѣ, вбивались большія сваи; къ работѣ этой рекомендовалось приступать въ зимнее время, какъ по большему удобству производства забивки свай со льда, такъ и «понеже подо льдомъ не мерзнетъ», т. е. что для этой работы представлялось возможнымъ пользоваться временемъ, когда всѣ прочія работы приходилось прерывать по состоянію погоды. Къ работѣ этой привлекались каторжники съ галеръ, коимъ въ зимнее время дѣлать было нечего. По сказанному свайному основанію «выбучивалось», а затѣмъ возводились и стѣны, по окончаніи которыхъ валы насыпались вновь. Новые валы дѣлались много выше старыхъ. Такъ бастіонъ Меншикова былъ поднятъ на 9 футовъ и такое же превышеніе полагали дать бастіонамъ Головкина и Зотова. Измѣнялось, повидимому, и расположеніе верковъ. Приводитъ къ этому соображенію какъ то обстоятельство, что на планѣ 1707 года (см. планъ) пунктиромъ показано направленіе начертанія фронтовъ, такъ и слѣ-

[1]) Государ. Арх., Каб. И. В., отд. I. кн. 20, л. 4 и отд. II, кн. 7, л. 71 и 174; Юрналъ 1708 г., стр. 5; Арх. Главн. Инжен. управл., д. № 2—1723; Матеріалы Устрялова, стр. 124; Тетради Записныя, стр. 269; Голиковъ, т. II, стр. 278 и 279; Сбори. Р. И. Общ., т. XI, стр. 11.

дующій вопросъ Брюса въ одномъ изъ писемъ его къ царю: «Какъ Вашего Величества изволеніе будетъ: Трубецкого больверкъ, для битья сваї подъ фундаментъ по новому чертежу, разрывать ли нынѣшнею зимою?» Добавимъ, что этотъ вопросъ задавался тогда, когда фундаментъ новаго эскарпа этого бастіона былъ уже выведенъ по старому чертежу «съ водою-вровень» [1]).

Одновременно съ возведеніемъ эскарповъ, по куртинамъ и фланкамъ бастіоновъ строились каменныя оборонительныя казармы, жилые казематы и пороховые погреба. Казармы были частью двухъ-этажныя съ брусчатыми полами и потолками и съ земляною надъ ними обсыпкою, частью одно-этажныя, сводчатыя. Казематы были всѣ сводчатые, при чемъ было «сверхъ сводовъ кирпичемъ до пояса вышиною сдѣлано». Пороховые погреба также дѣлались всѣ со сводами, которые достигали толщины въ 13 футовъ [2]).

Не было забыто и устройство крѣпостныхъ воротъ съ приданіемъ имъ щеголеватаго вида: въ концѣ 1707 года велѣно построить ворота, «подобныя нарвскимъ», на каковую работу дать срокъ въ три года [3]).

Для производства всѣхъ указанныхъ выше работъ, а также работъ по кронверку, о которомъ будемъ говорить ниже, въ распоряженіе Петербургскаго оберъ-коменданта Брюса, кромѣ помянутыхъ выше галерныхъ каторжниковъ, было предоставлено до 6,000 рабочихъ. Люди эти проводили на работахъ три мѣсяца, послѣ чего замѣнялись новою очередью, свѣжими силами, равной численности. Рабочіе получали отъ казны хлѣбное жалованье и по полтинѣ въ мѣсяцъ. Самъ царь при-

[1]) Государ. Арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 7, л. 71 и 174; Бумаги П. В., собр. Бычковымъ, стр. 10; Сборн. Р. И. Общ., т. XI, стр. 11 и т. XXXIX, стр. 280.

[2]) Государ. Арх., каб. П. В., отд. II, кн. 7, л. 44, 71 и 174.

[3]) Арх. Главн. Инжен. управл., д. № 2—1723.

нималъ въ работахъ самое живое участіе. Въ бытность свою въ Петербургѣ, Петръ посѣщалъ работы почти ежедневно. Во время-же отсутствія изъ Петербурга настоятельно требовалъ, чтобы подробнѣйшія свѣдѣнія объ успѣхѣ работъ доставлялись ему «по вся почты» [1]).

Лѣтомъ 1706 года въ Петербургской крѣпости случилось происшествіе, чуть было не закончившееся большимъ несчастьемъ: загорѣлись деревянныя казармы между бастіонами Зотова и Головкина и сгорѣли почти до-тла. «Правда», писалъ Петръ Меншикову: «что явною милостью Божьею и заступленіемъ патрона своего сей городъ спасся, ибо по обоимъ фасамъ Гаврилы Ивановича (Головкина) болѣе 200 бочекъ пороху въ казармахъ было, и ежели бы добралось, то, чаю, чтобъ едва не вся крѣпость взлетѣла. И для чего держали столько лишняго пороху, не знаю, и нынѣ велѣлъ развезть» [2]).

Этотъ пожаръ послужилъ причиною приказанія Петра приложить всѣ старанія къ тому, чтобы въ крѣпости убавить число деревянныхъ зданій, а зданія, которыя останутся, покрыть по хворосту дерномъ [3]).

Около того-же времени было приказано не допускать въ крѣпостяхъ устройства кабаковъ, а необходимые запасы вина содержать въ особыхъ погребахъ, въ удобныхъ мѣстахъ [4]).

9-го сентября того-же года весьма сильный западо-юго-западный вѣтеръ послужилъ причиною большого наводненія въ Петербургѣ, которое продолжалось, однако, не болѣе трехъ часовъ и не причинило серьезнаго вреда ни городскимъ постройкамъ, ни крѣпостнымъ веркамъ. «У меня въ хоромахъ»,

[1]) Тамъ-же, формуляръ Спб. крѣпости; Голиковъ, т. III, стр. 262.

[2]) Бумаги И. В., собр. Бычковымъ, стр. 13; Голиковъ, т. III, стр. 239.

[3]) Матеріалы Устрялова, стр. 124; Голиковъ, т. XIV, стр. 444; Картины жизни Меншикова, стр. 308.

[4]) 1-е Полн. Собр. Закон., № 2194.

писалъ Петръ Меншикову: «было (воды) сверху пола 21 дюймъ, а по городу и на другой сторонѣ, по улицѣ, свободно ѣздили въ лодкахъ. Зѣло было утѣшно смотрѣть, что люди по кровлямъ и по деревьямъ, будто во время потопа, сидѣли, не точію мужики, но и бабы» [1]).

Однако, не смотря на то, что наводненіе не причинило большихъ бѣдъ крѣпости, все-же оно послужило основаніемъ для различныхъ предупредительныхъ мѣръ, изложенныхъ въ особой инструкціи Царя Петербургскому оберъ-коменданту. Повелѣвалось поднять всѣ пороховые погреба настолько, чтобы ихъ полы было на полъ фута выше послѣдней прибылой воды, причемъ рекомендовалось насыпать подъ полы слой сосноваго угля, толщиною въ 2 фута, «отчего порохъ сухъ зѣло живетъ, ибо вольгость (сырость) уголье въ себя тянетъ». Приказывалось приложить всѣ старанія и къ тому, чтвбы вообще повысить какъ внутренность крѣпости, такъ и ея верки. Для послѣдней цѣли надлежало «какъ возможно земли въ городъ умножить, которая зѣло нужна», причемъ мѣстомъ добычи земли указывалось пространство на финляндскомъ берегу противу бастіона Зотова. Помимо удобства доставки матеріала на столь недалекое разстояніе, въ данномъ случаѣ преслѣдовалась и та цѣль, чтобы обратить пространство противу бастіона въ непригодность для производства на немъ осадныхъ работъ, «понеже сіе мѣсто вредительнѣе всѣхъ городу». Для перевозки земли въ крѣпость предлагалось сдѣлать «малые прамы», т. е. плоскодонныя суда и доставлять землю въ крѣпостной каналъ, который приказано вмѣстѣ съ тѣмъ вычистить и углубить «образцовою машиною» [2]).

Ранней весной 1708 года, въ то время, когда уже получены были положительныя извѣстія о послѣдовавшемъ отъ

---

[1]) Матеріалы Устрялова, стр. 273.

[2]) Тетради Записныя, стр. 269; Голиковъ, т. II, стр. 278 и 279.

Карла XII приказаніи начальнику финляндскихъ полевыхъ войскъ, генералу Либекеру, двинуться лѣтомъ на Ингерманландію, въ Петербургской крѣпости, согласно съ подробными наставленіями Петра, были произведены различныя работы по приведенію верковъ въ оборонительное состояніе. Прежде всего разрушенная въ мѣстахъ производства каменныхъ работъ крѣпостная ограда, какъ собственно крѣпости, такъ и кронверка была сомкнута путемъ установки впереди мѣстъ, гдѣ валы были срыты, крѣпкихъ палисадовъ, приспособленныхъ къ ружейной оборонѣ. Впереди палисадовъ были расположены искусственныя препятствія въ видѣ рогатокъ. Всѣ валы, не разобранные до основанія, были подготовлены къ принятію артиллерійскаго вооруженія. Наконецъ вся крѣпость, купно съ кронверкомъ, была обнесена съ внѣшней стороны системою рогатокъ, по которымъ были разставлены крѣпкіе караулы [1]).

Къ этому времени артиллерійское вооруженіе Петербургской крѣпости, не считая кронверка, состояло изъ 44 мѣдныхъ 18 фунтовыхъ пушекъ, 19 мѣдныхъ 3-хъ пудовыхъ мортиръ и 76 мѣдныхъ же 6 фунтовыхъ «мартирцовъ» [2]).

Въ 1707 году было приступлено къ возведенію на финляндскомъ берегу, противу крѣпости, земляного кронверка [3]). По проекту это сооруженіе (см. чертежъ), въ сѣверной его части, должно было состоять изъ двухъ бастіонныхъ фронтовъ съ простыми фланками и ориліонами. Крылья кронверка слѣдовало снабдить также одиночными фланками. По фронтамъ

[1]) Госуд. Арх., Каб. П. В, отд. II, кн. 7-я, л. 171 и 172.

[2]) Тамъ же, отд. I, кн. 24, л. 100—103.

[3]) Матеріалы флота, т. III, стр. 644 и 645. Ласковскій относитъ время закладки Кронверка къ 1705 г. (Матер. для исторіи инж. искусства т. III, стр. 428). Однако это не вѣрно. Предполагалось приступить къ постройкѣ Кронверка въ 1706 году, но къ осуществленію и этого предположенія явилась «препона, которая отняла работниковъ» — пожаръ въ крѣпости и необходимость возстановленія уничтоженныхъ имъ сооруженій. (Матер. Устрялова, стр. 124; Голиковъ, т. XIV, стр. 444; Картины жизни Меншикова, стр. 308).

и крыльямъ кронверка велѣно было расположить 86 казармъ-блиндажей. Кругомъ постройки долженъ былъ простираться водяной ровъ, сообщающійся съ внутренностью укрѣпленія посредствомъ двухъ потернъ, замыкаемыхъ у рва воротами. Противу этихъ воротъ долженствовало возвести два «большихъ равелина» съ устройствомъ по сторонамъ послѣднихъ по два равелина малыхъ, предназначенныхъ для продольнаго обстрѣливанія ружейнымъ огнемъ прикрытаго пути. Такіе же малые равелины и для той же цѣли слѣдовало устроить противу входящихъ угловъ фланковъ крыльевъ кронверка. У контръ-эскарпа, вѣроятно на прикрытомъ пути, у подошвы гласиса, подлежало установить палисады. Гласисъ предположено было окружить вторымъ широкимъ водянымъ рвомъ, сообщавшимся съ внутреннимъ рвомъ протоками во входящихъ углахъ у всѣхъ малыхъ равелиновъ [1]).

Работы собственно по кронверку, были произведены вполнѣ согласно съ проектомъ. Въ инструкціи Петра на 1707 годъ повелѣвалось приступить къ нимъ тотчасъ по вскрытіи Невы ото льда и работать «съ прилежнымъ поспѣшеніемъ, чтобъ будущаго лѣта, Богу помогающу, со всѣмъ отдѣлать». [2]) Требованіе это было исполнено: къ августу 1708 года валы кронверка были насыпаны и одѣты дерномъ; недодѣланныхъ казармъ было только 20, да и на тѣхъ оставалось только «накатить» потолки. По бастіонамъ и фланкамъ было поставлено на вооруженіе: 71 чугунная пушка 12-ти, 6-ти и 3-хъ фунтового калибра, 5 мортиръ и 2 гаубицы. Однако къ устройству равелиновъ и наружнаго рва приступлено еще не было [3]).

Одновременно съ указанными выше работами по Петербургу, производились различныя фортификаціонныя и другія

[1]) Госуд. Арх., Каб. II. В., отд. II, кн. 7, л. 173; Тетради Записныя, стр. 269; Голиковъ, т. II, стр. 278 и 279.

[2]) Тетради записныя, стр. 269.

[3]) Госуд. Арх., Каб. II. В., отд. II, кн. 7, л. 44 и 72.

работы и по острову Котлину. Въ исторіи этого острова, 1706 годъ является знаменательнымъ въ томъ отношеніи, что съ этого года было принято рѣшеніе застроить островъ и укрѣпить его постоянными верками, которые не разоружались бы на зиму подобно тому, какъ то практиковалось въ предшествовавшіе годы.

Наиболѣе серьезнымъ оборонительнымъ сооруженіемъ на островѣ явилось укрѣпленіе «Александръ-шанецъ», возведенное къ 8 сентября 1706 года на Толбухиной косѣ «для воспрепятствованія учиненію на сей островъ десантовъ». Подробности размѣровъ и начертанія этого укрѣпленія намъ не извѣстны. Знаемъ только, что укрѣпленіе было сомкнутое и что на немъ были возведены казармы «и прочія жилища солдатамъ» постояннаго гарнизона этого опорнаго пункта. Работы производились, повидимому, сухопутными войсками и находились въ вѣдѣніи сухопутнаго начальства—коменданта Кронштота, полковника Толбухина [1]).

Въ тоже самое время производились и работы по перестройкѣ Ивановской батареи въ постоянную. Первоначально перестроили старую батарею и вооружили ее 16-ю пушками; но весьма скоро рядомъ съ этою батареею была возведена новая, а затѣмъ обѣ соединены въ одну и образовали серьезное береговое укрѣпленіе, имѣвшее на вооруженіи къ 12 мая 1707 года 15—24 фунтовыхъ и 12—18 фунтовыхъ пушекъ [2]). Работы по этой батареѣ были подвѣдомственны морякамъ, которые получали рабочую силу и матерьялы отъ сухопутнаго начальства. Наряды рабочихъ и количество подлежавшихъ выдачѣ въ морское вѣдомство матерьяловъ указывались самимъ монархомъ; но не смотря на это, дѣло не обходилось безъ

---

[1]) Тамъ же, Отд. I, кн. 20, л. 4; Арх. Гл. Инж. Упр. д. № 26 по описи № 26; Юрналъ 1706 г., стр. 8; Матерьялы Устрялова, стр. 124; Голиковъ, т. XIV, стр. 444.

[2]) Матерьялы флота, т. I, стр. 139 и 142.

пререканій между двумя, другъ отъ друга независившими управленіями. Такъ 1 мая 1707 года вице-адмиралъ Крейсъ жаловался генералъ-адмиралу Апраксину на Толбухина, что послѣдній, въ отвѣтъ на его требованія о выдачѣ рабочимъ припасовъ, «комплиментомъ отговаривается». Имѣются и другіе документы того же характера.

Кромѣ указанныхъ выше оборонительныхъ работъ имѣются лишь свѣдѣнія объ устройствѣ въ разсматриваемый промежутокъ времени у Котлина, распоряженіемъ морского вѣдомства, плавучихъ рогатокъ, съ употребленіемъ для этихъ работъ «скляновъ»—каторжниковъ съ галеръ. Весьма характерно приказаніе Петра, въ отвѣтъ на просьбу Крейса объ отпускѣ для рогатокъ лѣса; приказавъ лѣсъ отпустить, царь рекомендовалъ Крейсу верхнюю треть бревенъ, негодную для подѣлокъ, отпускать во флотъ на топливо [1]). Вотъ до какихъ мелочей доходилъ экономный монархъ въ своей дѣятельности по руководству строительными операціями!

16 іюня 1706 года, въ присутствіи царя, на Котлинѣ было отпраздновано освященіе деревянной церкви, срубленной на Олонецкой верфи и доставленной къ мѣсту назначенія водою. Возведеніе этой церкви можно считать началомъ устройства на Котлинѣ города, получившаго впослѣдствіи названіе Кронштадта. По поводу этого торжества «веселились довольно» [2]).

Въ тотъ же промежутокъ времени были произведены нѣкоторыя оборонительныя работы и внѣ укрѣпленныхъ раіоновъ Петербурга и Котлина.

«На Выборгской сторонѣ (т. е. на правомъ берегу Невы), ниже Канецъ, сдѣланъ былъ при мосту черезъ Неву рѣку шанецъ въ 707 году» [3]). На одной изъ картъ начала XVIII

[1]) Матерьялы флота, т. I, стр. 125, 126, 138, 139 и 142.
[2]) Юрналъ 1706 г., стр. 16.
[3]) Матерьялы флота, т. III, стр. 644.

вѣка [1]), близъ устьевъ Охты показанъ мостъ черезъ Неву на плавучихъ устояхъ въ мѣстѣ подхода къ рѣкѣ большой выборгской дороги. Впереди моста, на финляндскомъ берегу, показано предмостное укрѣпленіе въ видѣ флеши, усиленной передъ гласисомъ искусственнымъ препятствіемъ изъ рогатокъ или засѣки. Имѣется на той же картѣ и другое укрѣпленіе на выборгской дорогѣ, верстахъ въ 10 отъ Невы, представляющее собою люнетъ, обращенный фронтомъ къ сторонѣ Выборга.

«По Невѣ рѣкѣ редуты и батареи отъ Шлиссельбурга до Петербурга подѣланы были въ томъ же 707 году» [2]).

---

[1]) Арх. Гл. Инж. Упр., I разр., № 22,787.
[2]) Матерьялы флота, т. III, стр. 645.

ГЛАВА X.

Военныя дѣйствія въ Ингерманландіи въ 1706—1708 гг.—Кампаніи 1706 и 1707 гг.—Переправа черезъ Неву Майделя.—Походъ на Выборгъ.—Альтранштадтскій договоръ.—Политическіе переговоры.—Планъ военныхъ дѣйствій на 1708 г.—Ф. М. Апраксинъ главнокомандующій въ Ингріи.—Вторженіе Либекера въ Ингерманландію.—Наши силы у С.-Петербурга.—Бой у устья Тосны.—Бездѣйствіе флотиліи графа Боциса.—Движеніе Либекера вглубь страны.—Поведеніе чухонъ.—Отступленіе Либекера къ Сойкиной мызѣ и посадка войскъ на суда.—Бой у Криворучья—послѣдній бой со шведами въ землѣ Ижорской.

Полная неудача, сопровождавшая попытки шведскихъ военачальниковъ— адмирала Анкерштерна и генерала Майделя— завладѣть устьями Невы въ 1704 и 1705 годахъ была причиною вялости военныхъ дѣйствій нашего противника на ингерманландскомъ театрѣ въ теченіе послѣдующихъ двухъ годовъ. Ничего рѣшительнаго шведы не предпринимали. Въ особенности тихо было на морѣ.

Весною 1706 года пойманный русскими шведскій матросъ показалъ, что изъ Карльскроны вышло по направленію къ Котлину восемь шведскихъ кораблей и 12 шнявъ, вооруженіе которыхъ состояло изъ 520 орудій, а экипажъ простирался до 3,500 человѣкъ. При этой эскадрѣ не имѣлось ни брандеровъ, ни бомбардирскихъ судовъ—главныхъ и обычныхъ средствъ того времени для борьбы флота съ деревянными фортификаціонными сооруженіями морскихъ крѣпостей—да и вообще, по показанію плѣнника, «къ Котлину де острову нынѣшнимъ лѣтомъ промыслу не будетъ за малолюдствомъ; то онъ слышалъ отъ многихъ людей во флотѣ» [1]).

[1]) Государств. Арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 5-я, л. 73.

Несмотря на такія успокоительныя извѣстія, флотъ нашъ готовился къ кампаніи дѣятельно: къ началу лѣта наша эскадра у Котлина состояла изъ одного 32-хъ-пушечнаго корабля, десяти 28-ми-пушечныхъ фрегатовъ, одного бомбардирскаго судна, семи галеръ, десяти шнявъ, двухъ брандеровъ и значительнаго количества мелкихъ судовъ [1]). Однако, эта сильная эскадра для активныхъ дѣйствій не предназначалась. Ея начальникъ, вице-адмиралъ Корнелій Ивановичъ Крёйсъ, былъ скорѣе озабоченъ тѣмъ, чтобы непріятель оставилъ наши морскія силы въ покоѣ. Онъ настойчиво совѣтовалъ Петру достигнуть подобнаго отношенія къ намъ со стороны шведовъ путемъ рѣшительныхъ военныхъ операцій на сухомъ пути. Вице-адмиралъ указывалъ на необходимость взять Выборгъ, разорить городъ и срыть до основанія всю крѣпость, лишивъ этимъ врага ближайшей къ нашимъ владѣніямъ морской базы и, слѣдовательно, свободы дѣйствій въ прилегающихъ къ Ингерманландіи водахъ. Совѣтовалъ онъ поступить точно также и съ Кексгольмомъ, обративъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ пустыню всю восточную часть Финляндіи. Мѣрами этими Крейсъ разсчитывалъ достигнуть полной для шведовъ невозможности оперировать въ пограничныхъ съ нами финляндскихъ областяхъ и водахъ; онъ думалъ также подорвать и шведскіе финансы, указывая въ этомъ отношеніи, между прочимъ, на то обстоятельство, что отъ однихъ «смоляныхъ отпусковъ» изъ восточной Финляндіи Карлъ ежегодно имѣетъ свыше 800,000 ефимковъ доходу [2]).

Не задаваясь цѣлью повторять попытки къ овладѣнію Котлиномъ, шведы не оставили, однако, принятаго ими въ началѣ 1705 года рѣшенія блокировать завоеванное русскими восточное побережье Финскаго залива. Къ началу лѣта 1706 года

[1]) Невѣжинъ. «Русскій флотъ на Балтійскомъ морѣ», «Морской Сборникъ» 1870 г., № 3, стр. 97.

[2]) Государств. Арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 4-я, лл. 140 и 141.

ихъ флотъ маневрировалъ уже вблизи Котлина: 7-го мая, еще до появленія шведовъ, самъ Петръ отправился на шнявѣ въ море для развѣдокъ, но «крейсерство» продолжалось недолго: въ нѣсколькихъ верстахъ отъ острова увидѣли шведскій флотъ и тотчасъ же поворотили обратно, выстрѣлами изъ пушекъ предупреждая нашу эскадру и ея начальника о приближеніи врага. Интереснымъ является тотъ фактъ, что Крейсъ не понялъ сигнала Царя: «стрѣльба въ гулянье младенцевъ или про здоровье въ подпитокъ почтена была» [1]). Обстоятельство это Петръ долго не могъ простить вице-адмиралу, постоянно напоминая ему о немъ, при каждомъ случаѣ, когда Крейсъ, часто полемизировавшій съ Петромъ въ области управленія флотомъ, говорилъ о своей опытности въ морскомъ дѣлѣ.

Появившійся у Котлина шведскій флотъ, состоявшій изъ 15-ти судовъ, долго не подходилъ къ Кронштлоту ближе 10—15 морскихъ миль. По свидѣтельству англійскаго посланника Витворта, «весною у русскихъ со шведами установилось что-то вродѣ частныхъ сношеній: каждыя три недѣли изъ Выборга пріѣзжаетъ офицеръ съ просьбою о добромъ отношеніи къ плѣннымъ или по другому поводу. На лодкѣ, которая его привозитъ, обыкновенно доставляется нѣсколько тюковъ товара, находящаго себѣ очень выгодный сбытъ; адмиралы же враждебныхъ флотовъ обмѣнялись подарками, въ которыхъ нуждалась каждая сторона» [2]). Въ послѣдующее время суда непріятеля хотя и подходили не разъ къ Кронштлоту, по одиночкѣ и группами, но не съ цѣлью атаковать крѣпость. Такъ, между прочимъ, около 9-го августа явилось подъ фортъ 12 шведскихъ кораблей, но на мачтѣ передового судна развѣвался бѣлый флагъ: шведы привезли письма своимъ плѣннымъ соотечествен-

[1]) «Матеріалы» Н. Устрялова (т. IV, ч. II), стр. 272.

[2]) «Донесенія и другія бумаги чрезвычайнаго посланника англійскаго при русскомъ дворѣ Чарльза Витворта съ 1704 по 1708 г.». Сб. русск. Имп. историч. общества, т. XXXIX, стр. 279.

никамъ и тотчасъ же ушли назадъ, надолго исчезнувъ отъ взоровъ защитниковъ Котлина [1]).

Подозрѣвая въ такомъ поведеніи врага выжидательную систему и озабочиваясь тѣмъ, чтобы шведы не могли напасть на островъ врасплохъ, Петръ отдалъ Крейсу приказаніе оставаться съ флотомъ у Кронштлота по возможности до окончанія навигаціи, въ полномъ составѣ боевой эскадры или, по крайней мѣрѣ, въ числѣ десяти судовъ большихъ рангов «съ добрымъ командиромъ» [2]). Приказаніе это было принято къ исполненію, причемъ, на случай внезаннаго ледохода и для возможности быстрой проводки судовъ на зимнюю стоянку того времени, именно въ Кронверкскій протокъ у Петербургской крѣпости, въ концѣ септября, всѣ суда со значительною осадкою были отведены за Кронштлотъ, ко взморью и разгружены отъ баласта [3]).

11-го октября два шведскихъ фрегата подошли было къ расположенной противу Кронштлота на островѣ Котлинѣ Ивановской батареѣ такъ «какъ можно изъ пушки достать», но ничего особаго не предприняли. 13 числа они взяли подъ Красною Горкою карбусъ, шедшій къ Кронштлоту изъ Нарвы съ 180 четвертями провіанта; 14-го были видны уже съ сѣверной стороны Котлина, а 15-го скрылись вовсе и не показывались болѣе до конца навигаціи. Нашъ же вице-адмиралъ все собирался только выдти въ открытое море при благопріятной погодѣ, но намѣреніе его осталось не осуществленнымъ [4]).

Не многимъ оживленнѣе была дѣятельность нашего флота

---

[1]) Государ. арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 5-я, лл. 75 и 76.

[2]) «Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Государя Императора Петра Великаго». Ѳ. Туманскій. Спб. 1787 года.

[3]) Государ. арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 5-я, л. 189.

[4]) Государ. арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 5-я, л. 171.

и въ слѣдующемъ 1707 году. Въ кампанію готовились тѣ же суда, что и въ 1706 году, да новыхъ девять галіотовъ и 10 бригантинъ [1]). Но кампанія эта опять-таки была чужда активнаго характера дѣйствій и иниціативы со стороны начальника эскадры, если не считать «крейсерства» отдѣльныхъ судовъ.

Еще въ декабрѣ 1706 года Крейсъ писалъ, между прочимъ, Царю: «Непріятели въ 1705 году, будучи въ довольномъ увѣдѣніи, имѣли себѣ намѣрокъ Вашего Царскаго Величества морскую флоту разорить, которое, черезъ помощь Божьею, имъ не удалось. А въ нынѣшнемъ 1706 году знатно, что они довольно увѣдомлены о добромъ уставѣ и готовности, такожъ что Вашего Царскаго Величества флоты прибыло противъ 1705 года, и видя они, что Вашего Царскаго Величества корабли прежде ихъ въ готовности при Кронштотѣ стоятъ въ такомъ добромъ опредѣленіи, ихъ непріятельскія мысли единыжды исчезли, что они не посмѣли приступъ чинить. И можетъ быть, что непріятель, отъ всѣхъ здѣшнихъ бѣглецовъ принявъ увѣданіе, свою морскую силу больше брандерами и иными машинами наполнитъ и такъ будутъ отвѣданіе чинить Твоей Царскаго Величества флотѣ, а они, непріятели, больше опасеніе имѣютъ, что Вашего Царскаго Величества флота прибудетъ, нежели всей арміи сухопутной» [2]).

Опасенія Крейса не оправдались. Въ теченіе всего лѣта шведы подходили къ Котлину, сколько намъ извѣстно, только два раза: 10-го мая въ виду Кронштота появилось шесть вражескихъ кораблей, тотчасъ же отступившихъ передъ высланными имъ на встрѣчу восемью кораблями и однимъ брандеромъ нашей эскадры [3]), а 30-го октября подходилъ къ форту

[1]) Невѣжинъ. «Морской Сборникъ» 1870 г., № 5, стр. 110.

[2]) «Матеріалы для исторіи русскаго флота». Спб. 1865 и послѣд. года, т. I, стр. 125.

[3]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 140.

только одинъ шведскій корабль, выпалилъ изъ двухъ пушекъ и ушелъ обратно въ море [1]).

Это появленіе шведовъ въ самомъ началѣ и въ самомъ концѣ навигаціи заставляетъ предполагать, что противникъ, зная о постоянной зимовкѣ нашей эскадры въ Петербургѣ, являлся на развѣдки: не оставленъ ли Котлинъ, и имѣются ли у насъ боевыя плавучія средства. Лишь при наличности такого факта шведы предполагали возможнымъ атаковать наши укрѣпленія. Несомнѣнно, развѣдчики высылались отъ вражеской эскадры, стоявшей тогда на рейдѣ Біоркъ-Э, откуда шведскіе корабли могли подойти къ Кронштлоту скорѣе судовъ русскаго флота, такъ какъ переходъ послѣднихъ изъ Кронверкскаго протока по мелкому фарватеру на взморьѣ былъ сопряженъ съ необходимостью искусственнаго поднятія ватеръ-линіи путемъ временнаго освобожденія судовъ отъ баласта, а иногда и отъ части артиллерійскаго вооруженія.

Въ общемъ слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ лѣто 1707 г. бдительность шведскаго флота, блокировавшаго берега Ингерманландіи, была значительно слабѣе, нежели въ предшествовавшіе годы. Это усматривается изъ того обстоятельства, что отдѣльныя суда нашей эскадры, находившейся подъ начальствомъ весьма осторожнаго адмирала, нерѣдко выходили изъ-подъ Кронштлота въ крейсерство и предпринимали даже экспедиціи на ближайшіе острова Финляндіи и въ шхеры. Впрочемъ, всѣ эти дѣйствія не имѣли существеннаго значенія и носили характеръ скорѣе морской практики, чѣмъ боевыхъ операцій [2]).

Подобно дѣйствіямъ на морѣ, незначительны были и сухопутныя операціи собственно въ Ингерманландіи въ теченіе 1706 и 1707 годовъ.

[1]) Юрналъ 1707 г., стр. 13.
[2]) Невѣжинъ. «Морской Сборникъ» 1870 г., № 5, стр. 111.

Въ январѣ 1706 года появились было отдѣльныя шведскія партіи со стороны Ливоніи на нашей территоріи, подъ Гдовомъ, но вскорѣ отступили за границу, освѣдомившись о движеніи имъ на встрѣчу русскаго отряда, высланнаго изъ Нарвы оберъ-комендантомъ крѣпостей Ингерманландіи Романомъ Виллимовичемъ Брюсомъ [1]). Происходили незначительныя стычки и между пограничными постами русскихъ и шведовъ.

Болѣе серьезнымъ явилось движеніе генерала Майделя за Неву лѣтомъ 1706 года.

25-го іюля «была въ городѣ (С.-Петербургѣ) тревога: изъ пушекъ три (раза) лозунгъ палили, и черезъ Неру рѣку перешли шведы» [2]).

Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ.

24-го іюля генералъ Майдель, во главѣ двухтысячнаго отряда, перешелъ черезъ Неву выше рѣки Охты, оставивъ у устьевъ послѣдней, на большой выборгской дорогѣ, заставу, силою въ 100 человѣкъ. Движеніемъ этимъ не преслѣдовалось никакой прямой и серьезной цѣли, что явствуетъ хотя бы изъ того обстоятельства, что Майдель направилъ въ походъ лишь меньшую часть своего отряда. Имѣла-ли эта операція какую-либо скрытую цѣль—намъ неизвѣстно. По переходѣ черезъ Неву, шведы разграбили нѣсколько деревень и начали углубляться въ наши предѣлы, дойдя до мызы Кипенской, расположенной нынѣ на нарвскомъ почтовомъ трактѣ, въ $14^1/_2$ верстахъ отъ Краснаго Села.

Узнавъ о движеніи Майделя, Брюсъ, выславъ къ устьямъ Охты Ингерманландскій драгунскій полкъ съ маіоромъ Дедюмомъ, самъ, съ пѣхотными полками, пошелъ было на Майделя, но, не дойдя до деревни Славянки близъ мызы Сарской (что

[1]) Государ. арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 5, л. 69.
[2]) Юрналъ 1706 года, стр. 17.

нынѣ Царское Село), повернулъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, обратно къ Петербургу. Между тѣмъ Дедютъ разгромилъ шведскую заставу у Охты и расположился станомъ на путяхъ сообщенія шведовъ съ Финляндіей. Обстоятельство это, въ связи съ полученіемъ свѣдѣній о движеніи Брюса, въ дѣйствительности отступившаго уже къ Петербургу, заставило Майделя предпринять 1-го августа обратный походъ черезъ Неву выше Охты и отступленіе кружнымъ путемъ къ Выборгу [1]).

Столь странная перѣшительность дѣйствій съ обѣихъ сторонъ можетъ быть пояснена лишь тѣмъ, что Майдель былъ плохо освѣдомленъ о силахъ и намѣреніяхъ русскихъ, а Брюсъ, имѣвшій тогда въ своемъ распоряженіи у Петербурга и на Котлинѣ всего лишь шесть полковъ пѣхоты [2]) и видѣвшій, быть можетъ, въ дѣйствіяхъ Майделя простую демонстрацію, прикрывавшую тайные планы, не рѣшался отдаляться отъ Петербурга и оставить городъ почти безъ защитниковъ.

Въ то время, когда въ Ингерманландіи все обстояло благополучно, на главномъ театрѣ Сѣверной войны совершались событія грознаго для Россіи характера. Почти вся русская полевая армія находилась въ критическомъ положеніи подъ Гродной. Карлъ XII, подошедшій къ этому городу съ праваго берега Нѣмана, отрѣзалъ русскимъ отступленіе въ глубь страны къ востоку; съ другой стороны русскимъ угрожали отряды Левенгаупта и Реншёльда. Отступленіе нашей арміи къ Кіеву, совершенное по плану, лично принадлежавшему Петру, представляетъ одну изъ наиболѣе блестящихъ страницъ русской военной исторіи. Это отступленіе, поставленное въ

[1]) «Сборн. русск. истор. общества» т. XXXIX, стр. 307; Юрналъ 1706 г., стр. 17.

[2]) «Тетради записныя всякимъ письмамъ и дѣламъ, кому что приказано и въ которомъ числѣ отъ Его Императорскаго Величества Петра Великаго» и т. д. Спб., 1774 г., стр. 165.

условія, не дозволившія Карлу преслѣдовать русскихъ, надолго обезпечило нашу армію отъ серьезной опасности со стороны шведовъ. Карлъ не могъ предпринять ничего лучшаго какъ двинуться въ Саксонію—родину ненавистнаго для него польскаго короля Августа II—разореніе которой не могло не поставить послѣдняго въ весьма критическое положеніе.

Между тѣмъ, удаленіе Карла XII въ Саксонію позволило Петру обратить свое вниманіе на сѣверъ. Урокъ подъ Гродною приводилъ къ соображенію о томъ, что исходъ Сѣверной войны далекъ еще отъ благопріятнаго для насъ разрѣшенія; въ случаѣ же пораженія нашихъ главныхъ силъ гдѣ-нибудь въ предѣлахъ Польши или Украйны, завоеванныя дѣдовскія области Ингермандландіи легко могли ускользнуть изъ рукъ монарха. Съ юга и юга-запада Ингрія была болѣе или менѣе обезпечена разореніемъ Лифляндіи и Эстляндіи, приведеніемъ въ порядокъ верковъ бывшихъ шведскихъ крѣпостей Нарвы и Дерпта и сооруженіемъ крѣпости въ Ямахъ (Ямбургѣ). Нельзя было сказать того же про сѣверо-западъ; правда, Петербургъ былъ укрѣпленъ, но Петербургъ назывался уже «столицей» Россійскаго государства и обрекать послѣднюю на зависимость отъ случайностей, коимъ всегда подвержены пограничные опорные пункты, не приходилось. Кромѣ того, Петербургъ, какъ показалъ опытъ, не гарантировалъ Ингрію отъ набѣговъ шведовъ въ глубь страны. Слѣдовало, во что бы то ни стало, соорудить, по выраженію Петра, «крѣпкую подушку Петербургу» и лишить непріятеля ближайшей къ нимъ морской и сухопутной базы. Слѣдовало завладѣть Выборгомъ и обратить этотъ пунктъ въ русскую крѣпость.

Приготовленія къ походу подъ Выборгъ начались въ августѣ 1706 года. Главныя заботы по этой операціи были возложены на петербургскаго (ингерманландскаго) оберъ-коменданта Романа Виллимовича Брюса. Артиллерія, различные боевые и жизненные припасы, шанцевый инструментъ, хол-

щевые мѣшки и прочіе осадные матеріалы скрытно свозились частью въ Петербургъ и главнымъ образомъ на островъ Котлинъ. Тогда же приказано было пустить слухъ, что приготовленія эти были направлены къ усиленію обороны острова. Стягивались къ Петербургу и его окрестностямъ и войска. Послѣднія подходили не только изъ городовъ Ингерманландіи, но и изъ-подъ Пскова и Новгорода. Такъ изъ послѣднихъ городовъ прибыло въ Петербургъ, къ концу сентября, семь пѣхотныхъ и стрѣлецкихъ полковъ, численностью въ 6,678 человѣкъ. Общая сила дѣйствующей Ингерманландской арміи была доведена до 19-ти полковъ пѣхоты, семи полковъ драгунскихъ, 2,000 казаковъ и 2,000 низовой конницы [1]).

1-го октября самъ Петръ съ Романомъ Брюсомъ выступилъ изъ Петербурга на Выборгъ съ арміей въ 13,000 пѣхоты, 5,000 регулярной кавалеріи и 2,000 казаковъ [2]).

Подробности этого неудачнаго похода, прежде всего показавшаго невозможность завладѣть Выборгомъ безъ помощи флота [3]), не входятъ въ нашу задачу. Все же считаемъ не лишнимъ привести нижеслѣдующія строки изъ донесенія тогдашняго англійскаго посланника Витворта, лица, весьма освѣдомленнаго въ дѣлѣ, свидѣтельство котораго, въ общемъ, вполнѣ согласно съ указаніями нашихъ многочисленныхъ оффиціальныхъ источниковъ.

«Армія... 12-го (октября) подошла къ укрѣпленіямъ Выборга, не встрѣтивъ на пути сопротивленія, несмотря на то,

---

[1]) Госуд. Арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 5, лл. 75 и 75; Д. Масловскій. «Матеріалы Сѣверной войны». «Военный Сборникъ» 1892 г., № 10, стр. 327; И. И. Голиковъ. «Дѣянія Петра Великаго — мудраго преобразователя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ». Изд. 2-ое. Москва, 1837 г., т. II, стр. 233.

[2]) Д. Бутурлинъ. «Военная исторія походовъ россіянъ въ XVIII столѣтіи». Спб., 1819 г., т. II, стр. 96.

[3]) «Тетради записныя», стр. 232.

что шведы выстроили на дорогѣ два большіе редута [1]). Первый, занятый гарнизономъ въ 400 человѣкъ и защищенный двойнымъ рядомъ палисадовъ и глубокимъ рвомъ, былъ покинутъ при приближеніи непріятеля; второй же, выгодно расположенный въ болотистой мѣстности, приблизительно въ полумилѣ отъ города, защищаемый тремя стами человѣкъ при двухъ пушкахъ, продержался съ часъ, но затѣмъ гарнизонъ, перекинувъ мосты, ночью отступилъ черезъ лѣса; только пушки и часть аріергарда захвачены были русскими у воротъ редута. Самый Выборгъ лежитъ на небольшомъ проливѣ, образуемомъ озеромъ, которое около двухъ англійскихъ миль ширины и соединено съ Корелiей мостомъ, перекинутымъ съ помощью острова, лежащаго посреди пролива. Послѣ того, какъ русскіе взяли Нотебургъ (Шлиссельбургъ), вокругъ Выборга построено нѣсколько новыхъ верковъ (прежде въ немъ были только старинныя укрѣпленія), но главная сила его заключается въ выгодномъ положеніи на неровной каменистой почвѣ, вблизи двухъ небольшихъ холмовъ, у подошвы которыхъ стоитъ вода, такъ что городъ можетъ быть атакованъ только съ одной стороны и то не путемъ вырытыхъ траншей, а возведеніемъ защитъ изъ туровъ, мѣшковъ и т. п./ Услыхавъ о намѣреніяхъ Царя, генералъ Майдель заперся въ Выборгѣ съ 3,000 человѣкъ, остальныя же свои войска выгодно расположилъ въ сторонѣ, чтобы призвать ихъ на помощь въ случаѣ нужды. Сообразивъ неудобства, представляемыя осадой, а также невозможность прервать сообщеніе гарнизова съ запаснымъ от-

[1]) На одной изъ хранящихся въ инженерномъ архивѣ картъ, относящейся къ первымъ годамъ XVIII в., по большой выборгской дорогѣ, пролегавшей тогда приблизительно по тому же направленію, какъ и нынѣ, но обходившей Петербургъ съ сѣвера и упиравшейся въ Неву у праваго берега Охты, нанесены: сомкнутое четыреугольное укрѣпленіе бастіоннаго начертанія верстахъ въ 55-ти отъ Петербурга и такое же, но нѣсколько большихъ размѣровъ, укрѣпленіе недалеко отъ Выборга (Инженерн. арх., I разрядъ, № 22787).

рядомъ или атаковать островъ, расположенный въ заливѣ («за неимѣніемъ лодокъ»), русскіе оставили мысль объ осадѣ и, выдвинувъ пять небольшихъ мортиръ, между 21-мъ и 25-мъ октября бросили въ городъ около 500 бомбъ, не причинивъ ему, однако, значительнаго вреда. Шведы горячо отвѣчали изъ своихъ пушекъ и мортиръ, нанося непріятелю нѣкоторый вредъ; но главнымъ образомъ русскіе потерпѣли отъ потери лошадей: расположенныя или на камняхъ, или въ болотѣ, терпя нужду въ фуражѣ, онѣ стали падать такъ быстро, что признано было благоразумнымъ снять лагерь 26-го октября. Большинство драгунъ возвратилось въ Ингрію на зимнія квартиры пѣшкомъ, прибывъ туда 10-го ноября стараго стиля» [1]).

Вернувшись изъ неудачнаго похода подъ Выборгъ, Петръ, повидимому, рѣшился повторить ту же операцію въ слѣдующее же лѣто. Но обстоятельства измѣнились и дѣло это пришлось отложить надолго.

Движеніе Карла XII на Саксонію привело Августа II, какъ и слѣдовало ожидать, въ полный ужасъ и послужило мотивомъ сепаративнаго его договора съ шведскимъ королемъ въ Альтранштадтѣ, по которому Августъ отказался отъ польскаго престола и отъ союза съ Петромъ. Договоръ этотъ, заключенный 13-го октября 1706 года, рѣшено было сохранять, до поры до времени, въ тайнѣ; но уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, послѣ участія саксонцевъ въ несчастливой для шведовъ битвѣ при Калишѣ, Альтранштадтскій миръ, по настоянію Карла XII, былъ обнародованъ. Узналъ объ этомъ Петръ лишь 10-го декабря, на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, и тотчасъ же повернулъ къ дѣйствующей арміи въ Кіевъ [2]).

Положеніе Россіи стало болѣе нежели затруднительнымъ. Ей одной приходилось бороться съ могущественнымъ и от-

[1]) «Сборникъ русскаго историческаго общества», т. XXXIX, стр. 337.
[2]) «Матеріалы Устрялова» (т. IV, ч. I), стр. 513 и 530 — 533.

важнымъ противникомъ, и бывшая увѣренность Петра, что «Ингрія въ рукахъ», стала колебаться.

Потерю союзника въ лицѣ Августа II Петръ думалъ вознаградить заключеніемъ союза съ другими монархами, но уже не съ цѣлью воевать съ Карломъ, а для принужденія шведскаго короля къ заключенію съ Россіею болѣе или менѣе выгоднаго для послѣдней мира.

Уже въ концѣ 1706 года нашъ посолъ въ Англіи Матвѣевъ получилъ полномочіе просить англичанъ о высылкѣ союзнаго флота въ Балтійское море, для принужденія Карла XII къ миру. Петръ давалъ обѣщаніе, тотчасъ по заключеніи такового, выслать войска въ помощь Англіи при ея борьбѣ съ Франціею; обѣщалъ доставить безвозмездно различные матеріалы, необходимые для англійскаго флота; указывалъ на выгоды для Англіи производить торговлю съ Россіею не черезъ Архангельскъ, а черезъ пристани Балтійскаго побережья... Переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ.

Весною 1707 года обращались съ аналогичными обѣщаніями къ Людовику XIV и также съ просьбою принудить Карла XII къ заключенію мира. Франція взяла-было на себя посредничество, но Карлъ согласился на миръ лишь при условіи возвращенія Швеціи всей Ингерманландіи. На такое условіе Петръ не согласился и согласиться не могъ, предложивъ, однако, Карлу возвратить Швеціи Нарву.

Зондировали почву и въ Вѣнѣ, предлагая Евгенію Савойскому польскую корону; но отъ императора послѣдовалъ вѣжливый отказъ. Обращались къ Пруссіи; хотѣли снова вовлечь въ войну Данію, обѣщая ей Дерптъ и Нарву; просили римскаго папу не признавать Станислава Лещинскаго королемъ Польши, какъ ставленника Карла XII —врага католицизма— и повліять въ этомъ смыслѣ на Рѣчь Посполитую... Всѣ эти старанія успѣхомъ не увѣнчались. Новыя попытки повести переговоры непосредственно съ самимъ Карломъ также не

привели къ желанному концу: шведскій король заносчиво отвѣчалъ, что будетъ говорить о мирѣ только въ Москвѣ.

«Братъ мой Карлъ думаетъ быть Александромъ, но не найдетъ во мнѣ Дарія»,—заявилъ Петръ, одновременно съ отданіемъ подробнѣйшихъ инструкцій объ укрѣпленіи границъ Россіи и городовъ Смоленска, Пскова, Новгорода, Великихъ Лукъ и даже самой Москвы.

Но, несмотря на выгодность положенія, Карлъ рѣшительными дѣйствіями медлилъ и лишь въ 1708 году Россіи стала грозить съ разныхъ сторонъ серьезная опасность, обратившая и Ингерманландію въ театръ значительныхъ военныхъ дѣйствій, производившихся въ связи съ общимъ планомъ Сѣверной войны.

Положеніе Россіи было въ то время въ высшей степени тяжелымъ. Лишенная союзниковъ, она должна была принять на себя все бремя войны, грозившей перенести военныя дѣйствія вглубь государства. Въ планы шведскаго короля, насколько то было извѣстно нашему правительству, вошло рѣшеніе не только возвратить шведской коронѣ всѣ потери въ Ингерманландіи, но и дойти до самой Москвы. Здѣсь думалъ Карлъ заключить миръ съ русскими «по-саксонски»: думалъ свергнуть съ престола Петра Великаго и повезти на царство своего ставленника—Якова Собѣскаго.

Тяжесть положенія усугублялась внутренними смутами въ государствѣ: на юго-востокѣ бунтовались башкирцы и смежные съ ними инородцы; на Дону кипѣлъ бунтъ Булавина.

Изъ Саксоніи Карлъ XII вышелъ еще осенью 1707 года во главѣ прекраснаго войска, отдохнувшаго въ богатой странѣ, сытаго и хорошо обмундированнаго за счетъ побѣжденныхъ. Съ нимъ было до 24,500 человѣкъ конницы и до 20,000 пѣхоты.

Армія эта не приступила, однако, къ активнымъ операціямъ немедленно; болѣе четырехъ мѣсяцевъ пребывала она въ

бездѣйствіи на лѣвомъ берегу Вислы и лишь въ декабрѣ двинулась въ Литву.

Зимній маршъ, предпринятый Карломъ вопреки совѣтамъ всѣхъ приближенныхъ, причинилъ нашему врагу существенный и непоправимый ущербъ. Холодъ, отсутствіе достаточнаго продовольствія, крайняя враждебность мѣстнаго населенія — все это заставило шведскую армію бѣдствовать въ продолженіе всей зимы. Но армія эта казалась грозной русскимъ, сразиться съ нею грудь-грудью въ генеральномъ сраженіи Петръ не хотѣлъ и рѣшилъ вести войну исключительно оборонительнаго характера.

Къ началу кампаніи 1708 года относительное расположеніе полевыхъ войскъ обоихъ противниковъ было слѣдующее:

Карлъ съ арміей въ 35,000 человѣкъ стоялъ въ Литвѣ; генералъ Крассовъ съ 8,000 находился въ Польшѣ, поддерживая Станислава Лещинскаго въ его борьбѣ съ польскими магнатами, не признававшими этого короля; генералъ Левенгауптъ съ 16,000 былъ у Риги; наконецъ, Либекеръ съ 12,000 расположился въ окрестностяхъ Выборга.

Наша полевая армія съ Петромъ, численностью въ 67,000 человѣкъ, была расположена за рѣками Уллою и Березиной; отдѣльный корпусъ Баура наблюдалъ за Левенгауптомъ; въ Ингерманландіи находилось до 23,500 человѣкъ войска [1]).

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что ингерманландскія войска были въ большинствѣ случаевъ связаны задачею обороны извѣстныхъ отдѣльныхъ пунктовъ, составляя гарнизоны послѣднихъ, и что собственно полевая ингерманландская армія была крайне незначительна.

На военномъ совѣтѣ въ Бѣшенковицахъ опасались, главнымъ образомъ, двухъ операцій противника: во-первыхъ, по-

[1]) А. З. Мышлаевскій. «Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ», выпускъ V, стр. 11.

хода Карла XII ко Пскову и Новгороду совмѣстно съ Левенгауптомъ, присоединенія къ нимъ Либекера и движенія всѣхъ силъ шведовъ на Москву со стороны Новгорода, черезъ Тверь; во-вторыхъ, похода Карла на Смоленскъ, соединенія съ Левенгауптомъ и движенія опять-таки на Москву. Лишь одинъ А. Д. Меншиковъ высказывалъ опасеніе, какъ бы Карлъ XII не направился въ Украйну [1]).

Мы не будемъ входить въ подробности тѣхъ мѣропріятій, которыя полагались соотвѣтственными для предупрежденія свободы дѣйствій шведовъ на томъ или другомъ маршѣ. Мы ограничимся лишь указаніемъ на мѣры предосторожности, принятыя для огражденія Ингерманландіи вообще и устьевъ Невы въ частности отъ вражескаго вторженія.

Движеніе на Ингерманландію главной шведской арміи никогда не входило въ планы Карла XII, да этого не опасались и русскіе. Карлъ, повидимому, считалъ, что отряда Либекера вполнѣ достаточно для покоренія Петербурга и другихъ крѣпостей этой провинціи, а также для уничтоженія ингерманландской полевой арміи. Петръ опасался одновременнаго вторженія въ Ингрію Либекера и Левенгаупта, какъ подготовки шведской операціи на Москву со стороны Новгорода.

Предусматриваемая опасность для Ингріи со стороны Риги, гдѣ стоялъ Левенгауптъ, побудила Царя подчинить отдѣльный корпусъ Баура главнокомандующему сухопутными и морскими силами въ названной области Федору Матвѣевичу Апраксину, назначенному на этотъ постъ еще въ мартѣ 1707 года [2]); вмѣстѣ съ тѣмъ, Петръ предупреждалъ генералъ-адмирала [3]),

[1]) Карцевъ. «Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны». Спб. 1851 г., стр. 85.

[2]) «Сборн. рус. истор. общ.», т. XXXIX, стр. 378.

[3]) Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ былъ назначенъ генералъ-адмираломъ, по смерти графа Федора Алексѣевича Головина, 2-го августа 1706 года. (Госуд. арх. Каб. И. В., отд. I, кн. 24, л. 68).

что Бауръ можетъ быть отозванъ и къ нашей главной полевой арміи, но лишь въ томъ случаѣ, если Левенгауптъ пойдетъ на соединеніе къ Карлу XII [1]). Апраксину рекомендовалось зорко «смотрѣть на обороты Левенгаупта [2]), да и вообще стремиться всѣми силами организовать широкую развѣдывательную и сторожевую службу на юго-западной и сѣверной границахъ Ингермандландіи».

Для затрудненія движенія Левенгаупта на Ингрію или на Псковъ приняты были слѣдующія мѣры.

Еще осенью 1707 года Петръ приказалъ Ф. М. Апраксину направить на усиленіе Псковскаго гарнизона два пѣхотныхъ полка изъ ингерманландской полевой арміи [3]). 9-го февраля 1708 года было приказано держать всю конницу отряда Баура у Риги, а пѣхоту близъ Дерпта, установивъ вмѣстѣ съ этимъ связь между Новгородомъ и Ригою [4]). 25-го числа того же мѣсяца Царь издалъ указъ объ укрѣпленіи Пскова, о сборѣ всѣхъ ополченцевъ Новгорода и Пскова при Нарвѣ, Псковѣ и Лукахъ, «понеже время нужное настаетъ», и о предупрежденіи сельскаго населенія пограничныхъ уѣздовъ, чтобы свозили они запасы хлѣба и фуража, а также пожитки свои въ укрѣпленные города, такъ какъ всякое имущество, оставленное по деревнямъ, будетъ предано огню и владѣльцы «сами винны будутъ своему убытку» [5]). 2-го марта, узнавъ о посылкѣ Апраксинымъ Шомбурга съ 2,000 конницы для разоренія Лифляндіи, Петръ, вполнѣ одобривъ это распоряженіе, высказалъ, однако, мнѣніе, что въ экспедицію было бы лучше отправить всю конницу Баура для возможности предать полному разоренію весь раіонъ между Ревелемъ, Пер-

[1]) Госуд. Арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 7-я, л. 133.
[2]) Тамъ-же, отд. I, кн. 24-я, л. 94.
[3]) Тамъ-же, л. 90.
[4]) Тамъ-же, л. 96.
[5]) Тамъ-же.

новымъ и Ригою [1]). Около того же времени было приказано выселить всѣхъ плѣнныхъ шведовъ изъ Дерпта и Нарвы въ Вологду [2]).

Для предупрежденія нечаяннаго нападенія со стороны сѣвера на финляндской границѣ была организована сторожевая служба, возложенная на конницу. Еще въ зимнее время, въ февралѣ мѣсяцѣ, по берегу Финскаго залива, въ окрестностяхъ Сойкиной мызы, Красной Горки и Бронцовской мызы былъ расположенъ Тобольскій Драгунскій полкъ, которому надлежало слѣдить сначала за зимними путями по льду, а затѣмъ за вражескими кораблями; у Стрѣльны и у Поповой мызы поставлено 200 человѣкъ новгородскаго дворянскаго коннаго ополченія; въ Петербургѣ оставлено для разъѣздовъ 200 драгунъ; въ Ладогѣ—200 казаковъ; въ Олонецъ и на берегъ Ладожскаго озера посланъ Бахметевъ съ 600 казаками. Для развѣдокъ о непріятелѣ посылались партіи лыжниковъ по направленію къ Выборгу, а «для подлинной вѣдомости о непріятельскомъ намѣреніи» направилъ петербургскій оберъ-комендантъ Брюсъ въ самый Выборгъ «шпіона» [3]).

Между тѣмъ, собственно Ингерманландіи грозила опасность менѣе серьезная, чѣмъ того опасались. По свидѣтельству шведскаго историка Адлерфельда, лично сопутствовавшаго Карлу XII, на военномъ совѣтѣ, въ главной шведской арміи, при обсужденіи плана кампаніи, въ началѣ дѣйствительно остановились на соотвѣтственности двухъ операціонныхъ линій, предусмотрѣнныхъ русскими на совѣщаніи въ Бѣшенковицахъ. Согласно первому предложенію намѣчалось движеніе Карла XII черезъ Полоцкъ къ Новгороду, соединеніе вблизи послѣдняго съ Левенгауптомъ и Либекеромъ и дальнѣйшій походъ на Москву черезъ Тверскую провинцію. По второму варіанту

[1]) Госуд. Арх., Каб. И. В., отд. I, кн. 24-я, л. 97.
[2]) «Сборн. рус. истор. общ.», т. L (50-й), стр. 3.
[3]) Госуд. арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 7-я, л. 11 и 172.

указывалось на возможность движенія Карла XII вмѣстѣ съ Левенгауптомъ на Москву черезъ Смоленскъ. Однако, объ эти операціонныя линіи были признаны неудобными, какъ по невозможности содержать войска въ намѣченныхъ областяхъ, разореніе коихъ до вступленія въ нихъ шведовъ не представлялось затруднительнымъ, такъ и по необходимости задержаться на маршѣ для покоренія укрѣпленныхъ городовъ: въ первомъ случаѣ Пскова и Новгорода, во второмъ—Смоленска. Сильно смущало шведовъ и то обстоятельство, что въ обоихъ случаяхъ имъ пришлось бы двигаться среди дремучихъ лѣсовъ и болотъ, по путямъ сообщенія, порча которыхъ противникомъ могла бы обставить походъ весьма неблагопріятными условіями.

Выходъ изъ затруднительнаго положенія былъ предложенъ самимъ Карломъ XII, успѣвшимъ уже получить всевозможныя завѣренія въ преданности и богатыя обѣщанія отъ Мазепы, этого «Новаго Іуды», какъ окрестилъ малороссійскаго гетмана Петръ (Госуд. арх., Каб. II. В., отд. I, кн. 24-я, л. 140), узнавъ объ измѣнѣ послѣдняго лишь въ концѣ 1708 года.

Карлъ предложилъ движеніе главной шведской арміи, усиленной отрядомъ Левенгаупта, на Могилевъ, оттуда черезъ Сѣверскіе лѣса на Стародубъ, зимовку въ сѣверскихъ крѣпостяхъ, кои будутъ-де сданы шведамъ безъ боя и гдѣ войска найдутъ обильные запасы провіанта и фуража, заготовленные спеціально для шведовъ предупредительною заботливостью Мазепы, наборъ вспомогательныхъ отрядовъ въ средѣ малороссійскаго казачества и бунтующихъ донцовъ и инородцевъ, наконецъ, движеніе по прямой дорогѣ на Москву. Дорога эта представлялась наиболѣе удобною. «Вся страна между сѣверскимъ краемъ и Москвою»—пишетъ Адлерфельдъ—«низменна и ровна и въ высшей степени плодородна. Поля покрыты злаками и представляютъ собою чудныя пастбища. Травы такое обиліе, что не скосить всего, а трава по брюхо лошади. Та-

кимъ образомъ, Царю было бы невозможно окончательно разорить чудную страну по этой дорогѣ и всегда явилась бы возможность содержать на походѣ и шведскую пѣхоту и шведскую кавалерію». Карлъ былъ увѣренъ, что Москва покорится ему безъ затрудненій, что Петръ долженъ будетъ отступить въ поволжскія области, что тамъ русская армія не найдетъ средствъ къ пропитанію и что вражескія войска или разбѣгутся отъ Петра, или покорятся шведамъ. Подобные результаты намѣченной операціи казались шведскому королю тѣмъ болѣе достижимыми, что Карлъ твердо разсчитывалъ на полный успѣхъ дѣйствій вспомогательныхъ шведскихъ силъ. Онъ не сомнѣвался, что Станиславъ Лещинскій съ шведскимъ генераломъ Крассовымъ не замедлитъ покорить упрямыхъ поляковъ и направить затѣмъ коронную польскую армію на Кіевъ, а литовскую—на Смоленскъ. Не сомнѣвался король и въ томъ, что Либекеръ легко возьметъ Петербургъ и, усиленный гарнизонами Риги и Ревеля, предприметъ побѣдоносное шествіе по Новгородской и Псковской провинціямъ [1]).

По силѣ приведенныхъ предначертаній Карла XII, слѣдовало опасаться вторженія въ Ингерманландію лишь отряда Либекера, а также усиленія его гарнизонами Риги и Ревеля и, пожалуй, Пернова. Въ Ригѣ было 11 баталіоновъ, въ Ревелѣ—4, въ Перновѣ—2 [2]). Находился въ Лифляндіи и небольшой отрядъ полевыхъ войскъ—одинъ рейтарскій и одинъ пѣхотный полки—съ полковникомъ Шлиппенбахомъ (сыномъ генерала, трижды разбитаго Шереметевымъ: подъ Эрестферомъ, при Гумельсгофѣ и при р. Эмбахъ у Дерпта), но отрядъ этотъ былъ уничтоженъ Апраксинымъ еще до перехода Либекера

[1]) «Histoire militaire de Charles XII roi de Suède, depuis l'an 1700, jusqu'à la bataille de Pulthawa en 1709, écrite par ordre exprès de Sa Majesté, par m-r Gustave Adlerfeld, chambellan du roi. A Amsterdam MDCCXL», t. IV, pp. 4—12.

[2]) Бутурлинъ, т. II, стр. 158—160.

черезъ Неву [1]). Представлялъ нѣкоторую опасность и шведскій флотъ; но слабая дѣятельность послѣдняго въ теченіе предшествовавшихъ двухъ лѣтъ позволяла разсчитывать, что эта сила будетъ парализована нашей эскадрой, значительно къ тому времени усилившейся: въ кампанію 1708 г. готовилось у Петербурга 12 кораблей, 3 фрегата, 8 галеръ, 6 брандеровъ, 2 бомбардирскихъ корабля, 10 транспортовъ, 20 шнявъ и 30 бригантинъ, имѣвшихъ 682 орудія и до 8,000 человѣкъ судовыхъ командъ [2]).

Однако, въ теченіе бо́льшей половины лѣта на ингерманландскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій все обстояло благополучно. Сухопутныя и морскія силы шведовъ пребывали въ бездѣйствіи, не смотря на частыя и болѣе нежели смѣлыя рекогносцировки и набѣги отдѣльныхъ русскихъ партій на пограничныя области врага. Наши кавалерійскіе разъѣзды и мелкіе отряды доходили до Ревеля и до Выборга; отряды на мелкихъ судахъ расхаживали по финляндскимъ шхерамъ восточной части Финскаго залива, подходя къ самому Выборгу и достигая даже Борго; не останавливались наши моряки и передъ необходимостью появленія, въ видахъ развѣдокъ, у мѣстъ стоянокъ шведскаго флота. Главная цѣль этихъ летучихъ экспедицій заключалась въ добычѣ «языковъ»; но не преминули наши и похозяйничать на берегахъ Финляндіи: масса прибрежныхъ селъ и деревень была разграблена и сожжена; пограбили не мало и торговыхъ шведскихъ судовъ [3]).

Привезенный шаутбенахтомъ (контръ-адмираломъ) графомъ Иваномъ Ѳедосѣевичемъ Боцисомъ изъ майской экспедиціи его съ семью бригантинами и девятью скампавеями [4]) подъ Борго плѣнный шведскій поручикъ показалъ, что въ окрест-

[1]) Госуд. арх., Каб. П. В., отд. I, кн. 19-я, л. 164.

[2]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 148.

[3]) Государ. арх., Каб. П. В., отд. I, кн. 19-я, л. 163, кн. 20-я, л. 4; отд. II, кн. 7-я, лл. 22, 38, 45, 46 и 164.

[4]) Скампавея—гребное судно, вооруженное легкою артиллеріею.

ностяхъ Выборга расположено до 11,000 конныхъ и пѣшихъ шведовъ, саксонцевъ [1]) и чухонъ, коимъ отдано приказаніе собраться въ городъ для похода по первому требованію, а также что въ Выборгъ ждутъ изъ Стокгольма новаго генерала (Либекера, долженствовавшаго замѣнить Майделя) съ тремя полками [2]).

Но съ походомъ подъ Петербургъ шведы не торопились. Лишь въ іюлѣ мѣсяцѣ Либекеръ получилъ приказаніе шведскаго сената вторгнуться въ Ингерманландію «какъ для того, чтобы привлечь силы врага къ этой странѣ, такъ и для того, чтобы воспрепятствовать, въ мѣрѣ возможности, безпокоить марш короля въ Украйну» [3]). Около того-же времени Петръ получилъ положительныя свѣдѣнія о послѣдовавшемъ приказаніи Левенгаупту «идти на слученіе» къ Карлу XII и тотчасъ-же повелѣлъ Бауру, отпустивъ къ Нарвѣ два нарвскіе полка и оставивъ тамъ-же два полка драгунъ, идти съ остальною конницей и пѣхотой вслѣдъ за Левенгауптомъ [4]).

Либекеръ выступилъ изъ Выборга 1-го (12-го) августа, но выступилъ не въ добрый часъ: на слѣдующій-же день пошелъ проливной дождь, безпрерывно продолжавшійся въ теченіе 15-ти сутокъ и обратившій всѣ дороги въ весьма плохое состояніе [5]). Это обстоятельство было для шведовъ тѣмъ печальнѣе, что Либекеръ не рѣшился избрать своимъ путемъ болѣе разработанную и удобную большую Выборгскую дорогу: на дорогѣ этой его, конечно, сторожили русскіе и въ мѣстѣ подхода дороги къ Невѣ, у Охты, имѣлись возведенныя въ 1707 году русскія укрѣпленія — флешь съ искусственными

[1]) Согласно съ условіями Альтранштадтскаго договора, нѣкоторыя саксонскія войска были отданы Августомъ II въ полное распоряженіе Карла XII. (Adlerfeld, t. IV, p. 28).

[2]) Госуд. арх., Каб. И. В., отд. I, кн. 20-я, л. 4; отд. II, кн. 7-я, лл. 29 и 30.

[3]) Adlerfeld, t. III, p. 540.

[4]) Госуд. арх., Каб. И. В., отд. I, кн. 24-я, л. 110.

[5]) Adlerfeld, t. III, p. 540.

препятствіями у самой Невы и люнетъ верстахъ въ 10-ти отъ перваго пункта [1]) — шведскій-же генералъ хотѣлъ переправиться черезъ Неву безъ особыхъ потерь, по возможности, неожиданно для русскихъ. Шведскому отряду необходимо было свернуть съ большой дороги на проселочные пути, не доходя до Невы на значительное разстояніе и стать бивакомъ недалеко отъ центра дуги, образуемой теченіемъ рѣки, для возможности появиться въ любомъ мѣстѣ послѣдней съ одною и тою-же быстротою. Мѣстомъ для такого бивака было избрано мѣстечко Келтисъ [2]), село Колтуши тожъ [3]), расположенное на прямой линіи между истокомъ и устьемъ Невы, въ разстояніи около 20-ти верстъ отъ того и другого, въ 10-ти—12-ти верстахъ отъ всего берега между устьями рѣкъ Охты и Ижоры, въ 13-ти—18-ти верстахъ отъ устьевъ рѣкъ Тосны и Мьи. Отсюда было болѣе нежели удобно произвести демонстрацію на любой пунктъ побережья, заставить противника стянуть къ этому мѣсту войска и быстро направить главныя силы къ другому пункту для совершенія переправы безъ серьезной помѣхи.

Благодаря дурной погодѣ, испортившимся путямъ сообщенія и наличности громоздкаго обоза съ понтонами, коихъ имѣлось у Либекера отъ 50-ти до 60-ти [4]), шведы двигались медленно. Лишь 22-го августа они перешли черезъ рѣку Сестру [5]) и появились въ Колтушахъ 27-го числа. Въ тотъ-же самый день въ виду Кронштлота показался шведскій флотъ въ 22 вымпела [6]).

Узнавъ о переходѣ шведовъ черезъ рѣку Сестру, Апрак-

[1]) Инженерн. арх., планы 1-го разр., № 22787.
[2]) Adlerfeld, t. III, p. 542.
[3]) Бутурлинъ, т. II, стр. 227.
[4]) Госуд. арх., Каб. II. В., отд. II, кн. 7-я, лл. 65, 69 и 70.
[5]) Тамъ-же, л. 61.
[6]) Тамъ-же, л. 62.

синъ, находившійся въ то время въ Нарвѣ, быстро собрался въ дорогу и не замедлилъ прибыть въ Петербургъ [1]).

Въ то время подъ Петербургомъ было сосредоточено до 1,800 человѣкъ драгунъ, двѣ сотни дворянскаго коннаго ополченія, четыре сотни казаковъ и до 6,500 человѣкъ пѣхоты, да на Котлинѣ стояло не многимъ менѣе 5,000 пѣхоты, считая въ томъ числѣ матросовъ, не входившихъ въ составъ судовыхъ командъ, и солдатъ на галерахъ [2]).

[1]) Гос. Арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 7-я, л. 61.

[2]) Къ сентябрю 1708 года при Петербургѣ и на островѣ Котлинѣ имѣлся нижеслѣдующій составъ воинскихъ частей (наличный).

При С.-Петербургѣ:

А. Пѣхота.	чел.
Губернаторскій пѣхотный полкъ	801
Апраксина	668
Брюса	894
Абрамова	805
Фразера	667
Трейдена (часть)	422
Инглиса	400
Фонъ Фихтингтона	1,013
Лутковскаго гренадерскій полкъ	402
Грекова	376
Итого пѣхоты при Петербургѣ	6,448
Б. Кавалеріи.	
Луцкій драгунскій полкъ	595
Вологодскій	718
Нарвскій (часть)	250
Олонецкій (часть)	150
Тобольскій (часть)	80
Выборный эскадронъ дворянъ	220
Казаковъ	400
Итого конницы при Петербургѣ	2,413

На Котлинѣ:

Толбухина пѣхотный полкъ	1,000
Островскаго	800
Трейдена (часть)	600
Морскихъ солдатъ	1,200
Матросовъ (на сушѣ и галерахъ)	600
Галерныхъ Микишина полка	600
Итого на Котлинѣ	4,800

(Государ. арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 8, л. 831).

Первою мѣрою Апраксина была посылка изъ Петербурга, вверхъ по Невѣ, всѣхъ наличныхъ драгунъ и двухъ баталіоновъ пѣхоты. Войска эти были раздѣлены на два равносильные отряда, ввѣренные полковнику Монастыреву и подполковнику Манштейну. Первому было приказано стать на рѣкѣ Ижорѣ, второму нѣсколько выше устьевъ Тосны, выславъ къ самой Тоснѣ три эскадрона драгунъ съ маіоромъ Жеребцовымъ. Двинутъ былъ также баталіонъ пѣхоты и изъ Шлиссельбурга и велѣно было разставить караулы по всему теченію рѣки [1]). На самой Невѣ, между устьями Мьи и Мойки, стоялъ «галерный шаутбенахтъ», графъ Боцисъ, съ восемью скампавеями, а близъ устья Ижоры—поручикъ Гельма съ пятью бригантинами [2]).

Вечеромъ 28-го августа Апраксинъ получилъ письмо отъ графа Боциса съ извѣщеніемъ, что шведы появились на берегу Невы противу устья Мьи и приступили къ постройкѣ батареи [3]).

Въ донесеніи своемъ Царю объ этомъ дѣйствіи противника адмиралтействъ-совѣтникъ Кикинъ высказывалъ соображеніе, что подобныя батареи будутъ сооружаться шведами во многихъ пунктахъ праваго берега Невы для введенія русскихъ въ заблужденіе относительно выбора мѣста переправы [4]); но иначе посмотрѣлъ на дѣло Апраксинъ. Онъ приказалъ нашимъ войскамъ, которыя могли быть двинуты отъ Петербурга безъ риска оставить крѣпость незащищенной, тотчасъ же двинуться къ устьямъ Мьи. Переходъ этотъ, протяженіемъ до 45-ти верстъ, былъ совершенъ нашею пѣхотою въ двѣ ночи и одинъ день:

[1]) Государ. арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 7, лл. 76 и 77.

[2]) «Журналъ или поденная записка Петра Великаго съ 1698 года до заключенія Нейштадтскаго мира». Спб., 1770 г., стр. 174—177; Государ. арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 7, лл. 114 и 115.

[3]) Тамъ же.

[4]) «Матеріалы флота», т. I, стр. 167.

къ утру, 30-го августа, войска уже подходили къ устьямъ Мьи.

Въ то же утро генералъ-адмиралъ направился изъ Петербурга къ угрожаемому пункту самолично, слѣдуя берегомъ Невы. Но не успѣлъ онъ отъѣхать и нѣсколькихъ верстъ, какъ на встрѣчу ему попались наши часовые, доложившіе, что непріятель появился ниже впаденія въ Неву рѣки Тосны, верстахъ въ трехъ отъ послѣдней, пока на противоположномъ берегу Невы. Прискакавъ туда, Апраксинъ дѣйствительно увидѣлъ, что на правомъ берегу Невы «непріятель стоитъ въ парадѣ и что первое мѣсто для обмана учинилъ» [1]).

Это былъ посланный впередъ, съ понтонами, двухтысячный отрядъ полковника Генриха Гастфера, коему было приказано переправиться черезъ Неву, укрѣпиться на лѣвомъ ея берегу и обезпечить переправу въ томъ же мѣстѣ для остальныхъ войскъ Либекера [2]).

Въ распоряженіи Апраксина имѣлся лишь небольшой конвой, да люди съ ближайшихъ постовъ, которые, само собою разумѣется, не могли оказать никакого сопротивленія шведамъ. Разослали гонцовъ за войсками, двигавшимися къ устью Мьи, но тѣ ушли уже далеко и во́-время поспѣть не могли. Послѣдняя надежда возлагалась на показавшіяся со стороны Ижоры суда—двѣ бригантины Синявина и Лоренса.

Между тѣмъ непріятель началъ вязать изъ понтоновъ паромы («плоты»). Вмѣстѣ связывалось по восемь понтоновъ, каждый понтонъ длиною въ три и шириною въ двѣ сажени; сверху устраивался помостъ изъ досокъ. По окончаніи этой работы на плоты посадили 1,600 человѣкъ пѣхоты и тронулись на веслахъ къ ингерманландскому берегу. По наблю-

[1]) «Журналъ П. В.», стр. 174—177; Госуд. арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 7, лл. 114 и 115.

[2]) Adlerfeld, t. III, p. 541.

давшей за этою операціею съ лѣваго берега кучкѣ нашихъ людей шведы открыли жестокій пушечный огонь съ 8-ми-орудійной батареи, заблаговременно и тайно устроенной ими въ лѣсу у мѣста переправы. Но не успѣли понтоны дойти и до середины рѣки, какъ къ мѣсту переправы подошли двѣ наши бригантины. Мѣткій огонь послѣднихъ почти въ упоръ пріостановилъ на время операцію противника: паромы повернули къ своему берегу и войска сошли на сушу. «Непріятель съ батарей поворотилъ пушки и началъ стрѣлять по нашимъ бригантинамъ» [1]). Трудно было этимъ небольшимъ и слабо вооруженнымъ судамъ бороться съ батареею тѣмъ болѣе, что шведы стрѣляли мѣтко. Въ нѣсколько минутъ бригантина Синявина потеряла мачту и получила двѣ подводныя пробоины; тяжелыя поврежденія были нанесены и бригантинѣ Лорепса. Суда принуждены были отступить и шведы безпрепятственно переправились на лѣвый берегъ Невы на пяти паромахъ, имѣя на каждомъ по 300 человѣкъ пѣхоты. Тотчасъ по высадкѣ они приступили къ устройству окопа.

Тѣмъ временемъ къ мѣсту переправы приспѣло 400 человѣкъ нашихъ драгунъ и баталіонъ пѣхоты съ маіоромъ Волоховымъ, при которомъ имѣлось три полковыя (3-хъ-фунтовыя) пушки. Пѣхота со спѣшенными драгунами храбро бросилась въ атаку на окопъ непріятеля, но «по трехъ-часовомъ боѣ принуждены были отступить, понеже непріятель безпрестанно прибавливался, а нашимъ сикурса, за дальностью, получить было невозможно» [2]). Правда, дальность была не особенно велика: полки еще шли къ устью Мьи, а отъ этого пункта до мѣста переправы шведовъ было не болѣе 10—15 верстъ, но войска, очевидно, были крайне утомлены форсированнымъ переходомъ; требовать же высылки гарнизона Петербурга опа-

[1]) Государ. арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 7, лл. 65, 69, 114 и 115. Adlerfeld, t. III, p. 542.

[2]) «Журналъ П. В.», стр. 174—177.

сались вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній о приближеніи непріятельской конницы къ устьямъ Охты [1]).

Главной причиной полной успѣшности переправы шведовъ черезъ Неву было, конечно, принятіе Апраксинымъ шведской демонстраціи у Мьи за серьезное намѣреніе врага произвести десантъ въ этомъ мѣстѣ; но немаловажнымъ явилось и непонятное бездѣйствіе флотиліи графа Боциса, который, какъ о томъ доносилъ Петру Апраксинъ, «слыша непрестанную пушечную стрѣльбу, которой было близъ пяти часовъ, въ сикурсъ къ намъ не пошелъ, а стоялъ отъ насъ ближе десяти верстъ вверхъ по рѣкѣ Невѣ. А ежели бъ онъ пошелъ, возмогъ учинить великую помощь, понеже при немъ было вооруженныхъ, съ пушками и людьми, восемь скампавей, а пришелъ на то мѣсто, гдѣ непріятель перешелъ, на пятый день».

«Нынѣ», — заканчивалъ свое донесеніе генералъ-адмиралъ, — «сіе пространно писать оставлю, а буду впредь на него просить военнаго суда» [2]).

Укрѣпившись на лѣвомъ берегу Невы, Гастферъ далъ знать Либекеру о полной безопасности для переправы всего отряда шведскихъ войскъ, предназначавшихся для вторженія въ Ингрію. Либекеръ двинулся впередъ и въ теченіе 13-ти сутокъ весь корпусъ переправился на ингерманландскій берегъ [3]).

Согласно указаніямъ нашихъ официальныхъ источниковъ, въ планы Либекера не входило немедленное вторженіе въ наши области: онъ опасался «отъ такой великой переправы отдалиться» [4]). Весьма возможно, что шведскій генералъ считалъ пребываніе свое на лѣвомъ берегу вполнѣ достаточнымъ для выполненія возложенной на него миссіи — привлечь къ сѣверу значительныя силы русскихъ и заботливо старался о надеж-

[1]) Государ. арх., Каб. П. В., отд. II, кн. 7, лл. 76 и 77.
[2]) Тамъ же, л. 84.
[3]) Adlerfeld, t. III, p. 542.
[4]) «Журналъ П. В.», стр. 174—177.

номъ обезпеченіи пути отступленія, почему и не хотѣлъ отдаляться отъ Невы. Быть можетъ Либекеръ выжидалъ и направленія на Ингерманландію съ другой, юго-западной, стороны вспомогательнаго шведскаго отряда, который могъ быть сформированъ изъ гарнизоновъ крѣпостей Лифляндіи и Эстляндіи. Носились даже слухи о томъ, что такой отрядъ уже сформированъ, численностью въ 5,000 человѣкъ, и идетъ съ генераломъ Штромбергомъ (Стрембергомъ) изъ Ревеля водянымъ путемъ къ Нарвѣ [1]). Во всякомъ случаѣ послѣдовавшее движеніе Либекера вглубь страны было вызвано причинами, отъ него не зависѣвшими.

Передъ выступленіемъ изъ Выборга шведы имѣли свѣдѣнія, что на ингерманландскомъ берегу Невы, въ окрестностяхъ низовій рѣки Тосны, были сосредоточены большіе запасы продовольствія [2]). Вполнѣ повѣривъ этому извѣстію и разсчитывая на легкость захвата нашихъ складовъ, Либекеръ выступилъ въ походъ налегкѣ, совершенно не озаботившись организаціей продовольствія арміи. Провіанту, по показанію саксонскаго перебѣжчика, взяли съ собою лишь на одинъ августъ мѣсяцъ, да и то въ скудномъ количествѣ: давали по два сушеныхъ хлѣба на пять сутокъ, причемъ порціи этой едва де хватало и на два дня [3]). Но свѣдѣнія шведовъ оказались невѣрными; никакихъ особыхъ запасовъ на мѣстѣ переправы не нашлось, а частные запасы мѣстныхъ сельскихъ жителей или были свезены въ Петербургскую крѣпость, или были преданы огню [4]). Уже 2-го сентября дезертиры показали, что шведскія войска семь дней не получали никакого продовольствія и питались

[1]) Государ. арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 7, л. 95.

[2]) Государственный архивъ, кабинетъ Петра Великаго, отд. II, кн. 7-я, лл. 114 и 115.

[3]) Государственный архивъ, кабинетъ Петра Великаго, отд. II, кн. 7-я, лл. 63, 64 и 65.

[4]) Журналъ И. В., стр. 174—177.

трупами убитыхъ лошадей [1]). Подвозовъ изъ Финляндіи не было никакихъ, ибо наши отряды бережно стерегли большую выборгскую дорогу. Голодъ породилъ всевозможные безпорядки въ рядахъ непріятельской арміи. Въ особенности пошаливали саксонцы, силою принужденные сражаться въ рядахъ шведскаго войска и крайне недовольные обращеніемъ съ ними шведскихъ офицеровъ [2]). 1-го сентября къ намъ явилось 70 дезертировъ саксонцевъ и съ каждымъ днемъ число перебѣжчиковъ все прибавлялось [3]).

Подобное положеніе заставило Либекера двинуться нѣсколькими колоннами вглубь Ингерманландіи, по направленію къ Дудеровой мызѣ, гдѣ, какъ то узнали шведы, у русскихъ имѣлись магазины, «полные одеждою для солдатъ и жизненными припасами» [4]).

Но тщетно расхаживали шведскіе отряды между Дудеровой мызой и Скворицами, «чая для себя довольство къ пропитанію получить» [5]). Не рѣшаясь вступить съ врагомъ въ генеральное сраженіе, Апраксинъ прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы безпокоить шведовъ на маршѣ, задерживать ихъ на всякой переправѣ и уничтожать впереди нихъ всякіе припасы. Съ этою миссіею были направлены: въ Копорскій уѣздъ и къ Ладогѣ—Бахметевъ съ казаками, а въ непосредственную близость со шведами—Манштейнъ съ регулярною конницею [6]).

Между тѣмъ, въ Ингерманландію прибыло подкрѣпленіе конницы: изъ Пскова явилось 300 коней, изъ Москвы—500 [7]). Вся кавалерія была ввѣрена бригадиру Фразеру, получившему отъ Апраксина подробныя инструкціи для дѣйствій, по ока-

[1]) Государ. арх., каб. И. В., отд. II, кн. 7-я, л. 80.
[2]) Тамъ же, лл. 63, 64 и 65.
[3]) Тамъ же, л. 78.
[4]) Adlerfeld, t. III, p. 543.
[5]) Журналъ И. В., стр. 174—177.
[6]) Госуд. арх., Каб. И. В., кн. 7-я, л. 81.
[7]) Тамъ-же, л. 83.

завшемуся, однако, не на высотѣ своего призванія. По вступленіи Фразера въ командованіе, нѣсколько дней о нашей конницѣ не было слышно; не имѣлось отъ Фразера и свѣдѣній о непріятелѣ.

Тѣмъ временемъ до Апраксина стали доходить слухи, что чухны Копорскаго уѣзда помогаютъ шведамъ провіантомъ и лошадьми, бродятъ вооруженными по лѣсамъ, бьютъ нашихъ вѣстовыхъ драгунъ и казаковъ и добровольно принимаютъ на себя обязанности шведскихъ шпіоновъ.

Относя такое поведеніе чухонъ, главнымъ образомъ, къ тому обстоятельству, что кавалерія наша перестала слѣдить за шведскими фуражирами. Апраксинъ послалъ на поиски Фразера разумнаго и ловкаго человѣка, лично извѣстнаго Петру и пользовавшагося его довѣріемъ адмиралтействъ-совѣтника Кикина. Кикинъ нашелъ Фразера со всею конницею подъ Ямбургомъ, бездѣйствовавшаго, объяснившаго свое поведеніе стратегическимъ маневромъ — попыткой загородить Либекеру путь для соединенія съ арміей Карла XII. Отстранивъ самозваннаго стратега отъ командованія кавалеріей, Кикинъ быстро поправилъ дѣло: всѣ необходимыя о шведахъ свѣдѣнія были получены, нѣсколько фуражировавшихъ шведскихъ партій было избито, дороги украсились во многихъ мѣстахъ повѣшенными шпіонами изъ чухонъ, а всей вообще чухнѣ Копорскаго уѣзда, разсыпавшейся было при появленіи нашей конницы, съ женами и дѣтьми, по лѣсамъ, отданъ категоричный приказъ идти за Нарву, подъ угрозою, что всѣ оставшіеся, безъ различія пола и возраста, будутъ перестрѣляны [1]).

Между тѣмъ, положеніе шведовъ, истомленныхъ голодомъ, ослабленныхъ побѣгами солдатъ на нашу сторону, непрестанно тревожимыхъ отдѣльными партіями русскихъ, уклоняв-

[1]) Госуд. арх., Каб. И. В., отд. II, кн. 7-я, лл. 82, 83, 90, 91 и 92.

шихся отъ генеральнаго боя, становилось критическимъ. На военномъ совѣтѣ, гдѣ-то между Скворицами и Копорьемъ (у Адлерфельда мѣстечко Heiligbusch) было рѣшено отправить гонца въ Ревель къ генералъ-лейтенанту Шлиппенбаху для полученія свѣдѣній, возможно-ли будетъ отряду Либекера стать на зимнія квартиры въ Эстоніи. Въ ожиданіи отвѣта Либекеръ двинулся къ Копорью, около котораго разгромилъ русскую кавалерійскую партію [1]). Очевидно, отдалившись отъ «великой переправы», шведскій генералъ не рѣшался возвращаться по старой дорогѣ. Хотя этимъ путемъ онъ и достигъ бы скорѣе всего предѣловъ спокойнаго владычества шведовъ, но переправа черезъ Неву, усиленно оберегавшаяся флотиліею мелкихъ русскихъ судовъ, нѣсколько поздно проявившихъ энергичную дѣятельность, не улыбалась неудачному колонновожатому.

«Разсказываютъ»—читаемъ въ донесеніи Витворта къ своему правительству отъ 3-го ноября 1708 года—«будто шведы, разбивъ горсть русскихъ драгунъ и захвативъ одну или двѣ обозныя фуры, нашли въ нихъ платье начальника русскаго отряда, бригадиръ-генерала Фразера (который снова принялъ командованіе надъ кавалеріей по отъѣздѣ въ Петербургъ Кикина), а въ карманѣ его странное письмо отъ вице-адмирала, въ которомъ Крейсъ умолялъ генерала Фразера зорко слѣдить за шведами и подавалъ ему надежду на скорое и значительное подкрѣпленіе, такъ какъ, по словамъ его, въ Нарвѣ стоитъ 6,000 человѣкъ, въ Новгородѣ 5,000 пѣхоты и 12,000 драгунъ, въ Ладогѣ 3 или 4,000 и всѣ эти отряды въ избыткѣ снабжены провіантомъ и припасами всякаго рода. Письмо это испугало генерала Либекера и онъ немедленно написалъ о немъ адмиралу Анкерштерну, указывая на опасность, грозящую сухопутной шведской арміи со стороны пре-

[1]) Adlerfeld, t. III, p. 545.

восходныхъ силъ непріятеля, если не вывезти ее немедленно на судахъ флота. Адмиралъ въ началѣ отказалъ, но Либекеръ послалъ ему маіора съ подтвержденіемъ этой просьбы, прибавляя, что если онъ не исполнитъ ее, отвѣтственность за гибель королевской арміи ляжетъ на него. Тогда адмиралъ согласился принять людей, но безъ обоза и лошадей... Врядъ ли можно допустить, чтобы шведы имѣли о положеніи дѣлъ въ Ингріи свѣдѣнія до того ошибочныя, что повѣрили такому письму. Но такъ какъ изложенный разсказъ сообщенъ мнѣ самимъ вице-адмираломъ (Крейсомъ), то передаю его» [1]).

Адлерфельдъ, хотя и не бывшій лично на Ингерманландскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, но писавшій о событіяхъ въ Ингріи въ 1708 году по подробнымъ реляціямъ самого Либекера, также упоминаетъ объ исторіи съ письмомъ, найденнымъ въ обозѣ Фразера [2]). Однако мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію Витворта: даже если и допустить фактъ существованія подложнаго письма, врядъ ли шведы, повторимъ и мы слова англійскаго дипломата, были освѣдомлены о русскихъ силахъ столь плохо, что могли принять за правду сообщеніе о движеніи на помощь Апраксину свыше 20,000 войска изъ Нарвы, Новгорода и Ладоги. Много вѣроятнѣе, что Либекеръ или выдумалъ письмо самъ, или увѣрялъ впослѣдствіи, что повѣрилъ ему, лишь для того, чтобы оправдать спѣшность своего отступленія съ потерею всего обоза и лошадей.

Какъ бы то ни было, но 29-го сентября (10-го октября по новому стилю) Либекеръ двинулся изъ-подъ Копорья къ Сойкиной мызѣ, въ виду которой стоялъ на якорѣ весь шведскій флотъ, приказалъ перестрѣлять всѣхъ наличныхъ лошадей, числомъ свыше 5,000, и приступилъ къ посадкѣ сво-

[1]) Сборн. русск. истор. общ., т. L, стр. 110.
[2]) Adlerfeld, t. III, p. 545.

ихъ войскъ на суда, къ посадкѣ, которая длилась двѣ недѣли» [1]).

Извѣстіе о посадкѣ войскъ Либекера на суда шведскаго флота дошло до Апраксина лишь 12-го октября стараго стиля. Быстро собравъ ближайшія войска—пять баталіоновъ пѣхоты, до 2,000 драгунъ и нѣкоторое количество иррегулярной конницы—генералъ-адмиралъ двинулся къ Сойкиной мызѣ, выславъ впередъ разъѣздъ казаковъ, «чтобы достать знатнаго языка». Казаки поймали шведскаго поручика, показавшаго, что непріятель «подлинно убирается на корабли» и что на берегу, близъ деревни Криворучье, осталось всего пять баталіоновъ шведской пѣхоты, размѣщенныхъ въ окопѣ, усиленномъ лѣсною засѣкою. Атака окопа гренадерами и спѣшенными драгунами съ маіоромъ Грековымъ и поручикомъ Синявинымъ, произведенная со стороны суши и въ обходъ укрѣпленія по водѣ, со стороны моря, закончилась полнымъ пораженіемъ шведскаго аріергарда: «непріятеля побили такъ, что ни одинъ не ушелъ, но или убитъ, или взятъ». Огонь шведскихъ кораблей дѣлу не помогъ: надо полагать, что конфигурація морского дна у берега не позволила шведскимъ судамъ приблизиться на соотвѣтственную дистанцію и ядра шведовъ не долетали до берега. Не рискнули шведы помочь аріергарду и путемъ высылки десанта, быть можетъ по недостаточной наличности мелкихъ судовъ, быть можетъ и по тому обстоятельству, что главнымъ стремленіемъ Либекера было убраться по возможности скорѣе въ Финляндію. Флотъ поднялъ паруса и ушелъ къ Біоркэ, гдѣ высадилъ отрядъ Либекера на сушу.

Въ дѣлѣ у Криворучья шведы потеряли 900 человѣкъ убитыми и 157 взятыми въ плѣнъ. Наши потери выразились

---

[1]) Adlerfeld, t. III, p. 546.

59-ю убитыми и 224-мя ранеными. На мѣстѣ было найдено до 6,000 убитыхъ коней [1]).

«Таковы были» — пишетъ Адлерфельдъ — «несчастные успѣхи предпріятія, которое казалось раньше столь выгоднымъ и которое могло бы имѣть послѣдствія болѣе значительныя и счастливыя, если бы велось съ большею увѣренностью и осторожностью. Оно было лишь причиною гибели значительнаго числа туземцевъ, которые, ставъ предварительно на сторону своихъ старыхъ господъ, были обращены въ рабство» [2]).

Нашествіе Либекера было послѣднимъ актомъ боевыхъ событій въ Ингерманландіи въ теченіе Сѣверной войны. Сраженіе у Лѣсной, эта мать Полтавской побѣды, отвлекло отъ Невы вниманіе не только Карла, но и стокгольмскаго правительства. Бой подъ Полтавой и уничтоженіе арміи Карла завершили завоеваніе Ингріи и съ тѣхъ поръ ни одинъ вооруженный шведъ не переступалъ черезъ границу областей «отчичь и дѣдичь» Великаго Монарха.

[1]) Журн. И. В., стр. 174—177; Госуд. арх., каб. И. В., отд. II, кн. 7-я, лл. 106, 114 и 115.

[2]) Adlerfeld, t. III, p. 547.

EXPLICATION.

A. Die Festung Nien-Schantz.

B. Die alte Stadt, wovon aber die um selbe gewesene Fortification schon von längst verfallen und eingegangen.

C. Die Vor-Stadt und Wonungen der fürnehmsten Einwoher und Kaufleuthe.

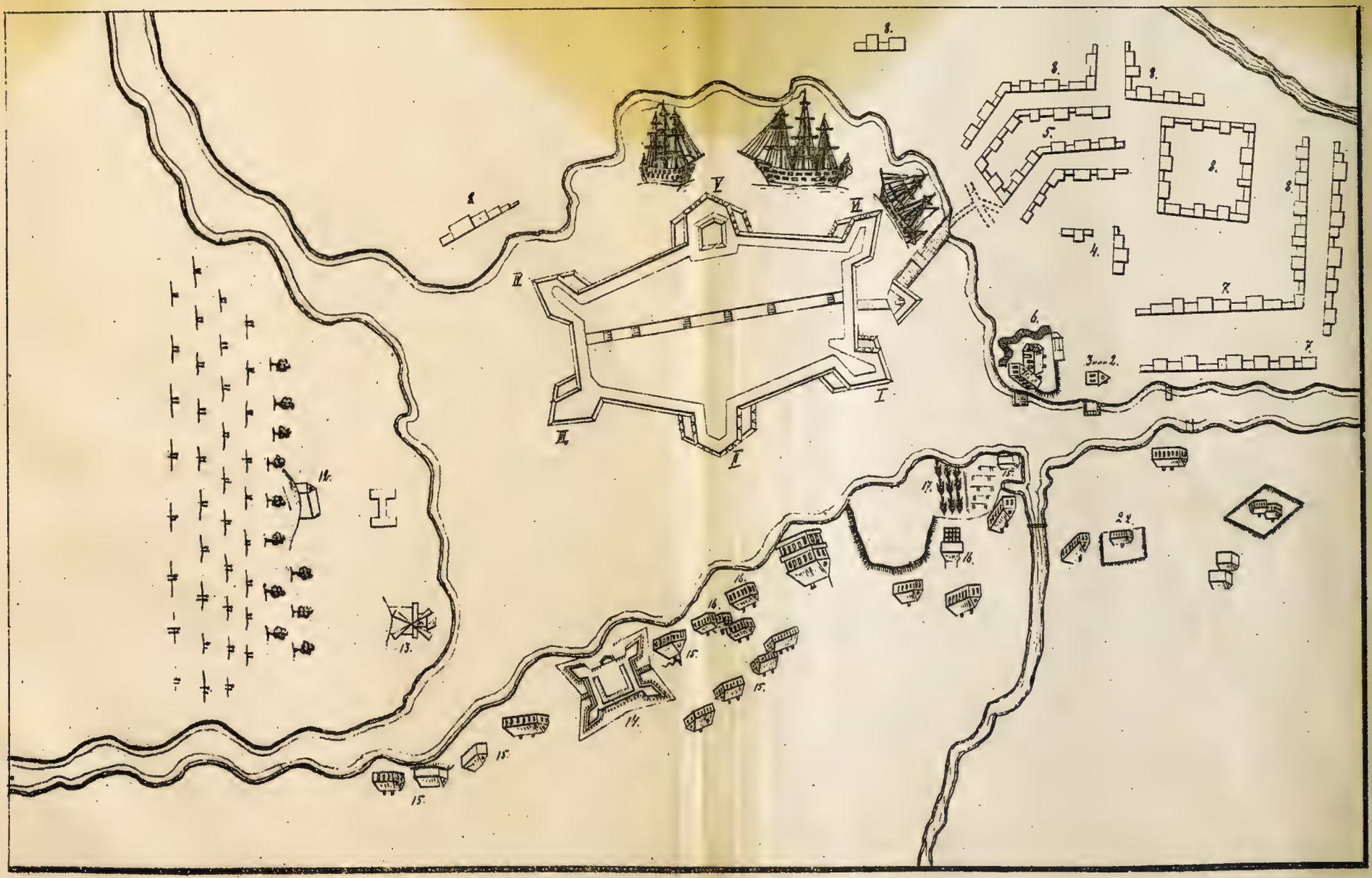
D. Ein auf der anderen Seite des Newa Stroms angelegtes Fortifications-Werck, so aber von den Schweden bald verlassen worden.

E. Das Russische Zager.

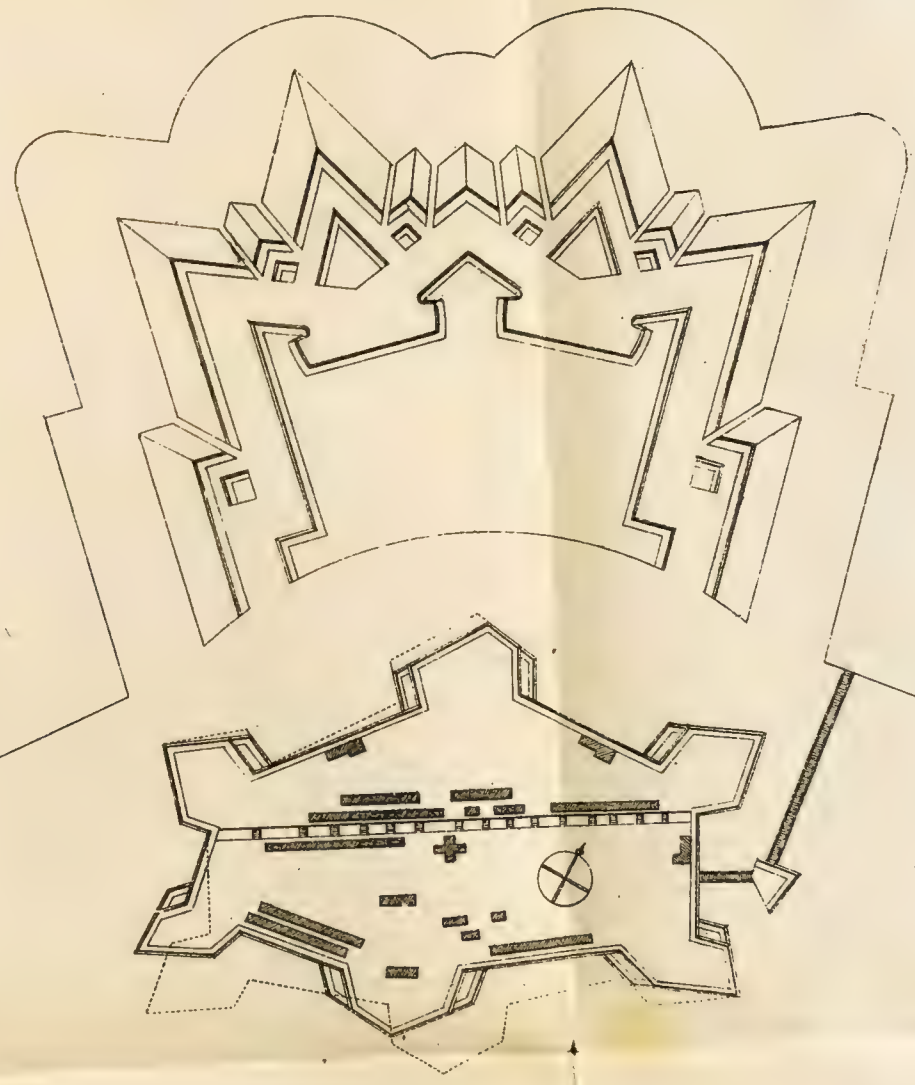
F. Die Approchen, Batterien und Kessel.

Укрѣпленіе на островѣ Котлинѣ въ 1705 г.
и планъ расположенія русской эскадры къ 4 Іюня того года.
Пѣхотный окопъ
Толбухина №II
Толбухина №I
Лѣсная
Ивановская
Старая
Кроншлотъ
Плавучія рогатки.
24ть пушечные фрегаты
A. Дефамъ (150 ч-къ) - в. адм. Крейсъ.
B. Тріумфъ (120) - шпутъ. Резъ.
C. Дерптъ (120) - кап. Янъ Пагъ.
D. Карва (120) - кап. Янъ Резъ.
E. Кроншлотъ (120) - кап. де Гаасъ.
F. Штандартъ (120) - кап. де Ланге
G. Петербургъ (120) - кап. Веккомъ.
H. Михаилъ Архангелъ (120 - кап. Фокъ
Брандеры
I. Везувій - кап. Сиитъ.
Г. Этна - кап. Грунъ.
12ти пушечныя шнявы
J. Мункеръ (120) - кап. Гельма.
K. де Гасъ (80) - кап. Ив. Крейсъ.
L. Ямбургъ (70) - кап. Россъ.
M. Св. Якимъ (70) - кап. Клинкертъ.
N. St. Jochem. (70) кап. Симсонъ.
Галеры.
O. Золотой Орелъ (400) - Даміано.
P. Ѳедоръ Стратилатъ (350) - Лица.
Q. Св. Петръ (350) - Молино.
R. Александръ Македонскій (350) - Джо Марія.

ПЛАНЪ С.-ПЕТЕРБУРГА. Сентябрь 1706 года.



ПЛАНЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ въ 1707 году.



ИВ 31
3 Т41 П

ИВ.
3